

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**УРАЛЬСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 2 / 2014

серия

ПСИХОЛИНГВИСТИКА В ОБРАЗОВАНИИ

Екатеринбург
2014

УДК 81(082)

ББК Ш1

У68

Редакционная коллегия:

Серия «Психолингвистика в образовании»:

Т.А. Гридина, д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Н.И. Коновалова, д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Н.А. Воробьева, канд. филол. наук, доц.

(Уральский государственный педагогический университет)

У 68 Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Вып. 2 // *Материалы Всероссийской конференции с международным участием «Язык. Система. Личность: аспекты речетворчества»* 17-19 апреля 2014 / Гл. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2014. – 231 с.

(Серия «Психолингвистика в образовании». Вып. 3)

ISSN 2306-7462

Сборник содержит материалы докладов Всероссийской конференции «Язык. Система. Личность: аспекты речетворчества», связанные с обсуждением широкого спектра проблем нового научного направления «Лингвистика креатива». Рассматриваются проявления творческого начала языковой личности в разных видах речевой деятельности. В свете соотношения нормы и аномалии рассматриваются разные аспекты становления и проявления языковой / речевой и коммуникативной компетенции ребенка; характеризуются процессы словотворчества в практиках современных СМИ, особенности Интернет-коммуникации, творческие ресурсы участников диалога, креативная техника воздействия на адресата и др. Лингвопрагматическая направленность обсуждаемых аспектов проявления творческого начала в речевой коммуникации определяет их актуальность для сферы вузовского и школьного образования.

Ответственный за выпуск: Т.А. Гридина

ISSN 2306-7462

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2014

© Уральский филологический вестник, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ КАК СФЕРА ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Павлова Н.П.</i> Орфографическая личность ребенка	5
<i>Сальникова О.С.</i> Без правил, но правильно: нормативные написания детей дошкольного возраста	14
<i>Самигулина Ф.Г.</i> Словотворческие инновации в детском дискурсе на базе специфики восприятия в онтогенезе перцептивно неоднозначных слов	22

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ПОЛЕ КРЕАТИВА

<i>Авдеева Г.А.</i> Ономастическая игра как реализация аллюзивного принципа языковой игры в художественном тексте: на примере «Уездного города N» М. Науменко	30
<i>Воробьева Н.А.</i> Моделирование «виртуальной» реальности в мистике А. Погорельского	38
<i>Герасимчук М.С.</i> Объект-ситуация в когнитивной модели зрительного восприятия в рассказах Бориса Екимова (циклы «Память лета» и «Житейские истории»)	44
<i>Головачева О.А.</i> Реализация категории окказиональности в ранней публицистике Н.С. Лескова	50
<i>Коровенкова А.А.</i> О комическом потенциале поэтонима <i>Кузька</i> на материале повести А.Н. и Б.Н. Стругацких «Сказка о тройке»	58
<i>Кузина Ю.В.</i> Художественный образ Волшебника страны Оз как репрезентация метапонятий Дух и Трикстер	63
<i>Михайлова Ю.Н.</i> Плурализм речевой манеры героя как проявление креативности автора	69
<i>Питолкин Д.В.</i> Метафорическое моделирование концепта «чужой» в рамках дихотомии «свой-чужой» в сборнике рассказов Дж. Диаса «Drown»	73
<i>Шебалов Р.Ю.</i> Игровая семантика онимов в сюжетной проекции ранних рассказов А.П. Чехова	79

РЕЧЕТВОРЧЕСТВО В СФЕРЕ МАСС-МЕДИА

<i>Виданов Е.Ю.</i> Семантический и деривационный потенциал ключевого слова эпохи, или страсти по олимпиаде	85
<i>Кошкарова Н.Н.</i> Зарубежные СМИ о церемонии открытия Олимпиады в Сочи: вектор речетворчества и политики	92
<i>Соковнина В.В.</i> Лингвокреативность взрослого мира: игры в «социальной сети»	96
<i>Тонкова Е.Г.</i> Новообразования с корнем моно- в языке прессы	101
<i>Цыплякова К.О.</i> Типология фактов языковой игры в периодической публицистике XX века	105

МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВОГО ТВОРЧЕСТВА: НОРМА И АНОМАЛИЯ

<i>Борейко Т.С.</i> Реализация различных видов метафорического переноса (на материале прилагательных, обозначающих признаки тактильного восприятия)	114
<i>Вакуленко Д.А.</i> О языковом статусе и речевых свойствах фразеосхемы «Чтоб + V finit (пр.в.)!»	120
<i>Ваулина И.А.</i> Фоносемантические проекции в восприятии лексического значения экспрессемы	130
<i>Вепрева И.Т., Петкау А.Ю.</i> Концепт здоровье сквозь призму зооморфной метафоры	137
<i>Гейко Е.В.</i> Метафорический потенциал компонентов пропозиции обонятельного восприятия	144
<i>Зуева Т.А.</i> Лингвокреативный потенциал неофициальных урбанонимов Екатеринбурга: от <i>Буша</i> до <i>Черепахи</i>	151
<i>Рябушкина С.В.</i> О стилистически маркированном употреблении собирательных числительных	156
<i>Шляхова С.С., Шестакова О.В.</i> Лингвокреативный потенциал ониматопеи в немецком и русском языках	164
<i>Юнаковская А.А.</i> Функции городской словообразовательной деятельности (на материале г. Омска)	174

ТВОРЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

<i>Гоголина Т.В.</i> Коммуникемы со значением сомнительности как отражение лингвокреативной деятельности говорящего	181
<i>Иванова Е.Н.</i> Креативные приемы воздействия на адресата в деловых письмах исторической языковой личности	186
<i>Кирилова И.В.</i> Механизмы номинации демонологических персонажей: экспериментальные данные	192
<i>Ланто М.А.</i> Творческие ресурсы участников диалога: коммуникативный и содержательные аспекты (на материале бесед В.Д. Дувакина и М.М. Бахтина)	198
<i>Муль И.Л.</i> Техники языковой игры в современной скороговорке, или новый наряд старой знакомой	207
<i>Николенко О.Ю.</i> Семантика терминов родства как основа математических задач	213
Сведения об авторах	219
SUMMARY	223

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ КАК СФЕРА ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.П. ПАВЛОВА

(Череповецкий государственный университет,
г. Череповец, Россия)

УДК 81'23
ББК Ш100.6

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ РЕБЕНКА

Аннотация: В статье даны наблюдения за процессом освоения письма детьми-дошкольниками; полученные данные подтверждают предположения о том, что при формировании навыка письма дети проходят несколько этапов, сходных с теми, которые наблюдаются и при освоении ребенком устной речи. Самое красноречивое тому подтверждение спонтанные детские тексты. Выбор стратегии написания (применение выработанных и осознанных самим ребенком правил, припоминание конкретных написаний слов, орфографическое чутье или все вместе) в данном случае значения не имеет.

Ключевые слова: языковая личность, транскрипционное письмо, морфологическое письмо, орфографическое правило, интуитивное письмо, освоение грамоты

Исходные понятия. Цель данных наблюдений обусловлена значимостью изучения языковой личности в онтогенезе и, в частности, орфографической языковой личности (термин Н.Д. Голева [Голев 2004: 145], под которой понимается личность, вовлеченная в орфографическую деятельность как одну из форм речевой деятельности. Логичным и актуальным представляется рассмотрение орфографического портрета дошкольника как составной части орфографической языковой личности ребенка. Не претендуя на исчерпывающее определение, выделим ряд параметров, на основании которых можно «нарисовать» орфографический портрет ребенка:

- Умение писать и воспринимать письменные высказывания;
- Присутствие определенного уровня «внутренней» языковой компетенции (как знание «внутренней» системы родного языка) и «внешней» её реализации (умение вербализовать «внутреннюю» систему во «внешнюю»);
- Наличие в меру развитой языковой (орфографической) интуиции (чутья);
- Умение создавать и применять интуитивные алгоритмы письма.

Материал для наблюдений. Основой для представления орфографического портрета послужили наблюдения за освоением письма Сашей К., которые велись в течение 3-х лет. Выборка сделана на основе спонтанных «сочинений» ребенка, специально организованных диктантов разных типов. Материалом для данной статьи служат тексты, написанные Сашей на компьютере под диктовку в период с 4 лет 9 месяцев до 5 лет 5 месяцев. Данные тексты в полной мере отражают основные тенденции письма детей в период освоения грамоты. Кроме того, для подтверждения ряда положений проведены специальные эксперименты и наблюдения в школах и ДООУ г. Череповца.

Комментарии к полученным результатам.

1. В диктантах, выполненных Сашей К., наглядно проявляются все особенности письма детей данного возраста. С одной стороны, это транскрипционное письмо, предполагающее точное следование звуковой стороне («пиши, как слышишь»), использование букв в их основных значениях. С другой стороны, эмпирическое освоение орфографических правил, определяющих написание ряда корней, окончаний и суффиксов.

2. Фонетические написания не представляют трудностей для данного ребенка. Он легко кодирует слова, в которых звуковой и буквенный (буквы в их основном значении) состав тождественны (типа торт, сахар).

3. Ребенком практически освоен слоговой принцип русской графики в отношении передачи мягкости согласных (слова *дядя, лифт, лошадь, колокольчик*), фонемы /j/ (слова *еж, ель, жилье, Зоя*).

4. Мальчик редко допускает отступления от норм (девиации) при передаче отступлений и ограничений слогового принципа (слова *жираф, жилье, цыпленок*).

5. На определенном этапе интеллектуальной и психической зрелости в языковом развитии ребенка, видимо, наступает какой-то определенный момент, когда фонетическое письмо становится для него неактуальным, он формулирует для себя свою, новую систему письма, совершая при этом немаловажные открытия. Такое развитие познавательной деятельности ребенка можно назвать расширением сферы создаваемого, при этом происходят качественные сдвиги в когнитивном развитии ребенка. Этим же обстоятельством объясняется изменение семантики единиц номинации; смысловое содержание производного слова углубляется, поскольку за ним стоит новый уровень познания. В какой-то определенный момент ребенок начинает осознавать, что основная задача письменной речи заключается не в копировании звуков, а в передаче значений, смыслов.

6. Дошкольник начинает осознавать сущность морфологического письма. В этом наглядно проявляется «подсознательная грамматика» т.е. определенные обобщения. Так при выборе между безударными гласными [O] – [A] ребенок использует букву O для обозначения фонемы /A/ в 61 % случаев, букву A для передачи фонемы /A/ – в 38,8% случаев. Тем не менее, для этого этапа характерна неустойчивость в безударных гласных в корне: ребенок не всегда учитывает возможность ориентации на проверочные написания (*дваре, трапинка*). Понять, чем руководствуется ребенок, весьма затруднительно. Четкой последовательности в использовании букв O или A на месте фонемы /A/ не наблюдается. Если учесть фактор частотности, то слова *компьютер, командир, пригостишка*, переданные в соответствии с нормой, менее частотны, чем *шоколадка и мороз*, в которых допущены отклонения. В то же время наблюдается четкое следование морфологическому принципу в словах *морозно, говорил, окошко, уходить, мостом*. В этом проявляется особенность абстрактного мышления ребенка-дошкольника: дети этого возраста уже способны не просто запомнить часто повторяющийся при чтении или письме графический образ целого слова (это наблюдается и на более ранних этапах в освоении грамоты), а могут запомнить часто повторяющийся правильный графический образец той или иной морфемы, опознаваемой в процессе неполной абстракции.

Результаты диктантов говорят о том, что Саша уже освоил правописание звонких и глухих согласных букв в корне и суффиксе слова (90,4% слов написаны в соответствии с нормой). Он уже может дифференцировать звонкие и глухие согласные в устной речи. Это показывает чтение: Саша тщательно выговаривает звонкие согласные, которые оглушаются. Он повторяет их несколько раз и при выполнении работы. Глухие согласные мальчик не проговаривает. Однако даже школьники начальных классов с трудом применяют изученное правило в том случае, если «сомнительный» согласный стоит в середине слова. Неудивительно, что ребенок-дошкольник не может подобрать проверочное написание для слова *бумажка* и передает его как *бумашка*. В данных случаях необходимо не просто изменить слово, а сопоставить его с другим, что предполагает выработку навыков анализа языкового материала, а это в дошкольном возрасте еще труднодостижимо. Кроме того, в данном случае необходимо учитывать и фонетический фактор: шелевые согласные заменяются детьми гораздо чаще, чем смычные.

Слово *салют* передается Сашей как *салиуд*, причем, следует отметить, что это слово ребенок написал по своей инициативе, в текст дик-

танта оно не входило, т.е. Саша продиктовал его себе сам. Видимо, это тот самый случай коррекции, когда ребенок, уже сформулировав для себя правило передачи на письме звонких и глухих согласных, пишет не так, как слышит, а по своему правилу: передавай на письме глухой звук буквой для звонкого звука.

7. При выполнении заданий (задание на подстановку букв, возраст 5.4) Саша долго проговаривает ряд слов «про себя», по слогам, прежде чем написать ту или иную букву. После написания буквы О в предложениях сам себя хвалит. Написав *Эт*о история всем известн*о*, говорит: «Смотри, и здесь везде О». Эти замечания самого ребенка весьма значительны. Во-первых, мы еще раз убеждаемся в том, что стратегия проговаривания слов про себя является важной на начальной стадии образования. Во-вторых, мы видим, что срабатывает закон аналогии, в данном случае – ошибочно: написание буквы О несколько раз подряд заставляет ребенка отступить от нормативных написаний, от выбранной им системы проговаривания.

Проговаривание как одна из особенностей детского письма отмечена в работах Н.И. Жинкина (Жинкин 1998). Им выдвигается положение о том, что грамматические знания можно приобрести не только путем специального заучивания правил, но и путем усиления речевых кинестезий, т.е. путем проговаривания. При этом дети оказываются способными выделять и усваивать написание орфограмм как регулируемых правилами, так и нерегулируемых.

Задача состоит в том, чтобы ребенок усвоил переход от слышимых слов (диктант) и внутренне произносимых (спонтанные тексты) к зрительным. Добиться выработки правильного перехода невозможно иначе, как опираясь на исходные для всех видов речи правила речедвижений. Значит, необходимо выработать такую систему речедвижений, которая была бы в полной мере эквивалентной буквенному ряду. При произнесении слова по слогам все слоги становятся ударными и усиливаются, поэтому слово в устном произнесении предстает в орфографической норме. Таким образом, если слово проговаривать так, как оно пишется, т.е., ввести орфографическое послоговое проговаривание, то ряд речедвижений будет способствовать запоминанию орфографически проговоренных слов, накоплению в памяти «орфографического словаря». Такое слоговое проговаривание особенно важно при запоминании аффиксальных морфов, границы которых часто совпадают с границами слога.

Можно предположить, что на стадии освоения грамоты ребенок, начинающий читать, читает по орфографическим законам, а не по орфоэпическим законам, когда слова сливаются в отдельные фонетиче-

ские комплексы, звуки в словах неясны, нечетки. При орфографическом чтении темп чтения замедлен, все звуки произносятся четко, слова отдельно, действует принцип «Читай, как пишешь». Этот же принцип довольно часто переносится детьми и на письмо. Внутреннее проговаривание, без которого не бывает письма на начальной стадии обучения, является орфографическим, при этом органы артикуляции работают четко, с напряжением. Звуковая графическая форма слова остается в памяти, если слово перед написанием неоднократно произнесено. Так, в речи Саши в возрасте 5.7. четко стало проследиваться орфографическое произношение глаголов на ТСЯ и ТЬСЯ. Он начал четко выговаривать: «Мы пойдем купа*ТЬСЯ» или «Дедушка занимается*ТСЯ дровами». При чтении, как уже отмечено, он старается четко проговаривать звонкие и глухие согласные: МОРКО *ВВ КА, КИСЛОРО* ДД. Такая тенденция к орфографическому проговариванию слов не всегда замечается родителями, но она существует и срабатывает во время первых опытов письма. Существует даже специальная методика обучения орфографическому чтению, она подробно описана в статьях П.С. Тоцкого [Тоцкий 1993: 46]. Видимо, применением именно орфографического чтения можно отчасти объяснить ряд нормативных написаний в работах детей, сочетающих элементы фонетического письма с нормативным письмом. Особенно ярко это проявляется в правописании корней с непроверяемыми безударными гласными. В памяти детей при этом остается единый образ кодируемой морфемы. Ребенок уже слышит не то, что произносится, а то, что воспринимается как фонема, являющаяся частью морфемы. Это позволяет ему постепенно переходить на новую ступеньку в постижении грамоты – морфологическое письмо.

8. Можно предположить, что в детском письме в полной мере проявляется так называемое интуитивное знание. Под ним мы понимаем неосознанное владение закономерностями языка, то есть способность на уровне интуиции (без системы лингвистических доказательств) опознать какое-либо явление, догадаться о его специфических свойствах, предугадать какие-то языковые затруднения, «сообразить», какое из языковых средств является более предпочтительным. С интуитивным знанием тесно связана языковая догадка – проявление языковой интуиции, выражаемое в способности к выявлению разнообразных языковых значений и характеристик языковых фактов на основе осмысления внутриязыковых связей (например, способности раскрыть значение незнакомого слова/словосочетания через контекст, строящейся на использовании знаний в области словообразования, умения понять уже известные многозначные слова в новых значениях и пр.).

Е.С. Кубрякова замечает, что интуитивное знание того, что слова *соль* и *соленый*, *изучать* и *изучение*... как-то связаны между собой, а слова *соль* и *изучать* – нет, составляет неотъемлемую часть сведений говорящих о русском языке [Кубрякова 2007: 10]. При этом мы исходим из того, что когнитивные способности ребенка и словообразовательная деятельность тесно связаны между собой: детское словообразование имеет свои особенности в разные периоды детства. Исходя из этого мы предположили, что на создание детьми производных слов в процессе письменной речи оказывают влияние как лингвистические, так и экстралингвистические факторы: ассоциации между производными словами и их исходными единицами отражают не только экстралингвистические связи, но и чисто лингвистические связи между однокоренными словами, построенными по одинаковой словообразовательной модели, при этом многие правила построения и написания слов складываются у ребенка подсознательно, интуитивно. На основе наблюдений и экспериментальных данных нами сделан вывод о возможности освоения орфографических правил до их систематического изучения в школе на основе имеющихся опорных корневых морфем. Полученные данные позволяют говорить о том, что на первоначальном этапе письма у детей-младших школьников интуитивно складывается определенная система операций, применяемая для решения поставленных задач. Данные предположения подтверждают не только наблюдения за письмом Саши К. в раннем возрасте, но и ряд других наблюдений и экспериментов.

Для проверки данных предположений был проведен ряд экспериментов, один из которых опишем более подробно. Задача его состояла в следующем:

1. Выявить, какие основные способы словообразования и словоизменения использует ребенок в письменной речи;
2. Установить, может ли ребенок до изучения правила о правописании безударных гласных в корне слова, написать слово в соответствии с нормой.

Методика проведения эксперимента: стимульным материалом послужил перечень слов, в которых имеется как безударный, так и ударный гласный в корне (береза, богатый, снег, соль, холод). В качестве испытуемых выступили школьники 1-х классов города Череповца (107 человек). Получено 1044 слова и словоформ. Эксперимент проводился в начале учебного года, т.е. до изучения правила о правописании безударных гласных. Инструкция. Эксперимент проводился по индивидуальным карточкам. Детям предлагалось подобрать и записать слова, «похожие по смыслу» на те, что даны на карточке. Понятие родствен-

ных слов еще не изучалось.

Анализ ответов, полученных в ходе эксперимента, представлен в форме таблиц. Полученные слова и словоформы классифицировались в зависимости от принадлежности к части речи (1-ая ступень), от форм изменения (2-ая ступень). Кроме того, выделялись узуальные образования (богатство, снежинка) и детские инновации (отмечены * (*просольник, *холодинка).

На основании ответов детей получены следующие статистические данные (1-ая и 2-ая задачи эксперимента):

1. Образовано существительных – 611(58.5%); прилагательных – 293 (28%); глаголов – 112(10.7%); слов категории состояния – 28 (2.7%);

2. Образовано 167 слов и 29 словоформ от слова береза; 204 слова и 18 словоформ от слова холод; 191 слово и 32 словоформы от слова соль; 196 слов и 40 словоформ от слова снег; 99 слов и 58 словоформ от слова богатый;

3. Большинство слов и словоформ носят узуальный характер – 98.2%, к детским неологизмам (на основании классификации С.Н. Цейтлин [Цейтлин 1998:164-167]) можно отнести следующие: *березный, *подберезовый, *охлаждать, *холодинка, *расолка, *солилка, *солоница, *сольница, *соленка, *солинка, *подсольник, *просольник, *сольный, *соляной, *снежище, *побогатеть, *богато, *заснежье, *холодстый – 1.8%;

4. При подборе родственных слов допущено 10 случаев (0.95%) ненормативных написаний в области безударных гласных корня: богач – 4, снег – 1, соль – 3, холод – 2;

5. В ходе словообразования ребенок преимущественно использует суффиксацию: с уменьшительным значением суффикса (березонька, березушка, богатенький), значением единичности (холодинка, солинка), значением оценки и размерности (холодище, холодина, холодрыга, снежище). Реже используются приставки – похолодало, пересоленный, посолить, засолить, подберезовик и др.;

6. В области словоизменения дети образуют формы сравнения прилагательных (богатейший), формы множественного числа существительных (березы), формы глаголов (холодеет, солит, похолодало), формы рода прилагательных (соленый, соленая, соленое);

7. Продуктивным способом оказалось различного рода сложение – снегопад, снегоход, снежокат.

Значительный интерес представляет анализ написаний «похожих» слов (3-я задача эксперимента):

1. Очевидно, что при отсутствии каких-либо теоретических понятий о составе слова и о корне, дети поняли задачу «подобрать похожие

по смыслу слова». Ошибочно подобранных ответов нет.

2. Незначительный процент ошибочных написаний говорит о том, что у ребенка-младшего школьника складывается механизм межсловесных ассоциаций (можно назвать его по-разному: «подсознательная грамматика», «чувство языка», языковая интуиция). Именно «лингвистический инстинкт» [Цейтлин 1998: 99] позволяет ребенку, не знакомому с «мудрствованиями грамматистов», опираясь на графический образ одного из слов, проанализировать его значение и безошибочно подобрать (записать!) родственные слова. Видимо, дело не только в умении поставить ударение и подобрать проверочное слово, а в действии внутренних процессов, скрытых от педагогов. Возникает вопрос: откуда могли дети узнать правильные образцы написаний родственных слов, почему они выбирают верный вариант. Можно предположить, что в данном эксперименте у детей вступает в действие следующая схема: ребенок неоднократно видел при чтении и письме графический образ предложенных опорных слов, он знает его значение, далее происходит перенос графической формы корня одного слова (словоформы) в другое (другую). Как пишет Е.С. Кубрякова, отличительным признаком производного слова является именно его связанность с другим словом (словами) и его семантическая обусловленность этим другим словом (словами) [Кубрякова 2007: 11]. Производное слово – одно из номинативных средств языка, которое довольно отчетливо отражает ход классификационно-познавательной деятельности детей. Производное слово обладает расчлененной структурой, которая состоит из семантически значимых компонентов, оно является результатом работы сознания по упорядочению языковыми средствами связей и отношений между предметами. Между предметом, подлежащим обозначению, и языковой единицей его обозначения существует этап осмысления этого предмета и формирования понятия о нем в ходе предметной и/или познавательной деятельности человека. Производное имя – итог мыслительных операций по установлению связей и отношений между предметами и явлениями действительности. Ребенок не только младшего школьного возраста, но и дошкольник это уже осознает. Именно в этом и заключается феномен интуитивного, иррационального познания.

9. С нашей точки зрения, полученные данные могут быть с полным основанием отнесены к имеющемуся у детей «чувству языка» (ЧЯ). При этом мы не знаем (это «ненаблюдаемое»), из чего исходит ребенок, решая орфографическую задачу: действует ли он безотчетно, но в основе его действий лежит самостоятельно открытое или приобретенное в школе знание; действует ли он «по чувству» при отсутствии знания. В основе действия «по чувству», видимо, лежит ориентировка

носителя языка (ребенка) в системе типичных случаев, связей, ассоциаций, эталонов, речевом опыте, памяти. Можно допустить, что включается механизм действия закона аналогии: родственные морфемы надо писать одинаково. Именно «чутье» языка может оказать помощь в критической ситуации, когда отсутствует необходимое знание. Об этом говорит и тот факт, что детьми правильно передано написание словоформ малочастотных в детском лексиконе: бедняга, хлопот, клестов, минеры, колночки. По сути дела, мы имеем возможность зафиксировать, как ребенок использует интроспекцию (самонаблюдение, самоанализ): он именно чувствует, как пишут, не отдает себе в этом отчета. Не случайно К.Д. Ушинский подметил: «Если ребенок... делает тонкое различие между словами и грамматическими формами, – это значит, что он сознает их различие, хотя не в той форме и не тем путем, как нам бы хотелось» [Ушинский 1974: 208]. Мы предполагаем, что чувство языка у ребенка не только контролирует результат решения орфографических задач, но и регулирует его поиск; при более детальном исследовании процесса их решения, видимо, могут быть обнаружены связанные с интуицией качественные особенности поиска решения, обеспечивающие его успешность, и выявлены помимо контрольной на другие функции чувства языка.

Таким образом, актуальным и важным представляется для нас развитие теории языковой личности в сторону внимания к орфографической личности ребенка, «внутренней» языковой компетенции (знание «внутренней» системы родного языка) и «внешней» её реализации (умение вербализовать «внутреннюю» систему во «внешнюю»), целенаправленному развитию языкового чутья, присущего каждому ребенку. Именно это позволит «нарисовать» полноценный орфографический портрет дошкольника.

ЛИТЕРАТУРА

- Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. – М., УРСС, 2004.
- Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся 3-7 классов // Язык. Речь. Творчество. – М., Лабиринт, 1998.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М., URSS, 2007.
- Тоцкий П.С. Творческие поиски московских учителей начальной школы. – М., Новая школа, 1993.
- Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка. Собрание сочинений. – М., 1974.
- Цейтлин С.Н. К анализу буквенных замен в письменной речи дошкольников и младших школьников // Проблемы детской речи – 1998. Доклады Всероссийской научной конференции. – Череповец: ЧГУ, 1998.

© Павлова Н.П., 2014

О.С. САЛЬНИКОВА

(Череповецкий государственный университет,
г. Череповец, Россия)

УДК 372.45
ББК 4410.241.3

БЕЗ ПРАВИЛ, НО ПРАВИЛЬНО: НОРМАТИВНЫЕ НАПИСАНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация: В статье рассматриваются особенности письма детей дошкольного возраста с точки зрения влияния языковой интуиции. Автором анализируются нормативные морфологические написания детей дошкольного возраста как проявление спонтанного усвоения морфологического характера русской орфографии.

Ключевые слова: написания детей дошкольного возраста, языковая интуиция, морфологические написания, естественная письменная речь.

В лингвистической литературе отмечено влияние «чувства языка» – «языкового чутья» (И.А. Бодуэн де Куртенэ), языковой интуиции (Н.Д. Голев, И.Г. Овчинникова), «языкового инстинкта» (К.Д. Ушинский), «лингвистического инстинкта» (Л.В. Щерба), «морфологического чутья» (В.А. Богородицкий), «подсознательной грамматики» (А.М. Пешковский), «врожденной грамматики» (С.Н. Цейтлин) – на усвоение языка, в том числе и на освоение письма: самостоятельное усвоение детьми морфологического принципа русской орфографии (В.А. Богородицкий, С.Н. Цейтлин, Н.Д. Голев, А.Н. Корнев, Н.П. Павлова, И.Г. Овчинникова и др.).

Отметим, что спонтанное усвоение морфологического принципа русской орфографии детьми дошкольного возраста рассматривалось в работах С.Н. Цейтлин [Цейтлин 1998, 2000, 2011], Н.П. Павловой [Павлова 1998, 2000, 2007], Г.М. Богомазова [Богомазов 2000], при этом выделялись этапы освоения письма ребенком, в последовательности которых прослеживается первоначальное усвоение системы, а затем и нормы. Нормой в данном случае является переход от фонетического письма к морфологическому. В исследовании рассмотрены нормативных морфологических написаний опирается на выделение групп написаний по их отношению к произношению [Гвоздев 2007: 75].

Для ребенка дошкольного возраста, опирающегося на стратегию «пишу, как слышу» написания типа *тpдвa* (Влад А., 6.4) не выходят из общей системы «звук-буква», в отличие от написаний типа *окно* (Лера П., 7). Интересно и соотношение проверяемых и непроверяемых нефонетических морфологических написаний: *кoсa* (Оля С., 6), *coбaкa* (Маша С., 6).

В качестве материала для анализа выступает естественная письменная речь детей дошкольного возраста (4-7 лет): подписи под рисунками, списки покупок, спонтанные тексты, слова, рассказы, СМС-сообщения.

Единообразное написание морфем В.Ф. Иванова рассматривает как «портретное» письмо, при этом, «при всей очевидности больших возможностей проверки написания произношением, несомненно и то, что в конечном итоге (по окончании процесса обучения правописанию в связи с произношением и на его основе) письмо грамотного человека становится в значительной степени письмом «образами», или, иначе, «портретами» единых по значению корней, приставок, суффиксов, окончаний» [Иванова 1976: 222].

В случае детей дошкольного возраста можно рассматривать не только «портретное» письмо морфем, но и «портретное» письмо целых слов: дети, находясь в насыщенной письменной речью среде, запоминают зрительный образ слова: *молоко* (Оля С., 7.5), *чай* (Илья П., 6.3), *молоко* (Денис С., 7), *молоко* (Сереза С., 7), *вторник, россии* (России), *москва* (Москва) (Даша Ф., 6.9) с графическим образом подобных слов дети часто встречается в повседневной жизни. Ребенок запоминает не только написание отдельных словоформ, но и их совокупности: *наклейираскрась* (наклей и раскрась) (Даша Ф., 6.9).

Анализ естественной письменной речи детей дошкольного возраста показывает, что, несмотря на фонетический характер письма, ребенок в некоторых случаях не передает на письме регулярные позиционные чередования фонем, делая выбор в пользу нефонетического варианта написания. «Ясная каждому связь между словами *лавка – лавок – лавочник; сказка – сказочка; дом – домовой* и т.п. подавляет в нашем сознании различия в произношении корневой морфемы: она остается в сознании, как морфема «лавк», «сказ», «дом», хотя отдельные звуки в ней могут заменяться другими» [Иванова 1976: 151].

Рассмотрим нормативные морфологические написания детей дошкольного возраста как передачу единообразия морфем на письме при передаче безударной гласной в корне слова (проверяемые и непроверяемые):

1. Морфологические нефонетические написания: конкуренция букв О//А: *з^овут* (Влад З., 7), *к^отёнок* (Оля С., 6), *м^ои* (Маша С., 6), *о^блака* (Рома Т., 5), *х^ожу* (Катя Т., 7), *м^оего* (Поля М., 6), *х^одить*, *з^овут* (Поля М., 6), *м^олоко* (Настя В., 7), *з^овут* (Поля М., 6); конкуренция букв Е//И: *цв^еток* (Сереза Е., 4.8), *д^ереве^в* (деревьев) (Даша Ф., 6.9), *зап^еканка* (Даша Ф., 6.9).

2. Морфологические фонетические написания (теоретически возмож-

ные девиации): конкуренция букв А//О: в саду (вариант *в садике*) (Влад З., 7), трава (Петя В., 6), каталась, садрала (содрала) (Даша Ф., 6.9); конкуренция букв И//Е (влияние орфоэпической нормы): письмо (Поля М., 6), игрушки (Катя Т., 7), цимой (Катя Т., 7), цграла (Даша Ф., 6.9).

Нормативная передача безударной непроверяемой гласной в корне слова:

1. Морфологические нефонетические написания: конкуренция букв О//А: с котлетоеи (с котлетой), пока (но, есть и вариант: пака), колено (Даша Ф., 6.9), собака (Маша С., 6), яблоко (Оля С., 6), в городе (Катя Т., 7), морос (Витя Р., 6), орех (Денис С., 7); конкуренция букв Е//И: в деревне (Ярослав Б., 6.7), черепашку (Надя У., 6.6), черепашка (Катя Т., 7), верблуды (верблюды) (Глеб Г., 6.11), из деревни (Даша Ф., 6.9), у меня (Катя Т., 7), из бесетки (из беседки), береговая (Айза Т., 6.5);

2. Морфологические фонетические написания: конкуренция букв А//О: кабан, каструла (кастрюля) (Слава В. 4.7), глаза (Поля М., 6), каникулы (Маша С., 6), автобус (Настя В., 7), пальто (Алена Б., 7), баранка (Лиля К., 7), капусная запеканка (капустная запеканка); конкуренция букв И//Е: билет (Слава В. 4.7), сибирская (Оля С., 7.5), рисование, тцжаму (Даша Ф., 6.9).

Рассмотренные нормативные написания показывают, что в письме детей дошкольного возраста не отмечены гиперкорректные написания: морфологические фонетические написания переданы верно, при этом морфологические нефонетические написания свидетельствуют о том, что буква *о* используется детьми и в заместительном употреблении.

На письмо детей оказывает влияние разговорная речь, возможно, нормативные написания типа в деревню (Катя Т., 7), черепашку (Надя У., 6.6) обусловлены проявлением «еканья» на письмо.

Дети дошкольного возраста передают нормативно и согласные, подверженные ассимиляции по глухости как проверяемые улитка (Оля С., 6), книжка, сливки (Оля С., 7), сказки (Даша Ф., 6.10), рыбка (Оля С., 6), так и непроверяемые фонетические: вкуснае мороженае (вкусное мороженое) (Глеб Г., 6.11), вторник, второе (Даша Ф., 6.9).

Девиации типа арбус (арбуз) (Витя 6), дет! Морос (Дед Мороз) (Люба П., 6.7) и нормативные морфологические фонетические написания типа будильник (Оля С., 6), арбузик (Влад А., 6.7), соответствуют произношению и не выходят из системы «пишу, как слышу», но отмечены и нормативные морфологические нефонетические написания: ѐж (Оля С., 6), делмороз (Дед Мороз) (Оля С., 6), город (Поля М., 6), гриб (Витя Р., 6), харавод (хоровод) (Даниил С., 6).

Соответствия типа город – города как отражение единообразия морфемы, в данном случае – корня, проявляются для ребенка в звуча-

щей речи; «Частотность буквы также оказывается значимой» [Цейтлин 1998: 52]: *вторник*, *в прятки*, *позавтракали* (Даша Ф., 6.9).

Дети дошкольного возраста используют при письме соотношение звук – буква, поэтому непрониносимые согласные выпадают: письмо напоминает упрощенную фонетическую транскрипцию: *капустная* (капустная) (Даша Ф., 6.9). При этом отмечены и случаи, когда ребенок передает орфографический облик слова, включая и непрониносимые согласные: «Нулевые значения могут быть системными и несистемными. Системными они являются в случае отражения позиционных чередований» [Иванова 1976: 131]: нормативная передача непрониносимого **непроверяемого согласного**: *пожалуйста* (Лера П., 6), *здравствовать* (Эля К., 7), *здравствовать* (Сережа К., 7); нормативная передача непрониносимого **проверяемого согласного**: *участник*, *радастный* (радостный) (Аня Г., 6).

Итак, в письме детей дошкольного возраста встретились элементы морфологического письма в написаниях, соответствующих произношению: *привет*, *брат*, *салат*, и в написаниях, не соответствующих произношению: *посмотри*, *потолстела*, *запеканка*, *деревев*, *рассказ*, *дуб*, *подезд*.

Нормативные написания, возможно, могут быть объяснены вниманием ребенка-дошкольника к звучащей речи окружающих при общении со взрослыми и сверстниками: на занятиях в детском саду: противопоставление один – много в речи: *дерево* - *деревьев*, *подъезд* – *подъезды*, *рассказ* – *рассказы*, *дуб* – *дубы*; противопоставление большой – маленький в речи: *зверь* – *зверек*, *дуб* – *дубок*, *рассказ* – *рассказик*, *привет* – *приветик*, *брат* – *братик*: «... играет важную роль стандартность – нестандартность моделей проверки – т.е. легкость установления нужных ассоциаций внутри словообразовательной или словоизменительной парадигмы. Легче всего дается ребенку проверка конечного согласного подбором формы множественного числа («дуб» – «дубы»), а для «сомнительных» сочетаний с суффиксом или субморфом -К- уменьшительных образований – «книжка» – «книжечка»» [Цейтлин 1998: 52]; проговаривание действий в играх: *посмотри* – мы *смотрим*. Влияние разговорной речи: использование слова *велик*, *телик* в разговорной речи (образования на -ик с небеглым гласным суффикса и усеченной основой производящего слова): *телик* – телевизор: *телевизор* (Оля С., 7); *велик* – велосипед: на велосипеде (Катя Т., 7), *с велосипеда* (с велосипеда) (ребенок использует вариант *на великах*, *велики*) (Даша Ф., 6.9). Влияние лексической актуализации мотивационных отношений слов прослеживается в написаниях *угол* - *угольник*, *потолстела* – *толстый*.

Традиционные написания «имеют существенную особенность, которая сближает их с написаниями, основанными на морфологическом принципе. Они создают графически единообразные портреты морфем: каблук – каблукоч; собака – собачонка и т.д. На этом основании при подсчете написаний, отвечающих морфологическому принципу, их иногда включают в эти написания» [Иванова 1976: 177]. Рассмотрим группу беспроверочных написаний, которые мы, вслед за А.Н. Гвоздевым, относим к морфологическим: *котлетое*, *пижама*, *очень*, *капусная*, *колено*, *вторник*, *второе*, *вчера* и др. Возможно, при их написании главную роль играют ассоциативные связи и зрительный образ слова: *вторник* - сокращение **Вт.** в сотовом телефоне; ассоциация *вторник* – *второе*. Зрительный образ написаний: *капусная*, с *котлетой* (пюре с *котлетое*) – в меню в детском саду, на упаковке продуктов. Влияние внимания ребенка к звучащей речи, возможно, проявляется в написании *велосипеда*, *колено*: четкое проговаривание слова при знакомстве ребенка с частями тела (*колени*). Фонетическое письмо, свойственное детям-дошкольникам, проявляется в написаниях типа *пижама*: безударное [и] в первом предударном слоге – первая степень мягкорядной редукции, звук более закрытый, чем в начале слова, так как ему предшествует мягкий согласный с [и]-образным началом.

Портретное письмо проявляется и в написании детьми дошкольного возраста приставок: *поздджляю* (поздравляю) (Маша С. 4.4), *поздравляю* (поздравляю) (Катя Р. 4.6), *помогала* (Маша С., 6), *познакоми с потрушками* (познакомились с подружками) (Маша С., 6), *пошли*, *проснулась* (Даша Ф., 6.9). Возможно, на нормативное написание безударной гласной в приставке *по-*, *про-* оказывает влияние малочастотность употребления приставок *па-* и *пра-*, при этом, они употребляются в словах, с которыми ребенок редко встречается в жизни: *палуба*: «... частотность того или иного слова (или той или иной морфемы) в письменном инпуте (читательском опыте ребенка) играет большую роль... частотность в читаемых детьми словоформах – фактор, способствующий самостоятельного обобщения» [Цейтлин 1998: 52]; оказывает влияние и начинающийся складываться опыт чтения: *проход*, *поход*, четкое проговаривание (орфографическое) действий ребенка в играх, проговаривание родителями слов: *по-ло-жи*, *по-смо-три*. Отметим, что наряду с нормативными написаниями в письме каждого рассматриваемого ребенка встречаются и фонетические написания: *поиграем* (и варианты *паиграем*, *парисуем*) (Даша Ф., 6.10). Дети дошкольного возраста нормативно передают фонетические написания гласных в приставках: *забири* (забери), *накрасили*, *запеканка* (запеканка) (Даша Ф., 6.9).

Дети дошкольного возраста нормативно передают суффиксы на

письме как определенные портреты морфем, как определенный иероглиф: бесспорочные написания гласного в суффиксах -онок / -ёнок: *котёнок*, *медвежонок* (Оля С., 6), *слоненок* (Оля С., 7), *котёнок* (Поля М., 6), *цпльонок* (цыпленок) (Глеб Г., 6.11); в суффиксе -очк: *белочка*, *лампочка* (Оля С., 6); в суффиксе -ова: *здравствовать* (Эля К., 7), *здравствовать* (Сережа К., 7), *рисование*, *рисовали* (Даша Ф., 6.9); нормативная передача гласного в уменьшительно-ласкательных суффиксах существительных мужского рода -ик: *арбузик* (Оля С., 6), *зачик* (зайчик) (Денис Б., 6.10), *домик* (Оля С., 6), *пуцик* (Оля С., 6.8), *бантик* (Петя В., 6), *дождик*, *в садике* (Даша Ф., 6.9); суффикс -о в наречиях: *сколько*, *много*, *понятно*, *нормально* (Даша Ф., 6.10) *много* (Даша Ф., 6.9).

«Легким для запоминания оказывается написание гласных и согласных в часто употребляемых морфемах. Прежде всего, в окончаниях (они чаще – фонетические), написание гласных и согласных в большинстве суффиксов. В силу повторяемости единый графический образ многих суффиксов запоминается не только легко, но и прочно» [Иванова 1976: 220]. Рассмотрим написание окончаний имен существительных в письме детей 5-7 лет.

У детей не вызывает трудности письмо безударных фонетических окончаний существительных женского рода 1 склонения в именительном падеже: *пальма* (пальма) (Настя Х. 4.6), *ёлка* (Оля С., 6), *коробка* (коробка), (Алена Б., 7), *бабушка* (бабушка) (Ваня в., 6.2), *чашка* (Максим З., 6.4), *квартира* (Даша Ф., 6.9), *музыка* и *логика* (Даша Ф., 6.9). Фонетическими являются и морфологические написания гласных в окончаниях существительных мужского рода 2 склонения в родительном падеже: *с велосипеда* (с велосипеда), *из сада*, *для города*, *для поросенка*; в окончаниях существительных женского рода 1 склонения в винительном падеже: *пижаму*; в окончаниях существительных множественного числа в именительном падеже: *дрова* (дрова) (Петя В., 6), *макароны* (Лиля К., 7); в окончаниях существительных множественного числа в предложном падеже: *на санках*. Нормативные написания окончаний имен существительных во множественном числе: *подушки*, (Оля С., 7), *сливки*, *игрушки* (Оля С., 7.5). Отмечены нормативные написания безударной гласной *е* в окончаниях существительных женского рода 1 склонения в предложном падеже: *ф школе* (Ярослав Б., 6.7), *в деревне* (Айза Т., 6.5), *в автоколонне* (Оля С., 7), *наледянке* (на ледянке), *в речке*, (Катя Т., 7), *на тренировке*, *о родине* (Даша Ф., 6.10), *на опушке* (Оля С., 6.5); в окончаниях существительных женского рода 1 склонения в дательном падеже: *бабушке* (Оля С., 7), *девочке* (Поля М., 6); в окончаниях существительных мужского рода 2 склонения в пред-

ложном падеже: *в садике* (Даша Ф., 6.5), *в городе* (Катя Т., 7), *на велосипеде* (Катя Т., 7), возможно, на данные написания оказывает влияние «еканье» в заударных открытых слогах. Встретились варианты нормативной передачи безударных нефонетических окончаний существительных среднего рода 2 склонения в именительном падеже: *яблоко* (Оля С., 6), *покрывало*, *зеркало* (Оля С., 7), *болото* (Даниил С., 6), *пальто* (Лиля К., 7).

Дети дошкольного возраста передают нормативно и бесспорочные написания: в окончаниях существительных во множественном числе в родительном падеже: *деревей* (деревьев), *мальчиков* (мальчиков) (Даша Ф., 6.9); в окончаниях прилагательных в форме мужского рода, в единственном числе, в родительном падеже: *детцаго* (детского) (Даша Ф., 6.9).

Указанные черты письма ребенка дошкольного возраста отмечены в образцах естественной письменной речи, особенностями которой являются спонтанность и непрофессиональность исполнения.

Анализ нормативных написаний детей дошкольного возраста показывает, что наряду с фонетическими написаниями ребенок использует и морфологические как фонетические: *магазин*, так и нефонетические: *сад* для передачи единообразия морфемы как иероглифа.

В письме одного ребенка отмечены и морфологические написания как передача единообразия морфемы: *тигр*, *тигона* (тигренок), *тигрица*; *дом*, *домик*, *домы* (дома) (Максим З., 6.6), так и фонетические написания: *вок* (волк), *вочона* (волчонок), но *вавчиса* (волчица) (Максим З., 6.6): «...дети уже в дошкольном возрасте сумели совершенно самостоятельно, без специального научения, освоить то, что мы называем морфологическим принципом правописания, т.е. они оказались в состоянии, несмотря на разницу в произношении, определить единый графический образ морфемы и воспроизвести его в своих написаниях» [Павлова 1998: 57]. Как отмечает Л.Б. Парубченко, «тексты дошкольников дают возможность для исследования направлений графического «творчества» малограмотных, и тем самым – для изучения закономерностей становления письма» [Парубченко 2004: 61], при этом внимания заслуживают и нормативные написания как определенный «орфографический багаж», с которым ребенок идет в школу и который необходимо учитывать для дальнейшего речевого развития.

При анализе детских нормативных написаний нас в первую очередь, интересовала не правильность написаний, а особенности орфографии детей дошкольного возраста, которые характеризуют указанный возраст, как этап начала освоения письменной речи ребенком не только в роли наблюдателя, но и активного пользователя новой для

себя системы, в которой предстоит сделать много открытий.

ЛИТЕРАТУРА

Гвоздев А.Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. – М.: URSS, 2007.

Иванова В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. – М.: Просвещение, 1976.

Павлова Н.П. Отражение морфологического принципа в письме дошкольников // Проблемы детской речи – 1998. Доклады всероссийской научной конференции / Ред. сост. Р.Л. Смулаковская. – Череповец: ЧГУ, 1998.

Парубченко Л.Б. Ненормативное русское письмо (лингвистический анализ ошибок в употреблении букв): автореф. дис. доктора филол. наук. – Омск, 2004.

Цейтлин С.Н. К анализу буквенных замен в письменной речи дошкольников и младших школьников // Проблемы детской речи – 1998. Доклады всероссийской научной конференции / Ред. сост. Р.Л. Смулаковская. – Череповец: ЧГУ, 1998.

© Сальникова О.С., 2014

Ф.Г. САМИГУЛИНА
(Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону)

УДК 81'23
ББК Ш100.6

СЛОВОТВОРЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ДЕТСКОМ ДИСКУРСЕ НА БАЗЕ СПЕЦИФИКИ ВОСПРИЯТИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ ПЕРЦЕПТИВНО НЕОДНОЗНАЧНЫХ СЛОВ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности проекции специфики детского мышления на речемыслительную деятельность ребенка. Отмечается необходимость анализа детского дискурса в связи с особенностями когнитивного развития ребенка. Обращается внимание на важность учета специфики организации мозговой деятельности ребенка при исследовании онтогенеза речи, в частности при изучении детского словотворчества.

Ключевые слова: онтогенез речи, детский дискурс, межполушарная асимметрия мозга, наглядно-образное мышление, перцепция, детские инновации.

В современном языкознании в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, в фокусе внимания которой находится связь коммуникации и когниции, активно исследуется специфика соединения когнитивного и языкового опыта в онтогенезе в момент развития и формирования языковой личности ребенка [Кубрякова 1992]. Большая часть современных когнитивных психологов, психо- и нейролингвистов придерживается точки зрения относительно первичности мышления по отношению к языку, так как «сигнализация о некотором содержании и потребность в такой сигнализации, как правило, не могут появиться раньше самого содержания, следовательно, интеллект порождает речь, а не речь интеллект» [Горелов 2003: 32]. В связи с этим изучение детского дискурса предполагает анализ специфики проекции ментальных особенностей детского сознания на язык [Кубрякова 1992]. Учитывая отмеченные новые установки в исследовании онтогенеза речи, рассмотрим некоторые аспекты детского словотворчества с опорой на особенности организации мозговой деятельности ребенка.

Общеизвестно, что мышление ребенка в период своего формирования проходит несколько стадий. В этом процессе значимую роль играет межполушарная асимметрия головного мозга, то есть функциональная специализированность полушарий головного мозга, которая связана с распределением психических функций между левым и правым полушариями. Например, при реализации одних психических функций ведущим является левое полушарие, а при

осуществлении других когнитивных процессов – правое [Деглин 1983]. При этом установлено, что функцией левого полушария является оперирование вербально-знаковой информацией, а также чтение и счет, функцией правого – оперирование образами, ориентация в пространстве, различение музыкальных тонов, мелодий и невербальных звуков, а также распознавание сложных объектов.

Но необходимо отметить, что основное различие между полушариями определяется не столько особенностями используемого материала, сколько способами его организации, характером переработки информации, то есть типом мышления. Так, способность к речи, анализу, детализированию, абстракции обеспечивается левым полушарием мозга, которое работает последовательно, выстраивая цепочки, алгоритмы, оперируя фактами, деталями, символами, знаками, и отвечает за абстрактно-логический компонент в мышлении [Ротенберг 1984: 78-86]. Правое полушарие, наоборот, воспринимает информацию в целом, работает сразу по многим каналам и, в условиях недостатка информации, воссоздает целое по его частям, обеспечивая восприятие реальности во всей полноте многообразия и сложности; ему свойственно наглядно-образное, конкретное, интуитивное, творческое мышление [Деглин 1983].

Следует подчеркнуть, что оба полушария функционируют во взаимосвязи и взаимодействии, привнося свою специфику в работу мозга в целом. Но, как показывают нейропсихологические исследования, на ранних этапах онтогенеза у большинства детей выявляется преобладание образного, правополушарного типа реагирования и только в определенном возрасте (как правило, от 10-ти до 14-ти лет) закрепляется тот или иной фенотип (лево- или правополушарный) [Ротенберг 1984: 80-83].

При этом правополушарные образы имеют наглядно-действенную природу и тесно связаны с практической деятельностью. Специалисты отмечают, что данные закономерности в становлении когнитивных процессов и обуславливают специфику функционирования детского мышления, отражаясь в этапах его развития от наглядно-действенного и наглядно-образного к вербально-логическому.

В связи с этим наглядно-действенное мышление является ранним и простейшим видом мышления ребенка и еще находится «в плену» у ситуации и действия, то есть не способно осуществляться без опоры на «созерцание» ситуации и возможности действовать в ней [Савенков 2005]. Манипулирование предметами способствует формированию в детском сознании обобщающей функции слова, хотя на этой стадии развития преобладает правополушарное мышление, которое реализу-

ется на уровне наглядно-образного мышления.

Заметим, что именно в переходный период от наглядно-действенного к наглядно-образному мышлению ребенок «постигает обобщающее значение разных наименований». Например, при первой встрече с елкой «он чувствует ее смолистый запах, колется ее иголками и т.д.», и слово *елка* для ребенка – это «обозначение только этого одного объекта, выступающего атрибутом веселого праздника». Затем, постепенно знакомясь с другими елками (например, игрушечными и естественными елками в лесу и т.д.), обозначенными одним словом *елка*, «ребенок поднимается на новый уровень обобщения, где это слово приобретает более широкое значение» [Горелов, Седов 2001: 212]. На этой стадии развития мышления вместо оперирования предметами мышление начинает оперировать их образами. Связь мышления с практическими действиями хотя и сохраняется, но не является такой тесной, прямой и непосредственной. В ряде случаев не требуется даже практического манипулирования с объектом, но во всех случаях необходимо отчетливо воспринимать и наглядно представлять объект. Таким образом, дошкольники мыслят наглядными образами, но еще не владеют понятиями (в строгом смысле этого слова) [Савенков 2005].

Как отмечают исследователи, в процессе дальнейшего совершенствования мышление отказывается от оперирования предметами целиком и переходит к использованию понятий, логических конструкций, которые не имеют прямого образного выражения (*доброта, глупость...*). Поэтому у ребенка с 6-7 лет, то есть с момента обучения в школе, в качестве основной единицы понятийного мышления можно выделить понятие, в котором, как известно, отражаются наиболее общие, существенные признаки предметов. Тем самым, предметно-символический код, который ранее использовало мышление, становится символическим, а нередко и словесно-символическим [Савенков 2005].

Отмеченные нами выше виды мышления тесно связаны между собой, взаимопроникают друг в друга, так как «умственные действия, включая и обучение языку, должны осуществляться на базе доязыковой информативной системы» [Горелов 2003: 32]. Безусловно, все эти особенности развивающегося мышления проявляются в речи ребенка на стадии формирования его речемыслительной деятельности и репрезентируются в специфике детского дискурса. Хорошо иллюстрирует данное положение яркий пример усвоения ребенком значения слова *брат*, приведенный в работе И.Н. Горелова и К.Ф. Седова и подчеркивающий тот факт, что значение этой лексемы «открывается по отношению к кому-то, то есть брат для ребенка может быть только чьим-то

братом». По этой причине, если ребенка спросить: «У тебя есть брат?», он может ответить отрицательно. Если ему при этом указать на его брата, ребенок скажет: «Это Коля». Уже на следующем этапе развития мышления и речи на тот же самый вопрос («У тебя есть брат?») он будет отвечать положительно («Это Коля»). Но если дошкольнику задать вопрос: «А у Коли есть брат?», он ответит: «Нет, у Коли нет брата». Это происходит вследствие того, что сам себя ребенок еще не считает братом Коли, потому что слово *брат* имеет для него не относительное, а абсолютное значение. Таким образом, данный пример показывает, что «становление лексико-семантической системы идет одновременно с развитием сознания, которое меняет свое смысловое и системное строение» [Горелов, Седов 2001: 213].

Исследователями давно замечено, что при всем разнообразии детских речевых инноваций, наблюдаются поразительные случаи совпадения. Дети независимо друг от друга часто продуцируют одни и те же языковые единицы или одинаковым образом их интерпретируют. Этот говорит о том, что, несмотря на существующие различия в формировании отдельных языковых систем, обусловленных спецификой индивидуального когнитивного развития, воздействием речевой среды, «главные причины, объясняющие причины отклонений от нормы в детской речи, носят «инвариантный» характер – это объективно существующие единые для всех особенности постигаемого детьми языка и в известной степени общая стратегия овладения механизмом родного языка» [Цейтлин 1989: 64-73]. Данная стратегия, полагаем, базируется на особенностях развивающегося детского мозга.

Как известно, способность к производству инноваций появляется у ребенка лишь на определенной стадии его языкового развития – обычно в возрасте от двух до пяти лет (хронологические границы, несомненно, условны и могут значительно варьироваться у разных детей), когда в большинстве случаев наблюдается превалирование правополушарной стратегии при решении задач и восприятии окружающей действительности. В связи с этим одной из важнейших причин, обуславливающих существование детских речевых инноваций, является выявленное в современных исследованиях разграничение так называемого мыслительного содержания и содержания собственно языкового. Поэтому детские инновации по сравнению с соответствующими нормативными формами, как правило, характеризуются большей степенью семантической мотивированности, поиском внутренней формы [Цейтлин 1989], что объясняет появление большого количества детских инноваций, где реализуется «игра» со смыслом слова.

Так, ребенок корректирует названия слов, обозначающих извест-

ные ему предметы, исходя из конкретных действий с этим предметом, его функций: вазелин – *мазелин* (мазать), вентилятор – *вертилятор* (вертится), язык – *лизык* (лизать) и др. Конкретность, наглядность детского мышления лежит в ложном расчленении слова на две составляющие: *эта* – *жерка* (на этой жерке), *та* – *буретка* и т.п. Среди множества слов ребенок отыскивает близкие по форме (однокорневые лексемы, омонимы, паронимы), а затем одинаковой форме придает одинаковое значение. Подобным способом образованы слова: *судак* – ‘человек, которого судят’, *начальная школа* – ‘школа, где учат начальников’, *секретарша* – ‘та, которая хранит секреты’, *прогульщики* – ‘те, кто вышли на прогулку’.

Но специфика детского правополушарного мышления наиболее полно проявляется именно при восприятии перцептивно неоднозначных слов (полисемии, омонимии), одновременная перцепция которых еще затруднена. Так, девочка, показывая на ручку, которой питер ее мать, размышляет вслух: «*Почему – ручка? Моя ручка, и твоя ручка, и эта* (удивленно) *ручка* (Наташа, 3.8) [Дети о языке 2001: 70]. Другой ребенок, видя дымящуюся трубу, спрашивает: «*Дым загрязняет окружающую среду?*» В ответ на подтверждение своей мысли он задает новый вопрос: «*Но ведь сегодня же не среда*» (Сережа, 5.0). В иной коммуникативной ситуации мальчик 5-ти лет, услышав, что кто-то из детей, ударив кого-то, прокричал, что сдачи дал, удивился: «*Разве так сдачи дают? Сдачи дать – это ведь дать рубль?*» (Костя, 5.07). На рассказ о свекле как продукте богатом витаминами, дошкольник может откликнуться следующими рассуждениями: «*Свекла не может быть богатой. Это человек может быть богатым, когда у него много денег*» (Кирилл, 5.5). В одной семье ребенок, услышав о том, что его мать будет защищаться (т.е. защищать диссертацию), спросил ее: «*А от кого ты защищаешься?*» (Алеша, 6.0) [там же].

Как известно, человеческое сознание при структурировании смысла высказывания, понимании перцептивно неоднозначного слова зависимо от многих факторов: не только от конситуации общения и контекстуального окружения слова в акте коммуникации, но и от предшествующего опыта, потребностей, индивидуальной структуры концептуальной системы. Понимание смысла – это интерпретация, поиск смысла в индивидуальной концептуальной системе. Это и ведет к качественно различному пониманию в акте коммуникации одинаковых, казалось бы, выражений. Дети в период развития индивидуального словаря еще не владеют всеми возможными значениями слова в полном объеме, а оперирует в первую очередь теми значениями, которые являются наиболее актуальными в их жизнедеятельности, либо значи-

мы в той социальной среде, в которой они развиваются.

При этом в первую очередь ребенок овладевает прямым значением слова (более конкретным, наглядным) и на замечание взрослого человека «*Скучают в одиночестве только недалёкие люди*» может отреагировать следующим рассуждением: «*Недалёкие люди, значит, близкие. Я скучаю по своим недалёким людям*» (ТВ). В другом случае девочка 5-ти лет, услышав, как о ком-то было сказано, что он работает в банке, удивилась: «*Как это он в банке работает*» (Мила, 5.0). В детском языковом сознании на стадии его развития с последовательным переходом от право- к левополушарному мышлению (при постепенном отрыве образа предмета от его словесного обозначения) происходит постепенное осознание и освоение значений слова разной степени абстракции, что отражается, в различных коммуникативных ситуациях. Например, на обращение матери к ребенку 4-х лет с вопросом о том, как он считает, пора ли им уже купаться, он отвечает: «*Я, мам, так считаю: раз, два, три...*» [Дети о языке 2001].

Такого рода реакции на неизвестное значение знакомого по звучанию слова в детской речи исследователи специфики речемыслительной деятельности в онтогенезе фиксируют в большом количестве. Например, подобную интерпретацию наблюдаем при обращении матери к дочери с просьбой нарисовать в тетради поля: «*Я не умею поля. Я умею только леса, деревья*» (Оля, 5.9). Когда мать зачитывает сыну сказку, где говорится о том, что Иван-царевич разбил палатку, влез в нее и стал ждать, сын реагирует следующими вопросами: «*Куда влез? В палатку? Он же ее разбил*» (Илья, 4.0) [там же].

Конкретность правополушарного детского мышления проявляется, например, и в таких высказываниях: «*Я в школу не пойду, там на экзамене ребят режут*» (Серезжа, 5.0); «*Мама, у тебя животик режет? Чем? Ножом?*» (Боря, 2.11); «*У тебя голова кружится? А почему я не вижу?*» (Саша, 4.0). В другом случае трехлетняя Таня на замечание бабушки о том, что у нее гудят ноги, откликнулась: «*А почему я не слышу?*».

Преимущественное на определенном этапе развития когнитивных процессов наглядно-образное мышление приводит к появлению детских замечаний, репрезентирующих это качество. Так, Марина (4.0), наблюдая за проходящими солдатами, рассуждает: «*Вот идут солдаты – и все с пустыми руками. А где же служба, папа говорит, что они несут службу*» [там же]. Или в следующем примере, где мать говорит сыну (3.11) о том, что она хочет знать правду, и получает в ответ встречный вопрос: «*Зачем тебе «Магаданская правда»? (семья жила в это время в Магадане) (Глеб, 3.11) [Дети о языке 2001: 80-81].*

Как отмечает Т.А. Гридина, семантические инновации в детском дискурсе могут определяться «неадекватностью когнитивного опыта ребенка для восприятия содержания лексем, формирующих соответствующий фрагмент языковой картины мира». Встречаемые в детском дискурсе «метафоры» «не имеют функции тропов, поскольку в сознании ребенка отсутствует представление об условности таких отождествлений, устанавливаемая аналогия имеет случайный и «буквальный характер» [Гридина 2006: 116].

Подобная интерпретация перцептивно неоднозначных слов возможна и в речи взрослых, но уже при осознанной и целенаправленно используемой языковой игре на базе специфики выделения фигуры из фона: *С 1 апреля смотрите нас в 3D. Никаких плоских шуток* (А. Шац, ТВ). В этом случае в одном контексте одновременно используется прямое и переносное значение слова: «*Жиру пора смываться*» (реклама мощющего средства).

Специфика развития когнитивных процессов в онтогенезе может быть проиллюстрирована и трудностью адекватного восприятия детьми разного рода фразеологических оборотов и устойчивых выражений, когда на приглашение матери пить чай с одновременным замечанием, что «*Чаю-то у нас кот заплакал*», девочка отказывается со следующей аргументацией: «*Я не буду этот чай пить, туда кот заплакал*» (Света, 4,0) [Дети о языке 2001: 79]. Другой ребенок, услышав, что пришедшая в гости старуха собаку съела на каких-то делах, спрятал от нее любимого пса [От двух до трех 1998: 94]. Четырехлетняя Марина на замечание о том, что такого, как у нее, дедушку надо поискать, удивилась: «*А зачем его искать? Он у меня есть*» [Дети о языке 2001: 71].

Подводя итоги, подчеркнем, что анализ детского словотворчества с опорой на особенности организации мозговой деятельности в онтогенезе позволяет проследить эволюцию специфики связи мыслительного и языкового содержания на этапе формирования речевой деятельности ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи: учебное пособие. – М., 2006.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Мотивационная рефлексия в детской речи: модель лексикографического представления // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2005. № 3. – С. 193-214.

Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе // Избранные труды по психолингвистике. – М, 2003.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Возрастная психолингвистика // Основы психолингвистики. – М., 2001.

Деглин В.Д. Язык и функциональная асимметрия мозга. – Тарту, 1983.

Дети о языке. Приложение №2 к Трудам постоянно действующего семинара по онтолингвистике. – СПб., 2001.

Кубрякова Е.С. Аналогия и формирование правил в детской речи // *Детская речь: лингвистический аспект.* – СПб., 1992.

От двух до трех. Дневниковые записи. – СПб., 1998.

Ротенберг В.С. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // *Вопросы философии*, 1984. – №4.

Савенков А.И. Исследовательское поведение ребенка и развитие мышления в онтогенезе. 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ipras.ru/ponomarev/abstracts_rus/Sessions/Savenkov.html.

Цейтлин С.Н. Инновации как продукт речевой деятельности ребенка // *Детская речь: проблемы и наблюдения.* – Л., 1989.

© Самигулина Ф.Г., 2014

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ПОЛЕ КРЕАТИВА

Г.А. АВДЕЕВА

(Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, г. Нижний Тагил, Россия)

УДК 81'42(Науменко М.)

ББК Ш105.51

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ИГРА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ АЛЛЮЗИВНОГО ПРИНЦИПА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: НА ПРИМЕРЕ «УЕЗДНОГО ГОРОДА N» М. НАУМЕНКО

Аннотация: В статье анализируется использование приема ономастической игры в тексте песни М. Науменко «Уездный город N». Автор статьи обращает внимание на то, что в анализируемом произведении соединение разнообразных ономов в одном контексте носит «коллажный», алогичный, иронический характер и демонстрирует разрушение различных мифов, стереотипов.

Ключевые слова: языковая игра, ономастическая игра, интертекстуальность, коллаж (пастиш), прецедентное имя.

Изучение игрового дискурса художественного текста остается по-прежнему одним из актуальных направлений современной лингвистики. В качестве одного из основополагающих принципов языковой игры в художественном тексте Т.А. Гридина выделяет *аллюзивный* [Гридина 2008, 2012].

Аллюзивный принцип языковой игры связан с актуализацией социально-культурного и историко-литературного фона восприятия художественного текста. Анализ аллюзивного потенциала художественного произведения – одно из традиционных направлений литературоведения, филологии. Но в последнее время данное направление получило особенно широкое распространение, в связи с актуальностью изучения интертекстуальности – «диалога» текстов, а также прецедентных феноменов. Категория интертекстуальности интерпретируется различными исследователями неоднозначно. Остановимся на следующем определении: «Под интертекстуальностью будем понимать присутствие в тексте более или менее маркированных следов других текстов в виде цитат, аллюзий или целых введенных рассказов» [Арнольд 1992: 53].

Ономастическая игра, вслед за Т.А.Гридиной, понимается как «особый вид языковой игры, реализующей эффект аллюзивности ху-

дожественного текста, <...> использование ассоциативного потенциала имени собственного (в первую очередь антропонима и топонима)» [Гридина 2008: 96].

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом обыгрывается ассоциативный потенциал имен собственных (в основном прецедентных) в тексте песни М. Науменко «Уездный город N». Выбор данного текста обусловлен несколькими причинами. Во-первых, Науменко – знаковая фигура, один из основоположников русской рок-поэзии, которая в массе своей нарочито интертекстуальна, цитатна. Во-вторых, «Уездный город N» – своеобразный «культурный пересказ» песни Дилана «Desolation Row» [Кормильцев, Сурова 1998], что предполагает отсылочный, ассоциативный характер текста. В-третьих, автор данного произведения не просто «переводит» Дилана, он создает собственный «ернический коллаж из обломков культурных стереотипов, расхожих цитат и навязчивых образов» [Скворцов 1999: 173].

Слово «коллаж» не случайно возникает в связи с текстом «Уездного города N». На наш взгляд, данное произведение наглядно демонстрирует реализацию одноименного художественного приема, характерного для разных видов искусства. Сравним: «**коллаж** – художественный прием в изобразительном искусстве, заключающийся в наклеивании фигурных кусочков различных материалов на основу, также произведение, созданное таким методом» [Словарь иностранных слов: 290]; «**пастиш** – жанр словесного или иного искусства, представляющий собою *коллаж* (мозаику, монтаж), эклектически составленный из кусков разных работ одного или ряда авторов... Фрагменты П. связаны скорее ассоциативно или функционально, например, иронической или игровой функцией, чем логически, композиционно и сюжетно... Адресат П., легко узнавая знакомые образы и ожидая традиционные трактовки, оказывается перед необходимостью сделать неожиданные выводы, самостоятельно переосмыслить старые шаблоны... В основе литературного П. лежат фигуры интертекста: парафраз, аппликация, аллюзия и др. ... Считается, что «цитатное мышление», игра исторических аллюзий и стилистических пастишей является основной чертой постмодернизма» [Москвин 2007: 542-544]. Под «коллажностью» в данной статье мы будем понимать одно из проявлений интертекстуальности, заключающееся в широком использовании цитат, аллюзий, прецедентных имен, высказываний, источники которых принципиально разнородны стилистически, исторически и тематически.

Итак, обратимся к тексту песни. Прежде всего поражает ее объем и *количество* имен собственных, обыгрываемых в данном тексте. Е.В. Павлова насчитала 54 онима, «не считая повторяющегося рефре-

ном самого названия города – Уездный Город N» [Павлова 1999: 174]. Степень прецедентности онимов, представленных в тексте, различна: от Иисуса Христа до «Steely Dan».

Начнем с названия. Перевод названия песни Боба Дилана звучит как «Особое Место для уединения», дословно «улица Опустошения». Это место, куда отправляются люди, которые не вписываются в общество (вольнодумцы, артисты и прочие). «Уездный город N» в русском сознании – это нечто совсем другое. Этой некий символ провинциального, захолустного городка, чего-то банального. У Науменко же *«этот город странен, это город непрост. Жизнь бьет здесь ключом. Здесь все непривычно, здесь все вверх ногами, этот город – сумасшедший дом»*. Таким образом, поэт изначально настраивает слушателя/читателя на некоторую перверсию, перевернутость, на переосмысление характеристик тех персонажей, которые появляются в песне: *«Все лица знакомы, но каждый играет Чужую роль»*.

Сразу отметим, что мы не ставим перед собой задачи сопоставительного анализа песни Дилана и Науменко, поскольку не владем культурным контекстом, необходимым для восприятия текста первого. На наш взгляд, текст Дилана носит более социальный характер: упоминание открыток с фотографиями повешенных негров, некоего доктора Филфа – участника холокоста и т.п. В произведении Науменко мы не видим никакого социального протеста, что и в целом не было характерно для его творчества. «Уездный город N» – это скорее демонстрация тотальной иронии.

У Дилана Науменко заимствует общую идею – изображение некоего места – «сумасшедшего дома», в котором собраны известные персонажи, в первую очередь литературные и исторические. У Дилана количество этих персонажей не так уж и велико. Из «Desolation Row» в «Уездный город N» перемещаются только *Ромео, Золушка, Эйнштейн, Казанова и Нотр-Дам*.

Онимы, представленные в тексте Науменко, можно разделить на несколько тематических групп.

Литература с подгруппами **Авторы (творцы)**: Гоголь, Пушкин, Маяковский, Лев Толстой, Жорж Санд, Оскар Уайльд, Блок – и **персонажи**: Леди Макбет, Ромео, Джульетта, Родион Романович, Беатриче, Золушка, Анна Каренина и др.

Искусство: с подгруппами **авторы (творцы музыки, изобразительного искусства и др.)**: Шопен, Бетховен, Роден, Ван Гог, Дали; **деятели массовой культуры (певцы, киноактеры и пр.)**: Софии Лорен, Мэрилин Монро, Пол Маккартни, Эдита Пьеха.

Наука: Фрейд, Эйнштейн, Пьер и Мария Кюри, Галилей, Диоген,

Спиноза.

Исторические и мифологические персонажи: *Король Артур, Юлий Цезарь, Иисус Христос, Мария Медичи, Мао Дзэдун, Иван Грозный, Харон, Де Сад.*

Персонажи перемешиваются в произвольном порядке без учета хронологических и пространственных рамок. Иван-дурак вместе с Софи Лорен – «заправила преступного мира». К Джоконде пристают Казанова с Пеле. Мы в буквальном смысле наблюдаем какой-то безумный коллаж, когда персонаж из одной эпохи и страны «склеивается» с представителем совершенно другой эпохи и культуры: *Чарли Паркер говорит Беатриче: «Не угодно ли потанцевать?»* Д Артаньян и три мушкетера видят проезжающего Маяковского, Мария Медичи спешит к Мао Дзэдуну и т.п.

Большинство персонажей «понижаются» в статусе: *папаша Бетховен лабает свой блюз На старом разбито фоно... А когда-то он был королем рок-н-ролла.*

*Родион Романыч стоит на углу,
Напоминая собой Нотр-Дам.
Он точит топоры, он правит бритву,
Он охочь до престарелых дам.*

«Раскольников из великого страдальца, пытавшегося подняться над толпой силой великой идеи, превращается в обычного мещанина» Исчерпывающий комментарий к этому образу дала Е. Павлова [Павлова 1999].

Подобная участь – своеобразного «развенчания», профанирования – характерна для многих обитателей города N. Так, например, Ромео, *«проводив свою подружку (Джульетту) домой, поспешит в публичный дом».* «Папа Римский содержит игорный дом, По вечерам здесь весь высший свет. И каждый раз перед тем, как начать игру, Он читает вслух Ветхий Завет». Джоконда (символ женственности, загадочности) и Флоренс Найтингейл (английская сестра милосердия, получившая мировое признание за свою общественную деятельность) выходят на панель. Коммерческая фирма носит название «Иисус Христос и Отец»: сакральное имя используется в чисто рекламных, прагматических целях.

Другие же личности, известные своим аморальным поведением, в городе N становятся ревнителями нравственности: *«Оскар Уайльд – шеф полиции нравов Уездного города N»; «Дон Жуан на углу читает серию лекций о дружбе и любви...»*

Большая же часть обитателей безумного города меняет сферу деятельности: *Юлий Цезарь снимает кино* (то есть из человека активно

действующего в реальной жизни он превращается в того, кто создает искусственную реальность); *А суперзвезды Пьер и Мария Кюри Снимаются в главных ролях; И оператор Роден Приступает к съемке сцены №7. Пол Маккартни – Финансовый гений города N* и т.д. и т.п.

Мотив переосмысления, перевоплощения реализуется и в идее «переодевания» героев: *Вот Гоголь, одетый как Пушкин; Жорж Санд, одетая в смокинг, шепчет: «Я – Шопен!»*

Часть персонажей сохраняет связь с собственным мифом. (Под мифом, в след за Е.В. Павловой, мы понимаем «тот стереотип восприятия данного героя, который сложился в современном культурном сознании» [Павлова 1999: 177]). *Таксист Харон* привозит Эйнштейна на вокзал, где не оказывается билетов на пригородный поезд. *«Анна Каренина просит всех покинуть перрон И не устраивать сцен – Все равно поезда никогда не уходят Из уездного города N»*. Мария Медичи – медсестра – явно собирается отравить одного из своих пациентов. *Архимед из окна кричит: «Эврика!» Но мало, кто слышит его...* Диск-жокей Галилей кричит: *«И все-таки она вертится!»*

Последние примеры показательны еще и обращением к прецедентным высказываниям или ситуациям, которые также присутствуют в тексте песни, но в меньшем количестве, чем прецедентные имена.

Не все имена собственные, включенные в анализируемый текст, играют существенную роль. Автору, по-видимому, важно количество, но не всегда качество. Количество упоминаний усиливает «коллажность», эклектичность текста, акцентирует безумие обитателей города N. Но включение ряда имен кажется нам знакомым.

Лев Толстой вырыл яму, залез в нее

И отказался наотрез вылезать.

Он поносит всех оттуда такими словами,

Что неловко их повторять.

С одной стороны, данный пассаж можно воспринять как одно из проявлений безумия, царящего в городе, глобального алогизма. Но, с другой стороны, слишком значимо для русского человека имя Льва Толстого, чтобы упоминать его походя. Один из мифов (стереотипов) русского (советского) сознания: Лев Толстой – один из столпов русской классической литературы, культуры, оплот нравственности, но и в то же время, писатель, преданный анафеме церковью. Кроме того, Толстой связан с идеей опрощения, сближения с народом и др. Вырытая яма, возможно, символизирует, с одной стороны, близость к земле писателя, а с другой стороны, провал русской классической литературы, высокие идеи которой оказались опошлены в современной постмодернистской литературе.

Особого интереса в анализируемом тексте заслуживают примеры собственно аллюзий, имеющих литературный источник. Ограничимся следующим примером:

*В этот миг за спиной они слышат
Скрип телеги и крики: «Но-о!»*

*Это Маяковский в желтой кофте,
Доходящей ему до колен,
Везет пятнадцать мешков моркови
На рынок города N.*

Вполне понятно появление желтой кофты – атрибута мифа о Маяковском бунтаре и короле эпатажа. Прообраз «мешков моркови» те «две морковинки», которые лирический герой поэмы «Хорошо» несет любимой: *не домой, не на суп, а к любимой в гости, две морковинки несущ за зеленый хвостик*. Романтический образ влюбленного, который рад хоть чем-то поддержать возлюбленную в голодные годы, трансформируется в прагматичного рыночного торговца.

Интересен также случай ономастического каламбура:

*Наполеон с лотка продает ордена,
Медали и выцветший стяг.
Ван Гог хохочет: «Нет, ты – не император,
Я знаю, ты – просто коньяк!»*

Автору текста мало низвергнуть императора с вершины его величия, развенчать кумира многих поколений (всп. Пушкинское: *Мы все глядим в Наполеоны*; идею сильной личности Раскольников и т.п.), заставив его торговать собственной былой славой. Науменко еще и ернически обыгрывает омонимию имени собственного и название коньяка. Показателен в этом тексте и мотив осмеяния: *Ван Гог хохочет*.

Завершая анализ «Уездного города N», хочется вспомнить еще об одном персонаже, который присутствовал и в тексте Дилана, – о несчастной Золушке, которая так и не стала ни принцессой, как в известной сказке, ни балериной, как мечтает в песне Науменко:

*А вот и Золушка. Милая девочка!
Как она-то оказалась здесь?
Она так устала, она запыхалась,
Ей некогда даже присесть.*

*Она когда-то мечтала стать балериной,
Но ей пришлось взамен
Каждый вечер подметать тротуары улиц*

Уездного города N.

«Уездный город N» М. Науменко демонстрирует яркие примеры разрушения литературных мифов и переосмысления образов классической русской (и не только!) литературы. Данное произведение стоит в самом начале того ряда текстов постмодернистской литературы, в которых классические произведения подвергаются переработке, переосмыслению, переименованию, иногда даже издевательскому. Можно вспомнить и «Чайку» Акунина, и «Русское варенье» Л. Улицкой, разнообразные римейки и т.п. Возможно, Науменко и не ставил перед собой глобальной задачи – показать обесмысливание высоких идей классической литературы, их невостребованность в современном прагматичном мире. Но не случайно Е.В. Павлова, проанализировав трансформацию образа Р. Раскольникова в данном произведении, приходит к следующим выводам: «...если традиционно Раскольников рассматривается как герой, полагавший, «что может соединить в себе абсолютную и всеобъемлющую власть Наполеона с назначением Мессии, ведущего человечество к счастью» (В.Я. Кирпотин), то у Майка Родион Романыч – опустившийся горожанин, ординарный человек, далекий от высоких идей спасения человечества» [Павлова 1999]. Не так уж весел текст Науменко: в нем присутствует и Наполеон, торгующий своей славой, и Мессия в названии коммерческой фирмы. Не случайно возникает идея некоей тупиковости, безвыходности: ... *поезда никогда не уходят Из уездного города N.*

Итак, проанализировав текст Науменко, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, следует отметить использование приема «мозаичности», «коллажности», алогичности в данном произведении. Соединение онимов намеренно хаотично, подчас абсурдно. Во-вторых, большинство персонажей текста не просто меняют сферу деятельности, но и «понижают» свой статус. Характерна своеобразная морально-этическая перверсия: Ромео ведет Джульетту в публичный дом, а Дон Жуан читает лекции о дружбе и любви. И, наконец, в «Уездном городе N» можно увидеть проявление тотальной иронии, столь характерной для постмодернистской литературы, которая часто заставляет читателя произвести своеобразную переоценку ценностей (культурных, этических и др.), но ничего не предлагает взамен.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И.В.* Проблемы интертекстуальности // Вестник СПбГУ, серия 2. История, языковедение, литературоведение. 1992. – Вып. 4.
Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин. – М., 2001.
Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург,

2008.

Гридина Т.А. Художественный текст как поле языковой игры // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2012. – № 5. – С. 101-110.

Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сб. научных трудов. – Тверь, 1998. – Вып. 1.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Изд. 3-е испр. и доп. – Ростов н/Д, 2007.

Павлова Е.В. Комментарий к образу Раскольникова в «Уездном городе N» Майка Науменко // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сб. научных трудов. – Тверь, 1999. – Вып. 2.

Скворцов А.Э. Лирический герой поэзии Бориса Гребенщикова и Михаила Науменко // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сб. научных трудов. – Тверь, 1999. – Вып. 2.

© Авдеева Г.А., 2014

Н.А. ВОРОБЬЕВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия*

УДК 821.161.1.3(Погорельский А.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44

МОДЕЛИРОВАНИЕ «ВИРТУАЛЬНОЙ» РЕАЛЬНОСТИ В МИСТИКЕ А. ПОГОРЕЛЬСКОГО

Аннотация: В статье анализируется рассказ А. Погорельского «Посетитель Магика» с целью выявления особенностей отражения магико-ритуальных практик традиционной народной культуры в литературном произведении; рассматриваются стереотипы «виртуальной» реальности в фантастической проекции автора.

Ключевые слова: традиционная культура, художественный текст, ритуал.

Мы обращаемся к изучению традиционной народной культуры. В первую очередь к источникам сведений о культуре, несущим национально специфическую окраску, относят: а) традиции (или устойчивые элементы культуры), обычаи и обряды; б) бытовую культуру, в том числе повседневное поведение; в) «национальные образы», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей разных культур; г) художественную культуру, отражающую традиции того или иного этноса; д) разного рода языковые единицы, которые рассматриваются в качестве основного источника выявления национально-культурных стереотипов сознания. Значительно реже в таком аспекте изучается художественный текст, поскольку он отражает индивидуальное, авторское, восприятие действительности. Безусловно, автор произведения является носителем той или иной культуры, установки, ценности которой не могут не повлиять на формирование мировоззрения человека, воспринимающего окружающий его мир «сквозь призму собственной культуры». Это дает возможность рассматривать любой художественный текст как источник культурной информации.

Материалом для данного исследования послужила новелла Антония Погорельского «Посетитель магика». Нам кажется возможной лингвокультурологическая интерпретация указанного текста, выявляющая информацию, связанную с ритуалами, магическими практиками суеверными представлениями и т.д. Декодирование сакрального смысла в подобных текстах учитывает, как отмечает Е.А. Реферовская, «все то, что должно иметься в сознании получателя лингвистически оформленного сообщения, все то, что лежит за пределами этого сооб-

щения, имея, однако, к нему определенное отношение, и что может гарантировать правильное и исчерпывающее понимание сообщения» [Реферовская 1983: 7].

Попытаемся проанализировать новеллу «Посетитель магика» с целью выявления особенностей отражения магико-ритуальных обычаев традиционной народной культуры в литературном произведении.

Под ритуалом, вслед за Н.И. Толстым, мы понимаем «не последовательность произнесенных или написанных слов, а некую последовательность действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность» [Толстой 1995: 23]. В древнем социуме ритуал являлся главным механизмом коллективной памяти, который во многом определял жизнь человека.

В. Тэрнер писал: «...ритуал и символика – не просто эпифеномены или маскировка более глубинных социальных или психологических процессов, ...они обладают онтологической ценностью, имеющей определенное отношение к состоянию человека... Расшифровка ритуальных форм и раскрытие происхождения символических действий, возможно, более полезны для нашего культурного роста, чем мы до сих пор предполагали» [Трэннер 1983: 23].

Анализ магико-ритуальных обычаев традиционной культуры [см.: Коновалова 2012, 2013] предполагает рассмотрение:

- системы персонажей, выполняющих сакральное действие или присутствующих при его выполнении;
- атрибутов, используемых при совершении ритуальных действий, имеющих символическое значение;
- системы действий, совершаемых по строго установленному порядку в определенной последовательности;
- временной организации;
- пространственной организации.

В новелле «Посетитель магика» автор знакомит нас с двумя персонажами.

Один из героев новеллы – Корнелий Агриппа, ученый астролог, **магик** и философ, живший в 13 веке, составивший «*помощию глубоких познаний чудное зеркало, способное образ того отдаленного или даже умершего человека*». Как мы видим, в данном случае отражены особенности традиционной культуры, заключающиеся в том, что магико-ритуальные действия может выполнять не любой человек, а только тот, кто наделен способностью установить связь с потусторонним нереальным миром.

Второй герой, имя которого мы узнаем не сразу, обращается к магику с просьбой «перенести» человека в иной мир, мир мертвых, дать

возможность «хоть на одно мгновение, взглянуть на существо им любимое», его дочь. Он только присутствует при выполнении сакрального действия, хотя, как мы узнаем позже, связан с библейским текстом.

Основной предмет, который используется при выполнении магикоритуальных действий в этом тексте – зеркало, которое вне текста, с одной стороны, имеет чисто практическое, бытовое применение – отражает реальную действительность; с другой стороны, это мистический предмет, способный отражать виртуальный мир. «Зеркало как реальная вещь появилась в позднее время, но его семантика и символика глубоко архаичны» [Маслова 2001: 111]. В традиционной русской культуре зеркало воспринимали как «вещь опасную, запретную, созданную дьяволом, это средство контакта с ним; в зеркало нельзя смотреться невестам, одетым под венец, беременным, новорожденным, ибо они находятся в стадии перехода из одного мира в другой; его занавешивают в обрядах, связанных со смертью, якобы для того, чтобы покойник не мог пройти сквозь зеркало с того света. Зазеркалье – это перевернутый мир живых» [Толстая 1994: 85]. С давних пор человек обратил внимание на то, что разные гладкие поверхности, такие как вода, зеркало и некоторые другие отражают реальность, хотя и несколько искаженно. Эта «искаженность» породила верования в то, что по ту сторону зеркала существует иной, потусторонний мир. Зеркало удваивает наш мир на Предзеркалье и Зазеркалье («этот» и «тот» мир, мир живых и мир мертвых). Зеркало «наделяется сверхъестественной силой, способностью воссоздавать не только видимый мир но и не видимый и даже потусторонний; в нем можно увидеть прошлое, настоящее и будущее» [СД 1995, т. 2: 321]. Подобные представления о зеркале характерны не только для русской, но и для многих славянских и европейских культур.

В анализируемом тексте нашли отражение стереотипные представления о зеркале, как символе отражения и удвоения действительности, характерные для традиционной русской культуры; как средстве, которое способно «перенести» человека в иной мир, мир мертвых. Именно с этой просьбой обращается незнакомец к Корнелию Агриппе: *«До меня дошли слухи о каком-то чудном зеркале, составленном вами по мощию глубоких познаний ваших, которое отражает образ того отдаленного или даже умершего человека, коего увидеть желаешь»*. (Ср. «Зеркало использовалось для общения с обитателями загробного мира. Болгары верили, что с помощью зеркала можно увидеть умерших, когда они пребывают среди живых...» [СД 1995, т. 2: 322]. Стоит отметить, что в тексте впервые способность зеркала связывать миры рассматривается как результат деятельности человека.

Кроме зеркала отражательной способностью, по мнению носителей традиционной культуры, обладают тень, картина, фотография, поскольку они тоже удваивают реальность. Автор обращает внимание читателя на картину, висящую в доме магика *«Корнелий посмотрел и увидел с удивлением (чего не заметил еще до того времени) разительное сходство сей фигуры с незнакомцем, как будто это был его портрет...»*. Как нам кажется, функция картины заключается не только в том, чтобы представить нам героя *«тут Корнелий Агриппа узнал, что его посетил Вечный жид»*, а еще и указывает на связь гостя с дьяволом.

Залогом успешного контакта с «иным» миром является строгое последовательное выполнение определенных действий *«он принялся чертить круги волшебным жезлом своим»*. Особое внимание в связи с этим обращает на себя символика круга. С одной стороны, круг у славян связан с сакрально гарантированным пространством, безопасным для человека «круг – один из наиболее значимых мифопоэтических символов, отражающий представления... об основных формах структурирования пространства (деление на «свое» и «чужое», где круг выступает как граница замкнутого, охраняемого пространства)» [СД 1995, т. 3: 11]. С другой стороны, можно предположить, что в данном тексте круг – это еще и символ цикличности жизни, ведь не зря количество кругов, начерченных магигом, соответствует количеству прожитых лет (Ср. «круг жизни», «годовой круг» [СД 1995, т. 3: 11]).

Магиго-ритуальные действия совершались в строго определенное время, как правило, это период от полуночи до первого крика петухов (время перехода в другой мир, время появления нечистой силы), время сакрально негарантированное, опасное для человека, когда он чувствует себя одинаково незащищенным от разных сверхъестественных сил. Эта традиция автором текста сохранена. Незнакомец приходит в дом к Корнелию Агриппе, когда *«день клонился к концу, и вечерние тени уже начали собираться над Флоренцией»* и, кроме того, *«Корнелий немедленно завесил окно, чтоб ни один луч небесного света не мог проникнуть в комнату, поставил незнакомца подле себя по правую руку и начал петь тихим и протяжным голосом...»*. (Ср. «в повседневной жизни, запреты, относящиеся к зеркалу касались определенного (опасного) времени и определенной категории лиц (наиболее подверженных опасности). Повсеместно известен запрет смотреться в зеркало ночью – увидишь дьявола или смерть, состаришься раньше времени, утратишь свою красоту» и т.д. [СД 1995, т. 2: 322]).

Главная особенность организации пространства в анализируемом тексте – разделение на реальное, Предзеркалье, и нереальное, Зазеркалье. Описание «реального» пространства в тексте практически отсут-

ствуем. Мы знаем, что это комната магии, единственный предмет в комнате, на который обращает внимание автор – это «*большое зеркало, закрывающее целую стену и как будто подернутое густым инеем или туманом*». Границу между миром реальным и вымышленным провести достаточно сложно, читателю не всегда понятно, где начинается одна реальность и заканчивается другая «... *туман, покрывавший зеркало исчез, и незнакомец, с радостным криком подняв голову, вперил глаза свои в картину, в зеркале представившуюся*». Мы видим, что вымышленное пространство (то, что видят герои в зеркале) дублирует то, что есть в реальном «*Вдали вздымались к небу великие горы, увенчанные кедром. Быстрый поток протекал у подножия их, а впереди видны были пасущиеся верблюды. Подле светлого, прозрачного ручья несколько овец утоляли жажду, и высокая пальма ограждала тенью своей от лучей полуденного солнца молодую девушку чрезвычайной красоты, в богатой восточной одежде*». А иногда, на наш взгляд, кажется в большей степени реальным; возникает ощущение, что то, что видят герои в зеркале – это единственная «реальная» картина в тексте.

Подчеркивает «зыбкость» границы между мирами и обращение к таким сакрально негарантированным пространствам, как дверь и окно, которые также, как и зеркало, являются границами между реальным и «виртуальным» миром.

Традиционно существовал ряд запретов, связанных с выполнением различных магико-ритуальных действий, любое малейшее нарушение ритуала могло навредить его участникам, изменить ход событий, получить иной результат. И в любой момент эта связь между мирами может прерваться, поэтому Корнелий Агриппа предупреждает посетителя о последствиях, которые может иметь вмешательство в ход проведения ритуала «*Берегись, неосторожный! – сказал он, – не оставляй этого места! С каждым шагом, приближающим тебя к зеркалу, изображение делается тусклее; а если подойдешь ты еще ближе, то оно исчезнет невозвратно*».

Безусловно, Агриппа знает об опасности, которую представляет для человека зеркало, «*Страстные речи незнакомца такое возымели действие над Агриппою (неохотно показывавшим зеркало свое тем, кто его просил, хотя часто предлагали ему за то дорогие подарки и высокие почести), что он тотчас согласился исполнить желание непонятого своего гостя*».

Мы видим, что любая попытка установить контакт с миром мертвых опасна для человека «*Выговорив последние сии слова, он поспешно бросился*

к зеркалу, но картина исчезла, зеркало опять покрылось туманом, и незнакомец без чувств упал на землю»

Безусловно, со временем происходит постепенная утрата ряда ритуальных, магических действий, они забываются, получают переосмысление, появляются новые. Поэтому художественный текст, наряду с другими формами отражения действительности, позволяет сохранить и передать информацию об особенностях восприятия окружающего мира носителями языка и культуры разных эпох.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьева Н.А. Лингвокультурологический подход к изучению русской сакральной идиоматики // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2012. № 5. – С. 5-11.

Гридина Т.А., Воробьева Н.А., Зуева Т.А., Коновалова Н.И. У народа – как у праздника: словарь русской диалектной фразеологии (презентация лексикографического проекта) // Филологический класс. 2012. № 4 (30). – С. 140-142.

Коновалова Н.И. Сuggestивность сакрального текста традиционной народной культуры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2013. № 11. – С. 122-134.

Коновалова Н.И. Традиционная народная культура в зеркале языка // Филологический класс. 2012. № 3. – С. 5-11

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.

Реферовская Е.А. Лингвистическое исследование структуры текста. – Л., 1983.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н.И. Толстого. – М., 1995 (в тексте СД).

Толстая С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор. – М., 1994.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по народной мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

Трэннер В. Символ и ритуал. – М., 1983.

© Воробьева Н.А., 2014

М.С. ГЕРАСИМЧУК

*(Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия)*

УДК 821.161.1.3(Екимов Б.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44

ОБЪЕКТ-СИТУАЦИЯ В КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РАССКАЗАХ БОРИСА ЕКИМОВА (ЦИКЛЫ «ПАМЯТЬ ЛЕТА» И «ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ»)

Аннотация: В данной работе анализируются компоненты ситуации зрительного восприятия, относящиеся к характеристикам предмета восприятия, в художественном тексте. Восприятие мира персонажем с помощью органов зрения имеет целостный характер, что отражено в языковых единицах. Акценты внутри объекта-ситуации расставлены в соответствии с авторской творческой установкой.

Ключевые слова: объект-ситуация, субъект зрительного восприятия, когнитивная модель, предмет и контекст восприятия.

Целью настоящей статьи является выявление принципов анализа структуры фрагментов художественного текста, содержащих ситуацию зрительного восприятия объекта субъектом. В нашем понимании объект восприятия – это фрагмент картины мира, включающий в себя, помимо самого предмета восприятия, его пространственно-временное определение, характеристики формы, цвета и т.д. Для достижения поставленной цели нам необходимо решить следующие задачи: рассмотреть связь объекта восприятия с субъектом, определить структуру объекта восприятия как ситуации, описать периферийные компоненты ситуации зрительного восприятия в тексте.

Материалом для анализа послужили рассказы Бориса Екимова, представителя современной деревенской прозы. Его творчество обладает необычайной легкостью наряду с непростыми процессами сельской жизни, которые происходят в последние годы в нашей стране. Автор-рассказчик удивительно близок к природе и мастерски описывает тончайшие ее оттенки и самые малейшие изменения. Что бы не попало в его поле зрения, оно становится живым, ярким и насыщенным. Эстетический взгляд на мир, внимание к острым социальным проблемам деревенской жизни и человеческое тепло, которым веет почти от каждого произведения, заставили нас обратиться к языку писателя.

На вопрос, что же человек воспринимает зрением, Е.В. Урысон отвечает в статье «Языковая картина мира vs. обиходные представления

(модель восприятия в русском языке) следующим образом: «Очевидно, не какую-то одну характеристику предмета и не какой-то один аспект ситуации, а предмет или ситуацию во всей полноте. ...В русском языке нет стандартного однословного средства для обозначения того, что воспринимается зрением. Но это не лакуна в системе, а особая выделенность зрительного восприятия в языке: мы видим весь мир, а не какие-то его аспекты или компоненты» [Урысон 1998: 6]. Вся сложность объекта восприятия предстает перед нами, когда мы читаем следующий фрагмент текста:

*Лишь весной, в теплом апреле, я приехал на хутор. Как всегда, переехав Прощальный курган, остановился наверху, вышел из машины, чтобы **оглядеться**.*

*Все было на месте: **просторная** долина, еще не затравевшая, но в нежной желтовато-зелёной дымке, кучка домиков – **внизу**, в затишке, чуть **далее** – **синеющий** Дон.*

***Рядом с дорогой** кормилась на старых травах овечья да козья отара. Пастух, скучающий в безлюдье, поспешил ко мне с расспросами да хуторскими новостями. Он и сообщил про Акулю, про смерть ее (Житейские истории. Провожая) [Екимов 2000а: URL].*

Автор почерпнул из восприятия мира как единого целого широкий спектр средств для создания зрительного образа в тексте художественного произведения. Панорамность изображения сельской местности достигается с помощью пространственных наречий (*внизу, далее, рядом*) и определения, которое согласуется с одним предметом восприятия (*просторная долина*). Пейзажная цветовая палитра выстроена за счёт колоративов (прилагательных с цветовым значением) – *в нежной желтовато-зелёной дымке, синеющий Дон*. Мастерски исполненная включенность построенного образа в повествование усиливает лирическое настроение, связанное с темой уходящих в иной мир деревенских старожил.

Характеристика объекта восприятия в тексте зависит не только от его многомерности, но и от положения субъекта восприятия в реальности, созданной автором. Относительно наблюдателя «то или иное событие локализуется справа или слева, спереди или сзади, ближе или дальше, в собственном организме, на его поверхности или вне его, воспринимается раньше или позже, оценивается как яркое или тусклое, неподвижное или движущееся, горячее или холодное, мягкое или плотное» [Барабанщиков 2006: 71]. Например, в следующем фрагменте текста пространственные наречия (*справа, слева*) и сочетание местоимения с предлогом *за* локализуют объекты восприятия вокруг субъекта: ***Справа** вздымался обрывистый **донской берег**, **слева** – **алая***

гущина краснотала, за ним – могучие тополи да осокари. Выше их только небо, зимнее, мгlistое. Порой не солнце, лишь оловянный зрак его пробивался через пелену облаков, заливая округу мягким се-ребряным светом (Память лета. Короткие рассказы. День до вечера) [Екимов 2000б: URL]. Также мы можем отметить движение взгляда субъекта восприятия от наземных объектов к предметам, находящимся над ним. Метафорическое определение солнечного света раскрывает языковую личность автора-рассказчика. При этом для читателя «источник знания лежит не в объектах, не в субъектах, а во взаимодействии между ними» [Исмагилова 2008: 60].

При анализе ситуаций зрительного восприятия в текстах художественных произведений мы руководствуемся фоновыми знаниями о субъекте восприятия, полученными ранее. Игрет роль не только физическая оценка субъектом объекта восприятия, но и культурные ценности, которые важны для субъекта, его национальное самосознание: *Чернеет поодаль чеченское гнездо: старый флигель в окружении скотых сараев, базов. Даже издали глядится жилище неуютным, как-им-то раздерганным вороньим гнездом. Чужие живут* (Память лета. Короткие рассказы. День до вечера) [Екимов 2000б: URL]. В данном тексте предметом восприятия служит жилище чуждой для субъекта нации. При сравнении с описанием родного края можно заметить резкий контраст между *чужим* и *своим*. Отрицательная оценка имеется и в обособленности двора (*поодаль*), и в глаголе восприятия с цветовой семантикой (*чернеет*), и в сравнении, подобранном для описания дома (*глядится ... вороньим гнездом*).

Так или иначе выбор средств для описания объекта зрительного восприятия зависит от авторской установки, коммуникативной задачи, которую он перед собой ставит. Пр.: *Ночью я вышел во двор: августовская тьма, яркие звезды. Над головой – светлый дым Млечного Пути; по его обочинам, словно цветы придорожные, крупные звезды. Но виден лишь клоч ночного неба. Мешают дома, деревья. А хочется все небо увидеть, от края до края* (Память лета. Короткие рассказы. Голос неба) [Екимов 2000б: URL]. Обратим внимание, что в данном тексте автор намеренно ограничивает объект восприятия. Сообщению об этом предшествует метафорическое развернутое описание, как мы узнаем позднее, всего лишь *клока неба*. Неувиденное представляется еще более красивым и великим. В последнем отрывке мы наблюдаем составное глагольное сказуемое *хочется видеть*, в котором вспомогательный глагол имеет модальное значение ‘желательности’, что довершает авторскую «игру» с неполнотой объекта восприятия.

Определяя концептуальную структуру объекта зрительного вос-

приятия как ситуации, отметим, что «предмет восприятия противопоставлен остальным элементам ситуации, которые потенциально отвечают иным потребностям, образуя функциональную периферию (контекст восприятия или фон) [Барабанщиков 2006: 72-73]. В следующем примере предметом восприятия является **вербовый куст**: *И вдруг возле ручья, в низине, скорее не увидел я, а почувал что-то необычное — словно солнечный свет, золотистое его сияние. Я подошел ближе: это цвел невеликий **вербовый куст*** (Память лета. Короткие рассказы. От огня к огню) [Екимов 2000б: URL]. Локализация объекта восприятия здесь происходит за счет пространственных предлогов (*возле, в*). Екимов употребил в данном контексте не просто визуальный предикат, а однородные сказуемые, соединенные противительным союзом *а* (*не увидел я, а почувал*), что помещает зрительное восприятие рассказчика совсем на иной уровень и усложняет его. Возможно, в глаголе почувать в этом примере соединяются два значения, зафиксированных в словаре: «Почувать, -чую, -чуешь; св. (нсв. чують) 2. Разг. Ощутить, почувствовать. 3. Интуитивно угадать; осознать, понять», – и автор имеет в виду именно *интуитивное зрение*. Для создания художественного образа **контекст** восприятия расширяет представление о **предмете**, придаёт ему неповторимый поэтический облик.

Контекст восприятия включает в себя разнородные элементы, значение которых определяется при обращении к механизмам зрительного восприятия как физического процесса: «Из всей совокупности процессов построения зрительного образа самым простым является процесс восприятия цвета, который может сводиться к оценке светлости, или видимой яркости, цветового тона, или собственно цвета <...>. Более филогенетически поздними являются механизмы зрительного восприятия пространства, в которых происходит интеграция соответствующей информации о пространстве <...>» [Мазаева 2006: 131-132]. Самым сложным является восприятие формы. Таким образом, выстраивается иерархия механизма восприятия: цвет-пространство-форма. В художественном тексте это отражается в обилии цветowych эпитетов, относящихся к предмету восприятия, описание его формы имеет более сложное построение. А упоминание о пространстве локализует объект восприятия. Приведём пример: *Здесь астры: белые, сиреневые, палевые; с желтой корзинкой посередине и – нежные, хрупкие, **стрельчатые шары**. Здесь могучие бархотки ли, «чахранки» с **резными ажурными листьями**. А цветы – **кремовые, шафрановые, карминовые**. Каждый лепесток оторочен **золотистой желтизной** и потому **мягко светит**; на взгляд и на оцупь – бархат. Оттого и зовутся бархотками* (Память лета. Короткие рассказы. Лазоревый цвет).

В данном отрывке сам предмет восприятия (*цветы, астры, бархотки*) семантически предполагает наличие большого количества колоративов (*белые, сиреневые, палевые* и т.д.); описание формы дано в словосочетаниях (*стрельчатые шары, с резными ажурными листьями*). Предмет восприятия находится непосредственно перед героем: об этом говорит наречие *здесь*, которое повторяется в первом и втором предложении и образует анафору. Также рассматриваемый пример замечателен использованием синестезии: зрительное восприятие и осязание становятся на одну ступень (*на взгляд и на оцупь – бархат*) и создают мягкий и объемный образ цветов.

В структуру ситуации зрительного восприятия также можно включить темпоральный детерминант [Селеменова 2010]. Этот компонент относится уже к процессу восприятия, а не к объекту, попавшему в поле зрения наблюдателя, однако временные показатели внутри фрагмента художественного текста могут использоваться, чтобы показать изменение характеристик объекта. Например:

1. *А к вечеру глядишь – пусто. И назавтра ни щелки, ни норки, даже намек нет на недавнее буйство. Словно приснилось. Молчит земля, и молчит трава. Объявилось на день и снова ушло под землю на целый год* (Память лета. Короткие рассказы. Живая жизнь) [Екимов 2000б: URL].

2. *В ночи отгремело, отсверкало, пролилось; и в новом дне встало над землей чистое, глубокой синевы небо. Глядеть на него – отрада* (Память лета. Короткие рассказы. Голос неба) [Екимов 2000б: URL].

И в первом, и во втором примере рассказчик наблюдает кардинальные изменения, связанные с тем или иным природным явлением, при этом противопоставляется *вчера* и *сегодня*, *день* и *вечер*, *день* и *ночь*. Показаны короткие отрезки времени для обострения восприятия читателем художественной реальности.

Таким образом, мы выяснили, что зрительное восприятие всей ситуации в целом является одной из главных отличительных черт этого вида перцепции. Данный факт отражается в языке и влияет на выбор путей анализа объекта восприятия внутри заявленной когнитивной модели в художественном тексте. Необходимо учитывать также и взаимодействие объекта и субъекта в процессе восприятия мира. В структуре этой ситуации мы выделяем предмет восприятия и его фон или контекст. Он состоит из восприятия цвета, пространства и формы. Эти средства создают широкое поле креатива для создания художественного зрительного образа. Анализируя особенности восприятия автора-рассказчика в произведениях Бориса Екимова, мы отметили присущие текстам автора лиризм и метафоричность. Благодаря использо-

ванию колоративов, пространственных наречий и предлогов, словосочетаний, описывающих форму предмета восприятия и темпоральных детерминантов в циклах рассказов «Память лета» и «Житейские истории» созданы целостные зрительные образы, не оставляющие равнодушным читателя.

ЛИТЕРАТУРА

Барабанищikov В.А. Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. – М.: Когнито-Центр; высшая школа психологии, 2006.

Исмаилова Х.Н. Функционально-когнитивная сфера «видеть/смотреть» в русском и башкирских языках: Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008.

Мазаева А.Ю. Фразеологического поля «визуальное восприятие действительности» как объект словарного описания. – Вестник ОГУ №11/ноябрь-2006 – С. 129-132

Селеменова О.А. Концепт «состояние природы» в языковой картине мира И.А. Бунина. – Вестник МГОУ №3 – 2010 –С. 34-37

Урысон Е.В. Языковая картина мира VS обиходные представления (модель восприятия в русском языке). // Вопросы языкознания. – 1998. № 2. – С. 3-21

Екимов 2000а: Екимов Б. П. Память лета. Короткие рассказы. // Новый мир №7 – 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/7/ekimov.html

Екимов 2000б: Екимов Б.П. Житейские истории. // Новый мир №12 – 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/12/ekim.html

© Герасимчук М.С., 2014

О.А. ГОЛОВАЧЕВА

(Брянский государственный университет,
г. Брянск, Россия)

УДК 821.161.1.3(Лесков Н. С.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,444

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОККАЗИОНАЛЬНОСТИ В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.С. ЛЕСКОВА

Аннотация: В статье анализируются окказиональные единицы, эксплицированные в ранних статьях Н.С. Лескова. В силу экспрессивной и смысловой насыщенности композиты и претерпевшие семантическую трансформацию узуальные лексемы выступают как эффективное средство воздействия на читателя.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, ранняя публицистика, окказионализмы.

Статьи Н.С. Лескова 60-х годов поражают разнообразием тем и широтой проблематики: это и занятость населения, и женский вопрос, и засилье спиритизма, и многое другое, обозначенное публицистом ярко, емко, с использованием лексических единиц оценочного регистра, особенно выпукло представленных в лексемах окказионального характера.

Так, в статьи, номинирующие проблему пьянства («Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе», «Несколько слов о местах распивочной продажи хлебного вина, водок, пива и меда», «Очерки винокуренной промышленности», «По винному вопросу», «Факт из истории водворения откупной системы в России» и др.), Н.С. Лесков активно вводит авторские новообразования, особый интерес представляют композиты и претерпевшие семантическую трансформацию узуальные лексемы.

Например, сложная единица *сердцеизлияние*, созданная в русле книжной традиции XIX века, образована путем сложения основы слова *сердце* в одном из ЛСВ – «орган кровообращения как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека» [ТСУ 2001: т. 3, 182] и *излияние* (книжн.) в значении «откровенное высказывание, передача другим своих интимных чувств, переживаний» [ТСУ 2001: т. 1, 456]. Окказионализм стилизован под книжную единицу. Слово прозрачно в семантическом отношении, составляет сумму компонентного состава, значение новообразования подразумевает действия отдельной личности, о чем сигнализируют семы 'свои', 'интимные' (чувства). Однако в тексте статьи «Несколько слов о местах распивочной продажи хлебного вина, водок, пива и меда» авторское новообразование выступает как

средство создания иронии в силу того, что изливание сердца демонстрирует не индивидуум, а люди, целые слои социума: ...*низший, менее образованный класс народа, привыкший, вследствие исторических причин, пропивать иногда свой заработок в один раз и, пропивая его, кричать, целоваться, плакать и браниться, а иногда и драться с собутыльниками и друзьями... Остальной класс ... не желающий, вследствие своего нравственного развития, участвовать в криках, лобзаниях и побоищах и избегающий даже близкого соприкосновения с этими сценами народного **сердцеизлияния**, должен искать возможности удовлетворять своим потребностям другими путями* [Лесков 1996, здесь и далее цитирование по указанному источнику с соблюдением графика и орфографии автора].

Употребляя данную единицу в качестве гиперонима по отношению к гипонимам *крики, лобзания и побоища*, Н.С. Лесков подчеркивает ее неуместность в данной лексико-семантической группе (ЛСГ), поскольку *крик* – «громкий, резкий звук голоса, громкое восклицание» [ТСУ 2001: т. 1, 583], *побоище* (разговорное и ироничное) – «ожесточенная кровавая драка» [ТСУ 2001: т. 2, 400]. Новообразование звучит в унисон только с книжным, поэтическим и устаревшим словом *лобзание* – «поцелуй», которое в тексте также употреблено как единица иронического ракурса.

Окказиональное сложное слово оксюморонного характера *монополюбно-посредствующий* привлекает внимание читателя необычностью, т.к. его значение составляет сумму структурных компонентов, противопоставленных по семантике: основы адъектива *монополюбный* – «пользующийся монополией, т.е. исключительным правом на производство или продажу чего-нибудь» [ТСУ 2001: т. 1, 689] и формой глагола *посредничать посредствующий* – «занимающийся посредничеством, т.е. сводящим продавца и покупателя» [ТСУ 2001: т. 1, 518]: ...*прост такой способ приобретения питей из тех **монополюбно-посредствующих** рук, которые мы доврременно должны считать первыми и даже непосредственными...*

Лексема *монополюбно-посредствующий* прежде всего выполняет номинативную функцию, констатируя сложившуюся в стране ситуацию, когда спаивание непросвещенного народа фактически поощряется и проводится правительством, на что указывает публицист через адъектив *непосредственный* – «без посредствующих, промежуточных звеньев связанный с кем-, чем-либо, прямой [МАС 1988: т. 2, 466]. Создавая иллюзию участия посредников в повальном пьянстве народа, государство непосредственно, монополюбно присутствует в ходе разложения населения с одной целью – получения баснословной прибыли за

счет продажи спиртного и многочисленных махинациях, сопровождающих этот процесс.

В работах по проблематике пьянства наряду с лексическими нами отмечены и семантические окказионализмы, например, *перелив*, *форменный* и др.

В системе языка функционирует отглагольное существительное *перелив* со значением «переход из одного оттенка в другой (о красках, звуках)» [ТСУ 2001: т. 2, 335]. Это дериват от переносного значения глагола *переливать* – «блестеть перемежающимися, переходящими одна в другую красками, отражать в быстрой смене разные цвета» [ТСУ 2001: т. 2, 335]. Однако в тексте существительное *перелив* употреблено в значении других производных от прямого значения данного глагола: *переливание*, *переливка* – «процесс, при котором одна жидкость переливается из одного места в другое» [ТСУ 2001: т. 2, 335]. Таким образом, в статье «Несколько слов о местах распивочной продажи хлебного вина, водок, пива и меда» Н.С. Лесков не просто употребил одну единицу в значении другой, но и произвел контаминацию семантики: спиртные напитки «переливаются из одного места в другое», при этом «переходят из одного» состояния в другое: *...места перелива откупных специй в желудки потребителей*. В контексте формируется единица, обретающая свою жизнь «как строевой элемент идиолексона» [Леденева 2000: 88], при ее создании интенция автора была направлена на творческое переосмысление значения.

Семантические окказионализмы, в том числе и слово *перелив*, наряду с лексемами, понятийное ядро которых составляют компоненты с негативной оценкой, служат средством создания мрачного, гнетущего впечатления от питейных заведений. В контексте использован один из ярких лесковских приемов, который у зрелого писателя станет характерной чертой идиостиля – прием языковой игры. Уже в 60-е годы Н.С. Лесков-публицист выступает как мастер саркастического письма. При этом демонстрируется лаконичность и в то же время смысловая емкость, используются слова, которые в системе языка имеют другое значение по отношению к тому, что реализовано в контексте.

Лексема *форменный* в узусе – относительное прилагательное, производное от одного из лексико-семантических вариантов полисеманта *форма* – «однообразная, одинаковая одежда, установленная для военных, служащих какого-нибудь ведомства, для учащихся какого-нибудь учебного заведения» [ТСУ 2001: т. 3, 529]: *Мы, конечно, не имеем в виду тех людей, которые думают, что входом в питейное заведение они могут уронить свое человеческое достоинство или, по крайней мере, достоинство своего звания, общественного положения или*

форменного платья – и не желают ее каким-то образом скомпрометировать.

В тексте статьи адъектив употреблен как в системном значении, так и в семантически трансформированном: *форменные* (люди) – это люди, которые носят форму, о чем свидетельствует и более широкий контекст: *Остальные люди **форменные** были против ... а если кто-нибудь из них и заходил в эту залу, то не чрез парадные двери, как все другие, а пролезал иначе и не садился в зале, боясь смешаться с людьми, а жался особнячком в боковых комнатах.*

В статьях по проблематике пьянства семантический сдвиг имеет место и в значении глагола *величать* в следующем контексте: *Людям, стоящим в материальной зависимости от такого общества, которое **величает** шалунами развратников, разрушающих под маской дружбы семейное счастье, и затворяет двери перед человеком, предпочтительшим «оригиналы спискам», нечего прать против рожна.*

Здесь семантическую трансформацию глагола определяет контекстуально заданная антонимическая пара *шалун – развратник*. Лексическое значение существительного *шалун* – «тот, кто шалит; баловник, проказник, резвый ребенок» – фиксируется по глаголу *шалить* – «дурить, баловать, чудить, проказить, дурачиться» [ТСД 2006: т. 4, 1022-1023]; в то время как *развратник* – «распутный человек, порочный» [ТСД 2006: т. 4, 27], «предающийся половой распущенности» [СО 1986: 558]. Таким образом, интегральным компонентом противопоставленности субстантивов выступает степень (игры, баловства), при этом первый член антонимической пары имеет частичную «вытянутость» семантики: в его структуре утратила актуализацию сема 'резвый ребенок'. Однако русским людям *величать* – «возносить, превозносить, восхвалять, славить, прославлять, чествовать» [ТСД 2006: т. 1, 293] – шалунов не было принято, т.к. это противоречило бы здравому смыслу, следовательно, выражение *величать шалунами развратников* употреблено в переносном значении и имеет в тексте ярко выраженный гиперсемантизированный характер, сигнализируя читателю следующее: в обществе человек небогатый считается в большей степени потенциально склонным ко всякого рода порокам, чем человек зажиточный и состоятельный.

Положение, когда только финансовое состояние определяет отношение к человеку, возмущало Н.С. Лескова; свое негодование он передавал, используя разнообразные языковые единицы, создавая авторские слова, привлекая окказиональные синтагматические связи. «Об искусстве Н.С. Лескова заметить и отразить мельчайшие детали свидетельствует умение трансформировать семантический объем языковых

лексем в соответствии с прагматической установкой автора, что находит реализацию в статьях по спиритической проблематике» [Головачева 2011: 22].

В статьях «Аллан Кардек...» и «Модный враг церкви» Н.С. Лесков, сравнивая спиритизм и нигилизм, о последнем говорит так: *Когда в Петербурге и во многих местах России свирепствовал страшный умственный недуг, названный нигилизмом, нередко случалось видеть мужчин и дам, которые, беседуя с отчаяннейшим нигилистом, восклицали: «Да где эти нигилисты?»*

Так, переносное значение глагола *свирепствовать* – «проявляться с большой силой; бушевать, неистовствовать» [МАС 1988: т. 4, 50] – характеризует процессы и явления стихийного порядка, например, свирепствует пожар, чума, ураган, однако *недуг* («сильное недомогание, болезнь») заявляет о себе иначе. С помощью описательного выражения метафорического характера (*свирепствовал страшный умственный недуг*) Н.С. Лесков аттестует нигилизм, который, по его мнению, не столь опасен для страны, как распространившийся философский спиритизм: *Люди толпами переходят в спиритизм! ... Это не столько секта, сколько новый способ мышления... спиритизм есть собственно новейшая религия.*

Дальновидный русский публицист предупреждает: спиритизм – это страшное зло, которое трудно распознать в силу особенностей его проявления, о чем в тексте сигнализирует композит *хитроласковый*. Структурно-семантические особенности сложного прилагательного *хитроласковый* интересны спецификой семантического сближения входящих в его состав компонентов: *хитрый* – «лукавый, коварный» [ТСД 2006: т. 4, 906], и *ласковый* – «приветливый, милостивый, благодушный» [ТСД 2006: т. 2, 389], наличие данных компонентов в одной лексеме приводит к энантиосемии на внутрисловном уровне: *Что же сделали и что намерены, по-видимому, сделать слуги церкви для борьбы с этим новым, хитроласковым врагом своим?*

Окказиональное сложное прилагательное несет важную смысловую и эмоциональную нагрузку, используется в целях точной и утонченной семантической дифференциации. Включая адъектив *хитроласковый* в синтагматические отношения со словом *враг*, публицист создает выражение оксюморонного характера, функционированию которого должны противоречить экстралингвистические факторы, свидетельствующие о том, что враг не может быть ласковым. Однако Н.С. Лесков точно определил новую разновидность проявления духовной экспансии: когда «лобовая» атака не эффективна, агрессор использует *бархатную поступь своей кошачьей лапки*. Окказионализм *хитроласко-*

вый указывает на вполне реальный, тщательно продуманный и отрепетированный спиритический спектакль, рассчитанный на доверчивого русского человека.

Сложное прилагательное с сочетанием противоречащих основ играет значительную роль в создании микрообраза в контексте, а публицист, «создающий окказионализмы, становится обладателем мощного, порожденного ощущением свободы выразительного средства, способного наиболее адекватно выразить индивидуально-авторское видение мира» [Клаус 1967: 16].

К единицам оксюморонного плана относится также лексема более сложной структуры, чем названные выше, – прилагательное *философско-религиозно-нравственно-практический*: ... направлены против спиритизма как против явления **философско-религиозно-нравственно-практического**. У первых трех компонентов композита интегральными выступают семы ‘добро’, ‘мудрость’, ‘духовность’, представленные на уровне эксплицированных (*философский* – «относящийся к философии, т.е. науке о достижениях человеческой мудрости, о познании истины и добра» [ТСД 2006: т. 4, 883]) или имплицитных (*религиозный* – «основанный на религии – богопочитании или духовных убеждениях» [ТСД 2006: т. 4, 906]; *нравственный* – «духовный, душевный; противоп. телесному, плотскому» [ТСД 2006: т. 2, 918]). Компонент *практический* – «опытный, прикладной, наглядный; противоп. теоретический, умозрительный, умозаключительный» [ТСД 2006: т. 4, 906] – содержит семы, противоположные названным выше, что иллюстрирует и дефиниция. Таким образом, композит *философско-религиозно-нравственно-практический* демонстрирует высокую степень окказиональности и в силу семантической прозрачности емко и точно характеризует спиритизм как разновекторное, всеохватное учение нового типа.

Ряд окказиональных единиц создан Н.С. Лесковым с пропуском предшествующего звена словообразовательной цепи. Производные этого типа указывают на искусные тактические маневры спиритов, направленные на пропаганду своего учения. Одной из таких лексем является слово *острупелый*: ...он (спиритизм) ...как бы некий *целительный елей, увлажяет острупелые раны, нанесенные от оскорблявшего нежнейшие человеческие чувства материализма*.

В языке зафиксирован глагол *струпеть* – «покрываться струпом, перестать гноиться» [ТСД 2006: т. 4, 579], который не предусматривает коррелята совершенного вида в силу семантических особенностей. Однако причастие-прилагательное *острупелый* структурно соотносится с потенциальным глаголом *острупеть*. Данная тенденция образования окказиональных причастий с пропуском предшествующих звеньев

словообразовательной цепи, наметившаяся в публицистике Н.С. Лескова, найдет свое продолжение в его художественных текстах. «Эти слова «как бы» минуя глагол, к которому формально примыкают по своей основе» [Хан-Пира 1966: 34]. Усиливает экспрессивно-оценочный потенциал лексемы метафоричность семантики, имевшая место в процессе словообразовательного акта.

Чресступенчатым способом образовано и причастие *медиумствующий*, значение которого семантически мотивировано субстантивом *медиум* – «человек, будто бы способный к духовным сообщениям» [ТСД 2006: т. 2, 510], а структурно – потенциальным глаголом *медиумствовать*:

Здесь, конечно, не место распространяться о том, в чем именно заключаются верования и учение этих нетелеграфирующих или, как они себя называют, “философствующих” спиритов, но ясно, что они довольно далеко ушли от спиритов медиумствующих, или “опытных”, которые дали так много данных порицать спиритские верования.

В ранних публицистических текстах Н.С. Лескова отмечены разноплановые окказиональные единицы, направленные на пробуждение читателя и активизацию его деятельности на поле духовной брани, в борьбе с укоренившимися пороками, с устоявшимися ошибочными представлениями, бытующими в социуме. Публицист говорил об этом, по наблюдению Б.С. Дыхановой, с «подлинностью чувств и природной добротой» [Дыханова 2013: 126], искренне надеясь, что соотечественники его услышат.

Таким образом, в ранних публицистических работах Н.С. Лескова нами отмечены окказиональные единицы, которые созданы автором по типу сложения, а также претерпевшие семантическую трансформацию; они прозрачны в смысловом отношении, в тексте реализуют колоссальный экспрессивно-оценочный потенциал, служат эффективным средством воздействия на читателя, пробуждая его активность, указывая на социально-общественные проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Головачева О.А. Нравственные проблемы публицистики Н.С. Лескова 60-х годов XIX века. Языковые средства отражения позиции автора. – Брянск, 2011.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. – М., 2006 (далее – ТСД).

Дыханова Б.С. В зазеркалье волшебника слова (поэтика «отражений» Н.С. Лескова. – Воронеж, 2013

Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. – М., 2000.

Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 томах. – М., 1996.

- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М., 1986 (далее – СО).
- Словарь русского языка.* Т. 1-4. – М., «Русский язык», 1988 (далее – МАС).
- Толковый словарь русского языка* / Под ред. Ушакова Д.Н. Т. 1-4. – М., 2001 (далее – ТСУ).
- Хан-Пира Э.И.* Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании//Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С. 184-190.

© Головачева О.А., 2014

А.А. КОРОВЁНKOBA

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1.3(Стругацкие)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44

О КОМИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ПОЭТОНИМА *КУЗЬКА* НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А.Н. И Б.Н. СТРУГАЦКИХ «СКАЗКА О ТРОЙКЕ»

Аннотация: В статье рассматривается поэтоним Кузька, представленный в повести А.Н. и Б.Н. Стругацких «Сказка о Тройке». Делается попытка выявить комический потенциал данного поэтонима, принадлежащего фантастическому персонажу – птеродактилю. Несоответствие имени и его референта служит основой для формирования восприятия его как комического.

Ключевые слова: имя собственное в художественном тексте, литературный оним, поэтоним, комизм, комическое.

Сатирическая повесть «Сказка о Тройке» (далее СОТ) была написана А.Н. и Б.Н. Стругацкими в 1967 году. Произведение выходило дважды: в первый раз оно вышло в 1968 году и подверглось вынужденной переработке в связи с невозможностью напечатания, и второй раз – в 1988 году, в этот раз первоначальный текст был авторами восстановлен. Источником для данного исследования послужила первоначальная версия СОТ. Повесть представляет собой интерес для исследования комического потенциала поэтонимов, используемых братьями Стругацкими [см.: Ваганова, Гридина 2007], т.к. из-за сюжетной линии ее можно охарактеризовать как остросатирическое произведение.

В СОТ повествуется о том, как Саша Привалов, Витька Корнеев, Эдик Амперян и Роман Ойра-Ойра, находясь в городе Китежграде, пытаются получить магические артефакты, необходимые для их научной деятельности. В Китежграде существует Колония необъясненных явлений, деятельность которой регулирует так называемая Тройка По Распределению и Учету Необъясненных Явлений, с которой и сталкиваются персонажи. Авторы красочно изображают ситуацию борьбы молодых и ученых с бюрократизмом невежественной Тройки. Как и все произведения братьев Стругацких, повесть насыщена яркими образами и комическими ситуациями. Большую роль в создании комизма в повести играют имена собственные.

Ономастическая парадигма персонажа состоит из двух единиц: (*птеродактиль*) *Кузьма* и *Кузька*. В тексте персонаж называется именем *Кузька*, которое является не только первичной номинацией, но, к

тому же, и более частотным (19 употреблений) вариантом. Поэтоним *Кузьма* (11 употреблений) вводится в текст в официальной ситуации и сопровождается апеллятивом *птеродактиль*.

Референтом поэтонима *Кузьма* является птеродактиль, живущий на территории Колонии необъясненных явлений в Китежграде. Очевидно, что в данном случае поэтоним *Кузьма* является кличкой животного, т.е. зоопозтономимом, чему можно найти прямое подтверждение в тексте: «*Дело номер второе, - зачитал комендант. – Фамилия: прочерк. Имя: прочерк. Отчество: прочерк. Кличка: Кузьма*». Однако, как уже было сказано, птеродактиль *Кузьма* в произведении чаще именуется *Кузькой*. Рассмотрим более подробно оба варианта.

Имя собственное *Кузьма* образовано от др.-русс. *Косма*, *Козма* из греч. *Κοσμάς*, произошедшего, в свою очередь, из греч. *κόσμος* — ‘мир’, ‘порядок’. Как указывает М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка», народное имя *Кузьма* обрело гласный *у* на месте гласного *о* из-за сближения с фонетическим обликом существительного *кузнец* [Фасмер]. Имя *Кузьма* неоднократно встречается в «Ономастиконе» С.Б. Веселовского, что свидетельствует о его распространенности в русском языке [Веселовский 1974: 13, 14, 15 и далее]. Вариант имени собственного *Кузьма* – *Кузька* – образован от основы *Кузь-* при помощи усечения конечного слога и присоединения форманта *-к-* с уменьшительно-ласкательным значением.

Имя собственное *Кузьма* было одним из наиболее популярных имен среди крестьян и имело широкое употребление. Постепенно имя вышло из употребления и уже с 20 века стало довольно редким для русского антропонимикона. Данное имя не было в употреблении у представителей высшего общества и редко встречалось у городского населения. Кроме того, важно отметить, что использование форманта *-к-* при образовании вариантов имен собственных было наиболее характерно для речи низших сословий. Поэтому довольно отчетливо стал ощущаться «крестьянский» колорит имени, т.е. его ассоциация с деревней и городскими низами, в особенности этому подвергся его вариант *Кузька*.

Имя *Кузьма* активно использовалось не только в плане номинации, – варианты личного имени *Кузя*, *Кузьенька*, *Кузька*, и т.д., фамилии *Кузьмин*, *Кузьминский*, *Кузьминцев* и др., – но и как элемент текстов, фразеологических сочетаний, также активно было в словообразовательном отношении. Так, например, Даль, иллюстрируя словарную статью *Кузьма*, приводит такие фразы: «*Кузьма бесталанная голова*», «*горькому Кузьеньке горькая долюшка*», «*Кузьенька сиротинушка*» [Даль]. Помимо них известны также высказывания: «*Наш Кузьма все*

бьет со зла», «*Не грози, Кузьма: не дрожит корчма*». Таким образом, в представленных высказываниях четко прослеживаются две линии: 1) Кузька – несчастный и неприкаянный человек и 2) Кузька – злой и сердитый человек. Здесь же можно вспомнить широко известные часто употребляющиеся выражения *показать кому-либо кузькину мать* – ‘как выражение угрозы’ и *узнать кузькину мать* – ‘испытывать от кого-либо жестокую обиду, зло, неприятность’ [Тихонов, Ковалева]. И, наконец, чтобы завершить описание ассоциативного фона имени собственного, следует вспомнить глагол *подкузьмить* – ‘подвести, обмануть, поставить в неловкое положение’ [Ушаков]. Так представлено имя собственное *Кузьма* в русской народной культуре.

Гипокористическая форма *Кузька* после снижения популярности онама в русском антропонимиконе испытала трансонимизацию и перешла из разряда антропонимов в зоонимы. Именно в таком виде имя собственное *Кузьма* закрепилось в русском обществе за областью номинации животных и сказочных персонажей. Здесь можно вспомнить, например, широко известный цикл историй Т. Александровой про домовенка Кузьку, также существует народная сказка «Кузька – вор», книга В. Бианки носит название «Кузя двуххвостый» и т.д. В целом можно сказать, что наиболее распространенным является именование при помощи онама *Кузька* щенков и котят.

Итак, обратимся к рассмотрению взаимодействия поэтонима с текстом и фоновыми знаниями читателя. Здесь кажется целесообразным сделать упор на ассоциации, возникающие в связи с данным онимом, потому что именно наличие фоновых знаний и представлений читателя позволяет авторам создать комический образ персонажа.

В тексте повести Стругацких поэтоним *Кузьма* выполняет две функции:

- характеризующую – сообщает читателю сведения, входящие в ассоциативный фон онама;
- комическую – создает комизм, возникающий из взаимодействия онама с сознанием читателя и окружающим поэтоним контекстом.

Основной принцип создания комического впечатления в данном случае сводится к такому виду комизма, как комизм несоответствия.

1. Несоответствие ожиданий читателя в отношении референта вариантов имени собственного *Кузька*, *Кузьма* и его действительного референта в СОТ.

Первая номинация персонажа в повести вызывает у читателя представление о Кузьке, как о несчастном, стеснительном существе, о котором можно предположить, что оно небольших размеров и, очевидно, не является человеком: «*Потом я услышал осторожное кваканье и*

обернулся. Кузька был, конечно, тут как тут. Он сидел на крыше заводского управления и робко поглядывал в нашу сторону. Я помахал ему и поманил его пальцем. Он, как всегда, страшно смутился и попятился. Я призывно похлопал ладонью по траве возле себя. Кузька смутился окончательно и спрятался за вытяжную трубу». Авторы специально продолжительное время не указывают референта поэтонима, т.к. это дает им возможность «поиграть» с читателем. Ассоциации, возникающие в связи с именем, и контекст наталкивают читателя на различные предположения о том, кто может скрываться за именем *Кузька*. Первое, что может прийти в голову – то, что Кузька может быть лягушкой, т.к. он квакает. Но следующее предложение сообщает нам, что он сидит на крыше заводского управления, куда скорее могли бы забраться, например, птица или кот. Такое предположение подкрепляется следующим высказыванием: «*Застенчивый Кузька все время шастал в кустах то справа, то слева от нас, напоминая о себе слабым кваканьем; мы звали его, обещая лакомства и дружбу, но он так и не решился приблизиться*». Долгое время читатель не знает, кем является Кузька и, когда внезапно происходит открытие референта, возникает комизм несоответствия.

2. Не соответствие комплекса ассоциаций, связанных с размером референта зоопозтонима *Кузька* и соответствующим ему поведением, и реального поведения Кузьки.

Формант -к- задает представление о референте, как о животном небольших размеров. Кроме того, авторы часто употребляют поэтоним *Кузька* в сочетании с прилагательными *стеснительный, застенчивый, боязливый*. Таким образом, Кузька представляется слабым, а значит маленьким, к тому же, вероятно, беззащитным и безопасным. Когда же вводится апеллатив *птеродактиль*, оказывается, что Кузька отнюдь не маленький: «*Послышался кожистый шорох и свист, огромная тень на секунду закрыла небо, и Кузька, трепеща распахнутой перепонкой, плавно опустился на демонстрационный стол*». К тому же и безобидность Кузьки оказывается сомнительной, т.к. большой размер предполагает наличие силы, а значит, и вероятность опасности. Выясняется, что Кузька способен совершать поступки не самого благоприятного вида. Так, в тексте говорится: «*Позавчера птеродактиль Кузьма, покинув территорию Колонии и, несомненно, находясь в нетрезвом виде, летал над клубом рабочей молодежи и скусывал электрические лампочки, окаймляющие транспарант с надписью "Добро пожаловать"*». Комический эффект возникает в момент, когда авторы называют референта зоопозтонима, из-за противоречивости ассоциаций и представлений о поведении небольших домашних животных и птеродактилей.

3. Несоответствие хронологической принадлежности имени собственного и его референта.

Птеродактили вымерли примерно 66 млн. лет назад, в то время как варианты *Кузьма* и *Кузька* в русском антропонимиконе появились не более одного тысячелетия назад. Образуется явное хронологическое противоречие, т.к. объект, удаленный во времени, мы называем достаточно привычным для нас именем, что порождает тем самым еще одну комическую ситуацию.

Таким образом, мы видим, что Стругацкие сумели очень ловко и тонко создать комическую ситуацию при помощи поэтонима, используя комизм несоответствия ассоциативного фона, порождаемого именем собственным, ситуации, представленной в произведении.

ЛИТЕРАТУРА

Ваганова И.Ю., Гридина Т.А. «Описываемое будущее» как модель ментального пространства в художественной фантастике (на материале повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 1. – С. 14-19.

Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974.

Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/>

Стругацкий А.Н. Понедельник начинается в субботу // Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. – М.: АСТ: Аст Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2009.

Тихонов А.Н., Ковалева Н.А. Учебный фразеологический словарь русского языка. <http://www.frazeologiya.ru/>

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. <http://vasmer.narod.ru/>

© Коровёноква А.А., 2014

Ю.В. КУЗИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.111.3(73)(Баум Л. Ф.)-087.5
ББК Ш383(7)-8,44

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ВОЛШЕБНИКА СТРАНЫ ОЗ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАКОНЦЕПТОВ ДУХ И ТРИК- СТЕР¹

Аннотация: В статье представлены результаты выделения метаконцептов Дух и Трикстер, полученные в ходе сопоставительного лингвокультурологического исследования художественных образов сказочной повести Л.Ф. Баума «Удивительный волшебник страны Оз», её перевода на русский язык С. Белова и литературной интерпретации А.М. Волкова.

Ключевые слова: архетип, метаконцепт, Дух, Трикстер, дефиниционный анализ лексем.

Наша научная работа, в рамках которой написана данная статья, посвящена сопоставительному исследованию художественных образов в сказочной повести американского писателя Л.Ф. Баума «Удивительный волшебник страны Оз», её переводе на русский язык С. Белова и литературной интерпретации А.М. Волкова. На данном этапе исследования детальному рассмотрению подвергаются художественный образ Волшебника страны Оз. Рассматривая художественные образы антропоморфных персонажей повести, мы обращаемся к учению швейцарского психолога и философа К.Г. Юнга.

Одним из ключевых понятий данного учения является архетип. К.Г. Юнг, определял архетип как «психический первообраз», «непредставимую, бессознательную, предсуществующую форму», «часть унаследованной структуры психической субстанции, способную к спонтанному проявлению» [Юнг 1991: <http://www>].

На современном этапе лингвокультурологических исследований принято использовать термины «концепт-архетип» и «архетипический концепт». В.И. Карасик называет архетипическими концептами ментальные образования особого типа, обладающие способностью внедряться в сознание участников общения, отключать критическое восприятие и активно распространяться [Карасик 2007: 167]. Ю.С. Степанов считает архетип первичным, или метаконцептом [Степанов 1998:

¹ Материалы подготовлены в рамках гранта РГНФ № 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления»

84]. А.Ю. Большакова предлагает следующее определение данного термина: метаконцепт – это инвариантное ядро человеческой ментальности, видоизменяющееся в соответствии с конкретной исторической ситуацией, в сопротивлении ей и в адаптации к ней. По мнению данного автора, наиболее сильные концепты, объединяющие множество единичных проявлений той или иной сущности, устойчивые в исторических изменениях и определяющие строй мировоззрения личности, нации, народа можно определить как «архетипы культурного бессознательного» [Большакова 2012: <http://www>]. Определение архетипов как концептов особого порядка даёт нам право использовать для их выявления в тексте художественного произведения комплекс методов, предложенных В.И. Карасиком.

С нашей точки зрения, Волшебник страны Оз сочетает в себе черты Духа и Трикстера.

Рассмотрев описание архетипа Духа, данное К.Г. Юнгом, мы выделили следующие характеристики данного архетипа:

- приоритетная форма проявления – старик, хотя возможны и другие формы;
- функция помощника (дарителя) в трудной ситуации;
- могущество в силу сверхъестественных способностей;
- высокий уровень нравственности и духовности;
- мудрость и проницательность;
- способность побуждать к совершению активных действий.

С нашей точки зрения, черты Духа совмещены в художественном образе Волшебника страны Оз с чертами Трикстера, характеристика которого предложена Д.А. Гавриловым:

1. Трикстер появляется для нарушения сложившихся устоев и традиций, он привносит элемент хаоса в существующий порядок, способствует деидеализации, превращению мира идеального в реальный.

2. Трикстер – это неподконтрольная никому фундаментальная Сила, результат действия которой непредсказуем, даже для самого Трикстера. Трикстер – это провокатор и инициатор социо-культурного действия и изменения творения, которое выглядит как порча.

3. Трикстер традиционно выступает посредником между мирами и социальными группами, способствует обмену между ними культурными ценностями и переводу информации из области непознанного в область познаваемого. Он делает неявное явным, вторгаясь в область неизведанного первым.

4. Трикстер – господин многих искусств, мастер на все руки, иногда спутник культурного героя или сам культурный герой, его проводник, или его тень, тот, кто проверяет претензии героя на Силу и

Власть. Трикстер – добытчик знаний через нарушение социального или космогонического запрета, инициатор мифологического действия.

5. Трикстер аморален, с точки зрения существующей этической системы культурного героя. Он стоит на грани мира человеческого общества и первобытного мира Дикой Природы, поэтому с точки зрения социального человека смешон, нерассудителен или бессознателен. Обладает зачастую ярко выраженными чертами соблазнителя – гиперсексуала и обжоры. Склонен к переодеванию женщиной и/или перемене пола.

6. Трикстер – оборотень, перевертыш, игрок, и для него не существует привычного понятия о жизни и смерти, потому что игра каждый раз может быть начата сначала и в любой момент прекращена. Трикстер не всегда выходит победителем из затеянной игры, и может попасть впросак, оказаться жертвой собственной хитрости, граничащей с дурацкостью.

7. Трикстер выступает, как Старый Мудрец с одной стороны и как юнец – с другой, в зависимости от того, каков находящийся рядом с ним культурный герой, чье чувство значимости Трикстер умаляет [Гаврилов 2006: 361-362].

Согласно тексту повести, Волшебник страны Оз обладает магической способностью изменять своё обличье. Перед Дороти, Страшилой, Железным Дровосеком и Трусливым Львом Волшебник является в разных образах:

«...*"I thought Oz was a great Head," said Dorothy. "And I thought Oz was a lovely Lady," said the Scarecrow. "And I thought Oz was a terrible Beast," said the Tin Woodman. "And I thought Oz was a Ball of Fire," exclaimed the Lion...*» [Baum 1900: <http://www>].

Каждый из данных образов позволяет рассматривать персонажа как репрезентацию метаконцептов Дух или Трикстер. В рамках данной статьи мы рассмотрим эпизод, в котором Волшебник является в форме огненного шара:

«...*The Lion at once passed through the door, and glancing around saw, to his surprise, that before the throne was a Ball of Fire, so fierce and glowing he could scarcely bear to gaze upon it...*» [Baum 1900: <http://www>].

Согласно теории К.Г. Юнга, архетип Духа активизируется в случае необходимости вмешательства и мобилизации духовных и интеллектуальных ресурсов. Так, в образе мудрого старика он является в сказках и призывает героя к рефлексии, результатом которой становится озарение и распутывание фатальных конфликтов. Юнг пишет, что в некоторых древних сказках свойство архетипа Духа, связанное с оза-

рением, выражено тем, что старик приравнивается к солнцу [Юнг 2004: 306]. Фактически, огненный шар можно рассматривать как солнце, подтверждение данному умозаключению служит следующая дефиниция лексемы *fireball*:

- a ball of fire, as **the sun** [Random House Dictionary: <http://www>].

Существует прочная связь между архетипом Духа и огнём. К.Г. Юнг приводит в качестве примера сказочных стариков, воплощающих данный метаконцепт. Так, в сказке североамериканских индейцев старик выступает в образе лекаря-колдуна, владеющего огнем. Другой персонаж приносит с собой тлеющую головешку, которую использует для того, чтобы испечь тыкву [Юнг 2004: 308].

Связь огня с духовным, или божественным, явно выражена в ранних религиях и философии древних. Л.Ю. Кривич отмечает, что к архетипу Духа восходят изображения пророков и святых всех духовно-философских учений. Эти образы, как правило, связаны с огнем как символом духовной мощи (например, Пророк Мохаммед и Заратустра изображаются соответственно с огненным видением и чашей огня и т. п.) [Кривич 1998: <http://www>]. Н.Д. Пискун, исследуя сорцепцию архетипа Духа в художественном и поэтическом творчестве, приходит к выводу, что огонь в различных формах является неотъемлемой деталью данного художественного образа [Пискун 2010: 105].

Нельзя не упомянуть также о библейских сюжетах, в которых божественный Дух приобретает огненную форму. Согласно результатам исследования А.Д. Охочимского, Библия содержит более четырехсот словесных упоминаний огня, подавляющее большинство которых имеет отношение к огню как проявлению божественной духовной силы [Охочимский 2011: <http://www>]. Например, пламенный меч преграждает Адаму путь в рай; из пламени неопалимой купины раздаётся голос, общающийся Моисею о предстоящей миссии; Моисей получает скрижали на горе Синай, охваченной огнем, из которого раздаётся глас Божий.

Появление Волшебника в форме огненного шара позволяет усмотреть в данном образе черты Духа. Так, лексема *fireball* может быть использована по отношению к человеку, полному необычайной энергии и силы духа:

- a vigorous, **energetic** person [CAED: <http://www>];
- a highly **energetic** person [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>];
- an **exceptionally energetic** or ambitious person [Random House Dictionary: <http://www>].

Думается, что голос, исходящий из огненного шара, в контексте приведённых выше умозаключений позволяет трактовать образ Волшебника как репрезентацию метаконцепта Дух.

«...*Then a low, quiet voice came from the Ball of Fire...*»

«...*The Ball of Fire burned fiercely for a time, and the voice said...*»
[Baum 1900: <http://www>].

С другой стороны, появление Волшебника форме огненного шара позволяет трактовать данный образ как репрезентацию метаконцепта Трикстер. Похищение огня у первоначальных хранителей, совершенное культурным героем, является одним из самых популярных мотивов этиологических мифов. При этом культурный герой неизменно обладает чертами Трикстера [Мелетинский 2000: 194]. Известный мифологический персонаж Прометей, похитивший огонь у богов-олимпийцев и передавший его людям, также выступает в качестве типичного Трикстера [Там же: 229]. Согласно греческим мифам, космос создаётся в процессе борьбы богов и титанов. Боги несут в мир порядок и гармонию, а титаны являются воплощением сил хаоса. Прометей представлен потомком титанов и врагом олимпийских богов. Похищая огонь у олимпийцев, Прометей нарушает космогонический запрет, привносит в мир элемент хаоса, что обычно является функцией Трикстера. Прометей выступает посредником между мирами богов и людей, производя обмен культурных ценностей между ними, что также свойственно Трикстеру. Таким образом, Трикстер, как и Дух, связан с огнем.

Согласно тексту повести, Трусливый Лев, увидев огненный шар вместо Волшебника, в первое мгновение подумал, что сам Волшебник охвачен огнем:

«...*His first thought was that Oz had by accident caught on fire and was burning up...*» [Baum 1900: <http://www>].

Эта деталь имеет особое значение в свете нашего исследования. Согласно дефинициям лексемы *fire*, одним из её значений является пытка (в том числе огнем), тяжёлое испытание или мучение:

- 1) death, **torture, or trial by burning**; 2) extreme **suffering or distress** that tries one's endurance; tribulation or ordeal [CAED: <http://www>];
- 1) death or **torture by fire**; 2) severe **trial or ordeal** [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>];
- 1) severe **trial or trouble**; ordeal; 2) exposure to fire **as a means of torture or ordeal** [Random House Dictionary: <http://www>].

К.Г. Юнг, описывая архетип Трикстера, упоминает, что здесь не обходится без мотива субъективного страдания. Как правило, Трикстер сам навлекает на себя страдания, зачастую бессмысленные, но именно это приводит его к очеловечиванию и приближает его к образу спасителя [Юнг 2006: 340]. Так, Прометей, Трикстер по своей сути, терпит мучения в наказание за свой поступок, и, очищаясь таким образом, становится культурным героем и благодетелем людей. Мы счита-

ем, что предположение о Волшебнике, словно охваченном огнем, близко к подобной пытке и несёт в себе идею страдания, которые Волшебник навлѣк сам на себя. Являясь обычным человеком, персонаж непреднамеренно оказывается в стране Оз, куда путь для людей закрыт, то есть нарушает этот запрет. Не имея возможности вернуться в мир людей, он вынужден идти на различные уловки, чтобы убедить жителей страны Оз в своем могуществе, а сам мучается от постоянного страха разоблачения. Подобные детали позволяют рассматривать художественный образ Волшебника страны Оз как репрезентацию метаконцепта Трикстер.

ЛИТЕРАТУРА

Большакова А.Ю. Теория архетипа и концептология, 2012. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9

Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. – М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2006.

Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007.

Кривич Л.Ю. Учение живой этики: архетипы и символы, 1998. URL: <http://svati.narod.ru/krivich.htm>

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

Охоцимский А.Д. Огонь в Библии // Огонь и свет в сакральном пространстве: Материалы международного симпозиума под. ред. А.М. Лидова. – М.: «Индрик», 2011.

Пискун Н.Д. Сорепеция архетипа мудрого старца в поэтическом и живописном творчестве (на примере стихотворения П. Реверди «Трудная жизнь» и живописного полотна К. Васильева «Старик с филином») // Архетипы и архетипическое в культуре и социальных отношениях: Материалы международной научно-практической конференции (Пенза – Ереван – Прага, 5-6 марта 2010 г.). – Пенза-Ереван-Прага: ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – С. 101-107.

Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: «Языки русской культуры», 1998.

Юнг К.Г. Архетип и символ, 1991. URL: <http://lib.co.ua/psyhol/young-02/Young-02.txt>

Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Минск: Харвест, 2004.

Baum L.F. The Wonderful Wizard of Oz [Электронный ресурс]. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/baum_l/baum_l_the_wonderful_wizard_of_oz

Collins Dictionary of American English [Online]. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/american>

Merriam Webster's Dictionary [Online]. URL: <http://www.merriam-webster.com/>

Random House Dictionary [Online]. URL: <http://dictionary.reference.com/>

© Кузина Ю.В., 2014

Ю.Н. МИХАЙЛОВА

*(Уральский институт экономики, управления и права,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1.3(Минаев С.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44

ПЛЮРАЛИЗМ РЕЧЕВОЙ МАНЕРЫ ГЕРОЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРЕАТИВНОСТИ АВТОРА

Аннотация: В статье анализируются речевые особенности героя повести С. Минаева «Духless», выявляется поликодовость персонажа, обусловленная социальными условиями и коммуникативными задачами.

Ключевые слова: многоречие, речевая культура, субъязык, иноязычная лексика.

Автор художественного текста проявляет свою креативность не только в создании самого художественного произведения, но и в создании речевой манеры персонажей. Тексты современных авторов с этой точки зрения представляются чрезвычайно интересными, так как речевая манера современного молодого человека характеризуется «многоязычием, двудиалектностью, полиглотизмом» [Ларин 1977: 189-190], т.е. способностью переключаться на различные подсистемы языка и стилевые регистры в соответствии с предложенными обстоятельствами.

В докладе мы обратились к произведению современного автора Сергея Минаева «Духless. Повесть о ненастоящем человеке». Задача исследования – проанализировать речь главного героя – Макса – в аспекте многоречия, выявить креативный потенциал писателя, фиксирующего тип речестроения и ненормативные речевые практики своего героя.

Обращение к этому персонажу не случайно. Макс – яркий представитель поколения 1970-1976 годов. Он коренной москвич, историк по образованию, считающий себя интеллигентом хотя бы потому, что он не может себе позволить, «чтобы в машине на заднем сиденье валялась книга с названием «Комбат атакует» или «Спецназ выходит на связь». И свои первые деньги он «потратил не на «бэжу» четырехлетнюю, как у пацанов, а на поездку в Париж». Он увлекается литературой «вроде Сорокина, Пелевина, Болмата, Елизарова», цитирует А. Блока. Макс – достаточно образованный человек, однако существенно изменившийся под влиянием окружающей действительности. На примере этого героя можно говорить о смене культурно-ценностной парадигмы молодого поколения, что проявляется, в частности, и в коммуникативной компе-

тентности.

Речь Макса, как и всякого образованного человека, отличается поликодностью, вместе с тем парадигма языковых подсистем и стилей, находящихся в распоряжении молодого человека, не совпадает с речью интеллигентов старшего поколения. Плюрализм речевого поведения Макса проявляется в переключении с литературного языка на нелитературные субязыки, и при этом его речь насыщена иноязычными лексемами. В процессе речевой коммуникации он легко переходит на различные подсистемы языка и стилевые регистры в соответствии с предложенными обстоятельствами, объединяет слова, абсолютно разные с культурной и идеологической точки зрения. Так, словосочетания *бывший партийный босс* и *этакий микст СССР* объединяют слова разных культурных эпох – советской и постсоветской.

Речевая культура главного героя повести может быть отнесена к литературно-жаргонизирующему типу речевой культуры. «Носители этого типа речевой культуры вполне владеют нормами литературного языка, но, утверждая в обществе свою манеру речевого поведения, не считают нужным строго им следовать. Для них характерна установка на снижение речи, для чего используются жаргонные и просторечные слова» [Сиротинина 2003: 4-5].

Речь Макса изобилует жаргонной лексикой: *тусовщик, чел, пэтэушник, обхамили, чувиха, окосеть, тупизм, кучковаться; трезвяк; нищеброд, алкаш, фальшак, обжимушки, отжигать; простебаться; кликать; стремак; стушеваться, замяться; беспонтовый; гопник; дележ; нудятина; журналюга; непонятки.*

В основном это единицы молодежного жаргона и арго, которые выступают как стратегически заданный способ «согласования коммуникативных действий» [Борисова 2001: 219].

Значительное место в речевых произведениях главного героя занимает иноязычная лексика. Среди факторов, которые способствуют столь массовому и относительно легкому проникновению иноязычных неологизмов в наш язык, определенное место занимают причины социально-психологические. Многие носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка [Современный русский язык: 2008: 171]. Макс употребляет, как правило, заимствования из английского языка: воплощение клубной культуры и *night fever style* (=стиль ночной лихорадки); *party* (=вечеринка); под потолком две площадки для *go go girls*; *swear* (=дорогой); *honey* (=дорогая). Вместе с тем встречаются вкрапления и из других языков: «Prada» уже несколько *demode* (фр. *вышедший из моды, устаревший*); *dolce vita* (итал. *сладкая жизнь*);

amigos (испан. друг); *Arbeit macht frei!* (нем. Труд делает свободным или Труд освобождает); *Vox populi* (лат. Глас народа), скажу я вам – страшная сила. Интересно, что англоязычные вкрапления обычно представляют собой простые слова или фразы, тогда как заимствования из других языков – это чаще прецедентные тексты.

В оформлении заимствованных слов и выражений, которыми пользуется в речи Макс, С. Минаев разнообразен и креативен. Писатель использует ряд способов. Во-первых, это традиционная для иноязычных вкраплений латиница: *кладбище haute couture* (фр. Высокая мода); *настоящий герой Fashion TV* (=модное телевидение).

Во-вторых, прием транслитерации: *при входе размещается ресепшин, ресепшин-деск* (=регистратура, стойка администратора); *неудачный икспирьенс* (=опыт); *это коммьюнити лузеров* (=общение неудачников); *Это невозможно замылить и извратить никакими мифическими «маркет-ресерчами»* (=исследование конъюнктуры рынка) и *«филд-репортами»* (=отчет с места работы). Возможно, передача заимствованных слов кириллицей маркирует ситуацию общения – это непринужденный разговор между людьми одного круга.

Следующий способ оформления иноязычных неологизмов, встречающихся в речи главного героя, – графикация: *lounge-зона, vip-зона*. Графические инновации, или слова-«кентавры», представляют собой языковые единицы, в которых одна часть слова русифицированная или просто русская, а другая (обычно начальная) представляет собой слово или морфему, перенесенную из другого языка в «нетронутым» виде, то есть изображаемую на письме латиницей [Современный русский язык: 2008: 173]. Интересен в этом отношении следующий пример – *krytie bandity from Taganka Area* (=крутые бандиты с Таганки), где писатель соединяет русское жаргонное выражение, транслитерируемое латиницей, с английскими словами.

Еще один образец креативной установки автора – окказиональное словообразование в речи персонажа, в котором проявляется игровое начало. Например: *и тут открывается задняя дверь нашего «газенагена»...* (название машины образовано путем сложения милицейского ГАЗа и Мерседеса гелендваген); *Мне от всех этих ЛОХнесских чудовищ делается дурно, и я ухожу в свой кабинет* (наложение жаргонизма *лох* на название легендарного Лохнесского чудовища Несси); *Микки-маусмен (вумен) объявляет выход этого Андрея* (соединение имени Микки Мауса с английскими *men, women*).

Словесно-художественная культура призвана отражать новые социальные явления, среди которых многообразие является, вероятно, нормой. Но, выводя новый социальный тип, описывая речевую манеру

главного героя, существенно отличающуюся от речевых портретов предшественников, С. Минаев рефлексировал по поводу снижения роли литературного языка, утраты интеллигентного общения, вкладывая в уста Макса такие слова: *Наступят времена, когда город безнадежно изменится, потеряет свою патриархальность, самобытность, свой особый диалект с «булошными» и «лавками» наших бабушек, сметенных селом из вновь прибывших, говорящих на тюркско-хохлацкой языковой смеси, изобилующей американизмами и блатным сленгом.*

ЛИТЕРАТУРА

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – Екатеринбург, 2001.

Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города (несколько предположений) // История русского языка и общее языкознание. – М., 1977.

Сиротинина О.Б. Типы речевых культур в профессиональной деятельности человека (роль социальной активности личности в формировании типа речевой культуры) // Язык и власть: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. М.А. Кормилицыной. – Саратов, 2003.

Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. – М., 2008.

© Михайлова Ю.Н., 2014

Д.В. ПИТОЛИН

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81.111'42(73)(Диаз Дж.)
ББК Ш33(7)-8,44+81.055.1

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ЧУЖОЙ» В РАМКАХ ДИХОТОМИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ ДЖ. ДИАЗА «DROWN»²

Аннотация. В статье рассматривается метафорическое моделирование концепта «чужой» в сборнике рассказов Дж. Диаза «Drown».

Ключевые слова: концептуальная метафора, дихотомия «свой-чужой», спанглиш, литература на спанглише.

Данная статья посвящена изучению метафорического моделирования концепта «чужой» в сборнике рассказов Дж. Диаза «Drown». Методика предлагаемого исследования основана на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теории метафорического моделирования (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, А.П. Чудинов) и теории концептов В.И. Карасика, которые обеспечивают выделение основных метафорических моделей.

Концепт «чужой» является частью метафорической диады «свой-чужой» представляющей одной из базовых бинарных оппозиций в языковой картине мира. Рассматриваемая нами концептуальная диада «свой-чужой» относится к базисным мифологемам ценностной картины мира. В архаической модели мира члены «своей» социальной группы («люди») противопоставлялись «чужим» («не людям»). С развитием общественного сознания группа «не людей», или «чужих», приобретает статус социальной. Выделяя социальный характер концептуальной диады «свое-чужое», Ю.С. Степанов отмечает, что она «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2004: 126]. Кроме того групповые социальные понятия «друг-враг» (варианты: «свои-чужие, «мы-они») предшествуют становлению категории личностной идентификации – «я» [Кон 1978: 128; Поршнев 1977: 95].

² Материалы подготовлены в рамках гранта РГНФ № 14-04-00268 "Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления"

Концептуальная диада «свой-чужой» служит универсальным принципом концептуализации реальности. Она может выступать макрокоррелятом действительности, трансформируясь в прочие биполярные категории. Она может расширяться до доменов географического пространства согласно принципу трансформаций по аналогии, выработанному в структурной антропологии: свое – дом – ферма – поле – отдаленное [Leach 1964: 36].

В целом, исследования оппозиции «свое – чужое» в русле лингвокультурологической проблематики позволяют сделать наиболее обобщенные выводы о ее универсальных или обусловленных национальной спецификой свойствах, статусе в различных культурах, связи с другими концептуальными диадами (М. Bamberg 2004, J. Fabian 1996, E. Leach 1964, Карасик, 2002, В.В. Красных 2003, С.Л. Сахно 1991, А.Н. Серебrenникова 2005, Ю.С. Степанов 2004, Т.В. Цивьян 2005 и др.).

Кроме рассмотрения теоретических основ необходимо обратиться и к истории спанглиша как явления контактной лингвистики. Регулярные контакты носителей английского и испанского языков происходят уже не один век, тем не менее, интерес к спанглишу, как к результату этих контактов возник относительно недавно. Прежде считалось, что смешение данных двух языков в речи носит несистемный и индивидуальный характер и спанглиш как целостное лингвистическое явление не рассматривался. В последней четверти XX века на волне возникшего интереса к афроамериканскому варианту английского языка внимание учёных привлёк и спанглиш. О статусе этого языкового явления высказывались различные мнения. Некоторые исследователи называют спанглиш самостоятельным языком [Stavans 2001: 5], другие, напротив, считают его проявлением неграмотности отдельных людей [Betanzos Palacios 2001: 17]. Однако наиболее адекватным представляется мнение о спанглише как об интерязыке [Franco 2007: 6].

Неопределённость статуса спанглиша как явления не помешала развитию целой культуры, отражённой в нём. Как следствие возник массив литературы, написанной на смеси языков, которая была оценена не только культурологами и лингвистами, как материал для исследований, но и литературными критиками. Особенно стоит выделить эссеиста журнала *The New Yorker* Джунота Диаза и его дебютный сборник рассказов «Drown», получивший широкое признание в литературных кругах.

Действие рассказов происходит поочерёдно то в Доминиканской Республике, то в США, что повторяет биографию автора. Одной из центральных линий сборника является попытки главного героя определить «свое» и «чужое» в мире. Это тем более сложно, что иммигрировав, до-

миниканцы перестают быть «своими» на родине и остаются «чужими» в Штатах.

Пожалуй, одним из главных дифференциальных признаков для всех персонажей рассказов является этническая принадлежность. Особенно трепетно к этому относятся жители Доминиканской Республики, которую армия США оккупировала дважды в двадцатом веке. Из этого очевидно, что местные жители не испытывают никаких положительных эмоций по отношению к американцам и стараются вербально отмежеваться от них, даже переехав в штаты. *The whites were always dumping their bad shifts on him and on his friend Chuito. Белые всегда скидывали на них с его другом Чуито тяжёлые смены.* Кроме того, чтобы подчеркнуть своё отличие от местного населения, выходцы из Латинской Америки называя их «белыми» переходят на испанский язык, который «белые» совершенно не знают. *A friend of his at work put him in touch with a portly balding blanco named el General. Его друг по работе познакомил его с тучным лысеющим белым, по имени Генерал.* Естественно не остаётся без внимания доминиканцев любимое из уничижительных и, по мнению многих исследователей, самое старое прозвище, данное ещё испанцами иноземцам, в основном с Британских островов, плохо или вообще не говорящим по-испански – «гринго». Несмотря на то, что этимология этого слова достоверно не прослежена и по сей день, оно широко распространилось и в Новом Свете. Теперь, словом «гринго», называют жителей США уже латиноамериканцы. *The towns nearby are quiet, lots of good gringos. Города рядом тихие, много хороших гринго.* Некоторые эксперты считают, что само по себе, слово «гринго» не является оскорблением, но лишь обозначает светлокожего человека, как правило, носителя английского языка, плохо говорящего по-испански. Вполне вероятно, что это соответствует действительности, однако, в рассказах Диаза контекст вполне однозначно указывает на то, что этим словом обозначают не просто чужака, а плохого чужака. *And the way she says it, so painfully gringo, makes the corners of my eyes narrow. И то, как она сказала это, совсем как гринго, заставило уголки моих глаз болезненно сжаться.* Не забывают доминиканцы и других оскорбительных номинаций жителей США. Среди прочего, используется и слово «redneck». Изначально горожане таким образом презрительно отзывались о деревенских жителях южных штатов, чья шея всегда была загорелой от работы в поле. Со временем значение этого слова несколько изменилось, и сейчас стало очень близко к другому – «white trash», дословно – «белый мусор». *As a son I feel I owe her that much, even though neither of us has a car and we have to walk two miles through redneck territory to catch the M15. Я чувствовал, что это мой сыновий долг, хотя ни у одного из нас*

не было машины, и чтобы добраться до шоссе М15, нам пришлось две мили идти через территорию **реднэков**. В рассказе герои находятся в северном штате Нью-Джерси, к тому же в местах, где скорее развита промышленность, чем сельское хозяйство. Следует отметить, что в данный момент «redneck» значит скорее необразованного белого американца из низших слоёв общества. Кроме того, герои рассказов вспоминают героя Г.Б. Стоу – дядю Тома. В романе Стоу дядя Том – это покорный и благородный негр, проданный в рабство злому плантатору. Тем не менее, так называемые, чернокожие националисты используют это имя, чтобы описать афроамериканца раболепствующего и заискивающего перед белыми. Зачастую и латиноамериканцы используют имя дяди Тома в этом значении. *It will sound like something her parents made her memorize. Your brother once heard that one and said, Man, that sounds like a whole lot of **Uncle Tomming** to me. Don't repeat this. Это прозвучит как будто её родители заставили её выучить это. Твой брат однажды услышав такое, сказал, Да уж, это звучит как будто она **выслушивается перед белыми**. Никогда этого ей не повторяй.* С другой стороны, когда дело доходит до противопоставления афроамериканцам, гордые сыны Доминиканской Республики не стесняются в выражениях. Они прибегают даже к чрезвычайно табуированному в Соединённых Штатах, так называемому «the n-word» (слову на букву «н»). *None of us wanted to be **niggers**. Not for nothing. Никто из нас не хотел быть **ниггерами**. Ни за что.* Несмотря на то, что в смысле борьбы против белого населения за свои права латиноамериканцы готовы перенимать и опыт, и терминологию, и методы своих чёрных товарищей, когда дело доходит до самоидентификации, от них отстраняются не меньше, чем от белых. Кроме этого, у доминиканцев весьма сложные отношения с их соседями – жителями Гаити. Их в Доминиканской Республике считают более глупыми, бедными и некрасивыми – достаточно типичный набор негативных стереотипов о ближайших соседях для большинства стран. Поэтому когда старший брат протагониста, пытается как можно сильнее задеть младшего и убеждает, что того усыновили, он отдельно выделяет якобы гаитянское происхождение главного героя, максимально принижая его перед друзьями. *It's **the Haitian**, he'd say to his buddies. Hey **Señor Haitian**, Mami found you on the border and only took you in because she felt sorry for you. Это же **гаитянин**, говорил он своим приятелям. Эй, **сеньор гаитянин**, мама нашла тебя на границе и подобрала тебя только потому, что пожалела тебя.* Таким образом, доминиканцы в рассказах Диаза по этническому признаку признают чужими не только белых-гринго или же чёрных жителей Америки, но и своих ближайших соседей – гаитян.

Разделение на «своих» и «чужих» происходит не только по этническому, но и по принципу достатка. При этом своими признаются бедные, богатые, же, напротив, показаны отрицательными персонажами. Описание любого человека с высоким социальным статусом, обычно на таких людей работают доминиканцы, сопровождается крепким эпитетом, чтобы ни у собеседника, ни у читателя не оставалось сомнений в отношении говорящего. *Anglo or some other bog people. Probably a **fuck-ing banker**. What's the first name?* Англичанин или кто-нибудь вроде того – с болот. Наверняка **поганый банкир**. Как его зовут?

Важное место в рассматриваемом сборнике рассказов занимают зоо-метафоры. Иногда с их помощью создаются причудливые, но весьма точные образы, демонстрирующие глупость посторонних. ...*the tourists were making apes out of themselves, and with the tígueres waiting to rob them.* ...туристы **вели себя как обезьяны**, а уличные ребята ждали момента, чтобы **огрابتь их**. Также используется «любимая» практически во всех культурах свинья. *Those pigs must have laughed their asses off. Эти свиньи, должно быть, надорвались от смеха.*

Таким образом, анализ способов метафорического моделирования концепта «Чужой» в сборнике рассказов Дж. Диаза «Drown» представленный в данной статье показывает, что в рассматриваемом сборнике большое значение имеют образы из сферы-источника «этнос», что является особенностью не только данного сборника, но и в целом литературы на спанглише, так как носителям данного интерязыка в условиях иммиграции и ухода от своих корней необходимо самоидентификация, пусть даже через отрицание всех окружающих этнических групп. В ходе этого процесса происходят некоторые изменения исходных значений слова. Также большое значение имеет сфера-источник «животные», а также «социальный статус». Основные сферы, репрезентирующие концепт «Чужой» остаются неизменными, вне зависимости от сюжета, автора и даже языка написания, что подтверждается использованием базовых метафорических моделей. Данные сферы-источники представляются нам универсальными для данной языковой общности.

ЛИТЕРАТУРА

- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
- Кон И.С.* Открытие «я». – М.: Политиздат, 1978.
- Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. – М.: Наука, 1977.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004.
- Betanzos Palacios O.* El español en Estados Unidos: problemas y logros. II Congreso Internacional de la Lengua Española. Valladolid, España, 2001. URL:

<http://www.cervantes.es/congresosdelengua.es/default.htm>

Franco J.C., Solorio T., Baby-Steps Towards Building a Spanglish Language Model – UTEP Technical Departmental, 2007.

Leach E. Anthropological Aspects of Language: Animal Categories and Verbal Abuse // *New Directions in the Study of Language* / Ed. E.H. Lenneberg. – Cambridge: MIT Press, 1964.

Stavans I. Impulsor del spanglish desafía a profesores, traductores y lingüistas. Second Seminar on the Transatlantic Dimension of the Spanish Language. – Nueva York, 2001.

© Питолин Д.В., 2014

Р.Ю.ШЕБАЛОВ

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1.3(Чехов А. П.)+81.161.1'42
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44+Ш105.51

ИГРОВАЯ СЕМАНТИКА ОНИМОВ В СЮЖЕТНОЙ ПРОЕКЦИИ РАНИХ РАССКАЗОВ А.П.ЧЕХОВА

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные закономерности обыгрывания семантики собственных имен в контексте сюжетов ранних рассказов А.П. Чехова.

Ключевые слова: имя собственное, семантика, языковая игра, А.П. Чехов.

В ряде своих рассказов 1880-1885 гг. А.П. Чехов проявляет внимание к игровой семантике онимов, задействованной в развитии сюжета. В связи с этим представляется интересным проанализировать принципы и приемы, используемые автором для репрезентации сюжетных проекций собственных имен (ИС). Рассмотрим ряд частных сюжетных положений, маркированных игровой семантикой онимов, входящих в ядро ономастического поля ранних рассказов А.П. Чехова.

Ассоциативным отражением фабульной ситуации вызова врача на дом является в рассказе «Мечь женщины» коннотативная семантика фамилии *Челобитьевы*. Ср. диалог героев, в котором контекстуально разворачивается исконная семантика мотиватора онима – устойчивого выражения *бить челом* (почтительно просить о чем-либо, извиняться): «*Что вам угодно? – спросила Надежда Петровна – «Я доктор, сударыня. Меня звали сюда какие-то... э-э-э... Челобитьевы... Вы Челобитьевы?» – «Мы Челобитьевы, но... ради бога, извините, доктор. У моего мужа флюс и лихорадка. Он послал вам письмо, но вы так долго не приезжали, что он потерял всякое терпение и побежал к зубному врачу».* <...> «*Извините, доктор, что мы вас обеспокоили и заставили даром проехать... Если бы мой муж знал, что вы приедете, то, верьте, он не побежал бы к дантисту... Извините...*» [Чехов т. 2: 330]³.

Реализацией второстепенной фабульной линии супружеской измены выступает в рассказе «Петров день» коннотативная семантика фамилии *Фортунатов*. Ср.: *Егор Егорыч, приехавши домой, был встречен Музыкантом и Тщетным, для которых заяц был только предлогом, чтобы удрать домой. Посмотрев грозно на свою жену, Егор Его-*

³ В квадратных скобках указывается номер тома Полного собрания сочинений А.П.Чехова и страница, откуда взята цитата.

рыч принялся за поиски. Были обысканы все кладовые, шкафы, сундуки, комоды, – доктора не нашел Егор Егорыч. Он нашел другого: под женой кроватью обрел он псаломщика Фортунатова [Чехов т.1: 79]. В контексте рассказа фамилия героя, восходящая к *фортун* (от латинского *fortuna* – «судьба, удача»), приобретает специфическое ассоциативное наполнение, связанное с ситуацией супружеской измены, когда «счастливый» любовник одерживает моральную победу над обманутым мужем.

В рассказе «Сельские эскулапы» одна из сюжетных линий связана с жалобами больных, пришедших на прием в земскую лечебницу, на свои недомогания. Так, в рассказе фигурирует *Марья Заплаксина: В приемную входит маленькая, в три погибели сморщенная, как бы злым роком приплюснутая, старушонка. Она крестится и почтительно кланяется эскулапствующему* [Чехов т. 1: 198]. Фамилия с прозрачной внутренней формой (ср. *заплакать* – «начать плакать», т.е. «проливать слезы (от горя, боли и т.п.)»); ср. также: *плакаться* – «высказывать жалобы, сетования, сожаления по поводу чего-либо») иронически подчеркивает здесь стереотипные черты поведения больного (стремление разжалобить врача рассказом о своих недугах, попросить о как можно лучшем уходе и т.п.).

Лексический мотиватор игрового ИС может включаться автором в ближайший контекст, «наталкивая» читателя на установление мотивационной связи в нужном направлении и за счет этого актуализируя необходимые для понимания сюжета рассказа ассоциации [см.: гридина 2011, 2012]. В этом случае текст выступает как «экспериментальное пространство, обнаруживающее писательские эвристики (особое чутье слова) и преднамеренное «обновление» формы и содержания вербальных знаков, создающее эстетически значимый эффект их интерпретации (собственно авторское миромоделирование)» [Гридина 2012: 272]. Пример такой контекстуальной мотивации мы находим в рассказе «Последняя могиканша»: *Я и помещик отставной штаб-ротмистр Докукин, у которого я гостил весною, сидели в одно прекрасное весеннее утро в бабушкиных креслах и лениво глядели в окно. Скука была ужасная* [Чехов т. 3: 417]. Внутренняя форма фамилии, мотивированной апеллятивом *докука* в значении «надоедливая просьба, а также надоедливое, скучное дело», контекстуально соотнесена с лексическим значением слова *скука* («отсутствие веселья, занимательности»), что в совокупности направляет читательское внимание на характеристику ситуации безделья, описанную в экспозиции рассказа. Дальнейшее развитие сюжета контрастирует с его началом: проезд властной и са-

молюбивой сестры Докукина и ее безвольного мужа на время вносит беспорядок в неторопливую жизнь героев.

Сходный прием актуализации игровых коннотаций ИС с использованием контекстуально представленного мотиватора мы находим в рассказе «Смерть чиновника», где фамилия генерала *Брызгалова*, образованная на основе контаминации глаголов *брызгать* и *брюзжать* (ср.: *брызгать* – «разбрасывать, с силой извергать капли жидкости»; *брюзжать* – «надоедливо ворчать, выражать недовольство чем-либо») коррелирует с одним из них в контексте. Ср.: *В старичке Червяков узнал статского генерала Брызгалова, служащего по ведомству путей сообщения. «Я его обрызгал! – подумал Червяков. – Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо»* [Чехов т. 2: 164].

В рассказе «Из огня да в полымя» ситуация разговора ответчика с адвокатом ономастически маркирована коннотациями, которые провоцируются прозрачной внутренней формой фамилии последнего. Ср.: *У регента соборной церкви Градусова сидел адвокат Калякин и, вертя в руках повестку от мирового на имя Градусова говорил...* [Чехов т. 3: 56]. Здесь просторечное *калякать* в значении «разговаривать, болтать» становится комической характеристикой основного вида адвокатской деятельности, а именно беседы с участниками судебного процесса, которая ведется по всем правилам риторики (с использованием системы аргументации, этикетных формул речи, воздействием на эмоции оппонента и т.п.), а в ряде случаев может приобретать характер демагогии. Ср.: *Что ни говорите, Досифей Петрович, а вы виноваты-с. Я уважаю вас, ценю ваше расположение, но при всем том с прискорбием должен вам заметить, что вы были неправы. Да-с, неправы* [Чехов т. 3: 56].

В целом ряде рассказов А.П. Чехова характеристика частной сюжетной линии может задаваться игровыми онимами прецедентного характера. Так, в рассказе «Канитель» фабульная ситуация путаницы во время заполнения заздравного и поминального списков в церкви комически опосредована прецедентной семантикой фамилии *Отлукавин*, восходящей к фразеологизму *от лукавого*, употребляемого в значении «лишнее, ненужное, могущее принести вред» [Молотков 1987: 233] и имеющего библейское происхождение – запрет Иисуса клясться небом, землею и т. д. («Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх того, то от лукавого», т.е. от дьявола [Ашукин, Ашукина 1960: 445]). Ср.: *На клиросе стоит дьячок Отлукавин и держит между вытянутыми жирными пальцами огрызенное гусиное перо. <...> Перед ним на рыжем переплете Цветной триоди лежат две бумажки. На*

одной из них написано «о здравии», на другой – «за упокой», и под обоими заглавиями по ряду имен... [Чехов т. 3: 232]).

Прецедентная семантика ИС провоцирует трактовку неразберихи вокруг имен героев, которые оказались ошибочно записанными не в тот список, влиянием «лукавого» (ср. традиционное *бес попутал* – о том, кто «поддался соблазну сделать что-либо, обычно предосудительное» [Молотков 1987: 521]). Ср. следующий диалог героев: *«Таперя за упокой Марка, Левонтия, Арину... ну, и Кузьму с Анной... болящую Федосью...»* – *«Болящую-то Федосью за упокой? Тю!»* – *«Это меня-то за упокой? Ошалел, что ли?»* – *«Тьфу! Ты, кочерыжка, меня запутала! Не померла еще, так и говори, что не померла, а нечего в за упокой лезть! Путаешь тут!»* [Чехов т. 3: 233].

Таким образом, комическое начало данной фабульной ситуации определяется парадоксальным «проявлением» дьявольского начала в повседневной деятельности служителя православной церкви.

Прецедентная семантика игрового ИС *Авелев* определяет направление интерпретации одной из фабульных ситуаций рассказа «Затмение луны». Ср.: *Сборищ не было, так как все обыватели спали за исключением одного только писца земской управы Ивана Авелева, который сидел на заборе и, глядя в кулак на потемнение, двухсмысленно улыбался и говорил: «По мне хоть бы и вовсе луны не было. Наплевать!»* [Чехов т. 3: 74]. В данном случае, мотивация фамилии персонажа именем *Авеля*, сына Адама и Евы, комически соотносит факт «неблагонадежного» поведения жителя провинциального города с библейским мифом о первом убийстве в истории человечества, трактуемом как преступление божественного закона. Комизм усилен здесь образованием игровой фамилии героя, привлечшего к себе подозрения начальства, от имени мифологического персонажа, который в Священном Писании оценивается положительно: Авель, согласно легенде, был убит своим братом Каином, предавшим его. Так А.П. Чехов переворачивает традиционную логику библейского сюжета, демонстрируя читателю ограниченность любых оценок и стереотипов, связанных с человеческими отношениями.

В ряде случаев для А.П. Чехова важно представить ту или иную характеристику целой сюжетной ситуации с помощью актуализации ассоциативного фона игрового онима. Это, в частности, выражается в том, что прозрачная внутренняя форма ИС ассоциативно «отсылает» читателя к конкретному текстовому событию, имеющему самостоятельное значение в сюжете рассказа или являющееся реализацией одной из фабульных линий.

Так, в рассказе «Цветы запоздалые» описана судьба разоряющегося дворянского рода князей *Приклонских*. Семантика производящей основы фамилии (ср.: *клониться* – «пригибаться книзу, опускаться») наполняется текстовыми коннотациями, вызывает ассоциации, связанные с угасанием домашнего очага, потерей Приклонскими былого уважения, их финансовым неблагополучием, доходившим до нищеты. Ср. характеристику одного из представителей династии, князя Егора Приклонского: *Он был глуп, но не настолько, чтобы не сознавать, что дом Приклонских действительно погибает и отчасти по его милости...* [Чехов т. 1: 394].

Развернутая метафора угасания представлена в тексте и в другом своем воплощении – как смерть княгини Приклонской после продажи родового дома, а также болезнь и медленное умирание ее дочери Марии. Таким образом, прозрачная семантика ИС прямо коррелирует с развитием сюжетного действия рассказа, подчеркивая те символические смыслы, которые были заложены А.П. Чеховым в потенциальный контекст восприятия онима.

В рассказе «Свадьба с генералом» сюжетная ситуация женитьбы находит свое косвенное обоснование через ассоциации, порождаемые прозрачной внутренней формой фамилии жениха и его матери. Ср.: *Свадебный ужин уже начался, когда взятый из трактира напрокат лакей снимал с адмирала пальто с капюшоном, и мать жениха, г-жа Любимская, встречая его в передней, щурила на него глаза* [Чехов т. 3: 108]; *За столом, на самом видном месте, сидел жених Любимский во фраке и белых перчатках. По его вспотевшему лицу плавала улыбка. Очевидно, его услаждали не столько предлежащие яства, сколько предвкушение предстоящих брачных наслаждений* [Чехов т. 3: 109]. В составе онама лексическое значение мотиватора *любимый* («дорогой для сердца, такой, к которому обращена любовь») комически буквализирует социокультурно маркированный свадебный ритуал. Игровые коннотации онима определяются также структурной оформленностью фамилии. Входящий в ее состав суффикс *-ский* придает фамилии аристократический «статус», что воспринимается иронически в общем контексте изображения мещанского мировоззрения и образа жизни, характерных для персонажей данного рассказа. Таким образом, спровоцированная внутренней формой ИС, ассоциативно-коннотативная семантика онима «охватывает» сюжетную ситуацию рассказа.

В рассказе «Смерть чиновника» сюжетно значимыми становятся коннотации унижения и ничтожности, содержащиеся в ассоциативном фоне фамилии *Червяков* (ср.: *червяк* – «(презр.) о жалком, ничтожном человеке»). Незначительное происшествие, случившееся с героем в

публичном месте (чихание в театре), провоцирует цепь совершенно излишних извинений с его стороны перед генералом Бризжаловым, что доводит ситуацию до абсурдного гротеска, демонстрирующего духовное «рабство» Червякова. Последовательное саморазрушение личности персонажа ассоциативно осмысливается в рассказе как добровольное унижение, заканчивающееся физической смертью героя.

ИС ранних рассказов А.П. Чехова зачастую наделены не только сюжетной «детерминацией», но и сами способны участвовать в процессах текстопорождения.

ЛИТЕРАТУРА

Аиукин Н.С. Аиукина М.Г. Крылатые слова. – М., 1960.

Гридина Т.А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива-2 : Коллективная моногр. / Под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012.

Гридина Т.А. Оценочный потенциал языковой игры в художественном тексте (на материале ранних рассказов Т. Толстой) // Филологический класс. 2011. № 25. – С. 37-40.

Гридина Т.А. Художественный текст как поле языковой игры // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2012. № 5. – С. 101-110.

Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров / Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М., 1987.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений: В 18 т. – М., 1983.

© Шебалов Р.Ю., 2014

РЕЧЕТВОРЧЕСТВО В СФЕРЕ МАСС-МЕДИА

Е.Ю. ВИДАНОВ

(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)

УДК 81'38
ББК Ш105.551.5

СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КЛЮЧЕВОГО СЛОВА ЭПОХИ, ИЛИ СТРАСТИ ПО ОЛИМПИАДЕ

Аннотация: В статье рассматриваются речевые неологизмы, получившие активное распространение в языке СМИ и интернет-дискурсе в связи с проведением в Сочи зимней Олимпиады. Слово *олимпиада*, получившее статус ключевого слова эпохи, стало основой для реализации лингвокреативных возможностей говорящих.

Ключевые слова: ключевое слово эпохи, семантический потенциал, деривация, оценка, олимпиада.

В современных лингвистических исследованиях тезис о взаимовлиянии языка и культуры получил статус аксиомы и служит исходной точкой для анализа различных проявлений речевых способностей человека. Под пристальное внимание попадают языковые явления, связанные как со сменой культурных фаз, так и с выражением отношения говорящего к актуальным событиям. Смена социополитических и – шире – культурологических парадигм сопровождается изменением набора ключевых слов эпохи, под которыми мы понимаем особые лексические маркеры, отражающие актуальное состояние концептосферы языка и обладающие весомым прагматическим содержанием.

Для русского языка периода с середины 2007 – начала 2014 гг. ключевой лексемой, вобравшей в себя пёструю систему оценок, стало слово *олимпиада*. Когда 7 июля 2007 года на сессии Международного олимпийского комитета столицей зимней Олимпиады-2014 был объявлен Сочи, Россия и россияне стали жить в новом социокультурном пространстве, всецело подчиненном интересам этого мероприятия. Семантический потенциал слова *олимпиада* и его деривата *олимпийский* оказался настолько мощным, что привёл к расширению их сочетаемости. Представим далеко не полный перечень единиц, извлеченных из текстов СМИ, Интернета:

олимпийский: чемпион, лёд, дебют, комитет, зачёт, призёр, стадион, флаг, вопрос, набор, сезон, парк, огонь, состав, отстрел, биат-

лон, гимн, факел, эфир, старт;

олимпийская: чемпионка, медаль, экипировка, сборная, расцветка, делегация, деревня, арена, награда, победа, трасса, команда, традиция, клятва, чаша, трансляция, стройка;

олимпийское: знамя, золото, серебро, сражение;

олимпийские: кольца, объекты, медали, надежды, соревнования, награды, жертвы, планы.

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что в дополнение к традиционным словосочетаниям, называющим реалии, связанными с Олимпийскими играми вообще (*олимпийский чемпион, олимпийский огонь, олимпийские медали*) добавился целый пласт выражений, отображающих восприятие носителями русского языка этого события. Российские СМИ, а вместе с ними и все россияне пристально следили за *олимпийской тройкой*, т.е. возведением *олимпийских объектов*, включающих в себя *олимпийские стадионы, трассы, арены, объекты инфраструктуры*, в то же время не забывали наблюдать за подготовкой наших *олимпийских надежд* – спортсменов-олимпийцев, которые будут защищать (и защитили с достоинством!) честь страны в *олимпийском Сочи*.

Даже поверхностный обзор материала показывает в целом положительную оценку, которую говорящие приписывают указанным номинациям. Данный факт можно расценивать как результат отношения граждан России к Олимпиаде как спортивному мероприятию. У старшего поколения до сих пор сильны впечатления от Олимпиады-80 (кстати, с её проведением связывают появление в русском языке разговорного *олимпика* в значении '*спортивная трикотажная куртка на молнии*'), более молодые рассчитывают на то, что Россия вернёт былой статус великой спортивной державы.

Вместе с тем с уверенностью можно сказать, что восприятие определенного факта внеязыковой действительности (коим является сочинская Олимпиада) вызывает также и диаметрально противоположные реакции, что в принципе свойственно русскому языковому сознанию с его амбивалентными характеристиками. В этом плане нам чрезвычайно интересными показались речевые неологизмы, которые стали результатом проявления лингвокреативных способностей говорящих в отражении субъективного восприятия происходящих событий. Их метаязыковая рефлексия реализовалась целой серией новообразований, реализующих не только семантический, но и деривационный потенциал лексемы *олимпиада*.

Наибольшее развитие получил класс лексем, номинирующих всё то, что происходит вокруг Олимпийских игр. Это неудивительно, по-

скольку говорящий здесь выступает в роли стороннего наблюдателя, расставляя определенные тематические акценты. В качестве «строительного материала» таких образований используется корень *олимп-*, а также суффикс *-иад-*, получивший «второе рождение», по нашему мнению, «высвободившись» из структуры исходного слова. Кроме того, широко привлекаются и другие корни, преимущественно связанные с аналогичными ключевыми словами эпохи.

События в Сочи-2014, во-первых, именуется посредством отсылки к именам политических деятелей, которые причастны к этому мероприятию. Нетрудно убедиться, что ключевой фигурой здесь выступает В.В. Путин, который, кстати сказать, именуется как *Олимппутиным*, так и фамильярно *Олимппутом*:

путиниада: *Думающий человек рано или поздно задаст закономерный вопрос: что это надвигается? Олимпиада это или всё-таки Пу-туниада?* (Псковская губерния. – 2013. – № 42); *Не Путиниада в Сочи, но все же: на Евро-2012 только официально «распилили» треть миллиарда* (Обком. – 5 марта 2014); *Ведь только километр одноразовой (на время путиниады) авто/жд-дороги «Адлер-Красная поляна» стоит 200 млн долларов* (из блога); *«Авторитеты» Ленинграда / Решили, что в России надо / Провести Пу-туниаду // Так чувак из Ленинграда / Стал отцом Олимпиады. (Из истории Олимпийских игр. – Портал «Стихи.ру»);*

пулимниада: *Дорого обходится всем нам Пулимниада...* (из блога); *И вообще эта пулимниада – бездарное, воровское подобие гитлеровскому «торжеству воли» 1936 г.* (из блога); *Пулимниада* (заголовок) (из блога);

В роли ключевой фигуры в одной номинации выступает также и Д.А. Медведев:

олимеда: *удачи на олимеде, представляю как ты переживаешь... по моему, мамы всегда волнуются больше, чем дети* (спортивный форум).

Достаточно активен и дериват *сочиниада*:

...тратить ну не в какую не хочет ... на носу Новый год – потом Сочиниада, а по финансам ж. полная((, потреб расходы на минимуме! (ВКонтакте); *Олимпиаду как бутылку пива / Вот-вот откроют с пеной до небес / Лоб в лоб сойдутся там миролюбиво / Кто с верою в победу, кто и без* (Леонид Сорока. *Сочиниада*); *...а мы в угоду Играм снесли полрегиона / Спасаем где-то тигра / Но здесь не слышим стоны* (Валерий Артёмов. *Сочиниада*).

Отметим также, что даже после проведения зимних Олимпийских игр в Сочи дериват *путиниада* не утратил своей активности: он весьма

продуктивно функционирует в интернет-дискурсе в рамках сочетания *украинская путиниада*, при этом нередко подключаются и приёмы графодеривации, например, *путиниАДа*. Смещение фокуса внимания непосредственно с события на отношение к нему говорящего приводит к тому, что контекст порой становится излишним, поскольку прагматическое содержание таких единиц, усиленное экспрессивной функцией языка, заставляет слушающего считать вполне конкретные смыслы.

Во-вторых, расходы, связанные с проведением зимней Олимпиады в Сочи, также не остались без внимания креативных языковых личностей. Большое распространение получили следующие новообразования: *распилиада*, *корруппиада*, *откатиада* как номинации мероприятия, а также лексемы *олимпиард*, *распилиард* как названия денежных единиц.

В деривате *распилиада* органически соединились жаргонно-просторечное слово *распил* в значении 'нецелевое расходование денежных средств, связанное с криминальными схемами увода денег из государственного бюджета' и *олимпиада* как лингвокультурный знак. В этом смысле *распил* выступает как синоним к *откату* в том же значении и, надо сказать, являлся, по одной из версий, номинантом на неофициальную премию «Слово года»: *Олимпиада-распилиада. Кругом пилят, пилят, пилят... Кто там прав, кто виноват, знают только они* (из блога); *Стоя в центре города, на площади Пять Углов, он держал плакат с текстом «Распилиада в Сочи – нищета миллионов»* (7x7. Мурманская область. – 7 февраля 2014).

Попутно заметим, что контексты, содержащие речевой неологизм *откатиада*, также представлены в текстах СМИ и интернет-источниках, однако они не столь частотны по сравнению с *распилиадой*:

... Тут распилиада и откатиада идёт во всей красе, а Вы о каких-то правах (из блога); *Откатиада эта уже в печенках сидит, ворье достало, воры оргкомитета, дай бог, чтобы еще ничего не развалилось посреди Игр* (из блога).

Дериват *корруппиада* может быть описан как контаминация узальных *коррупция* и *олимпиада*:

... Недаром в социальных сетях это мероприятие уже окрестили «корруппиадой» – из-за неслыханных масштабов воровства (из блога); *Олимпиада? Корруппиада! Западные СМИ оценивают первые дни Олимпиады в Сочи: это, прежде всего, Игры Владимира Путина, а не триумф мирового спорта* (Радио Азатгьк. 11 февраля 2014).

Полемика для реализации лингвокреативных способностей говорящих

стали номинации денежных псевдоединиц, потраченных на проведение зимних Олимпийских игр. В качестве графического окказионального мотиватора выступают олимпийские кольца как «нули» в разрядах гигантской суммы: *1 олимпиард рублей* [на рисунке изображена единица с тремя пятёрками олимпийских колец]. Несмотря на то что в миллиарде, который здесь легко «просвечивается», 9 нулей, говорящий без труда использует графический облик олимпийского флага, хотя, возможно, им во внимание берутся только те кольца, которые расположены в верхнем ряду (3 ряда по 3 кольца).

Лексема *распилиард* в некоторых случаях имеет конкретное числовое выражение: *Роскосмосу так понравилась Олимпиада и присоединение Крыма, что они просят дать им распилиард (1 трлн) рублей на покорение Луны* (Вконтакте); *Распилиард на ветер. Очередная работа Тимы Ради: миллиард «рублей» разлетается с олимпийских колец* (из блога). На некоторых форумах в Интернете проходят целые дискуссии – чему равен *распилиард*? В качестве ответов информантов фигурируют и более эпатажные окказиональные единицы.

По сравнению с богатым номинативным полем класс глагольных единиц существенно беден и ограничивается лишь лексемой *олимпиадить*, употребляющейся, по крайней мере, в двух значениях: ‘*организовывать Олимпийские игры*’ и ‘*принимать участие в соревнованиях на Олимпийских играх*’: ... *были бы деньги и желанье... разговор не о том что олимпиадить плохо – есть лишние деньги – не вопрос* (из блога); *вот закончил олимпиадить ... архитектуру Красной поляны* (Вконтакте); *Хорошо там! А сестра за Россию олимпиадит? А какой вид спорта?* (спортивный форум); *Я понимаю каприз природы и т.д., но они собираются там олимпиадить???????* *Трассы только три работали, и то к концу дня две остались* (из блога).

Особую популярность в интернет-дискурсе, а также в некоторых СМИ развлекательного характера получила такая разновидность языковой игры, как антропонимическая деривация – образование имён собственных в свете актуальных событий, происходящих в стране. Необходимо упомянуть, что такой вид словесного творчества был популярен в 20-30 годы XX века, когда рождались многочисленные *Сталины, Видлены, Вилоры, Марилены, Ревмиры* и т.п. В качестве новых имён предлагаются *Пулимиада, Олимпут, Олимеда, Олимпутина*. В некоторых случаях иронически подчеркивается патриотичность такого шага: *Интересно а «патриотичные» родители из наших будут называть своих детей на примере Владлена чем-то типа Пулимиада или Олимпутина?* (из форума).

Отметим также, что наряду с подобными дериватами в медиа-

дискуссе и Интернете чрезвычайное распространение получило псевдоантропонимическое сочетание *Олимпиада Владимировна*. Если имя собственное *Олимпиада* присутствует в русской культуре давно (оно внесено в святцы, хотя и достаточно редкое), имеет различные разговорные, демиинутивные варианты (*Олимпиадка, Липа, Липочка, Лея, Пля, Ада*), то его сочетание с отчеством *Владимировна* в контексте происходящих событий имеет игровую природу, благодаря которой не только олицетворяется неодушевленный объект, но и указывается прямая связь зимней Олимпиады в Сочи с политикой В.В. Путина. Таким образом, ***Олимпиада Владимировна (Путина)*** – это непосредственно XXII зимние Олимпийские игры: *Саму олимпиаду они называют уважительно, правда, с иронией: Олимпиада Владимировна* (Радио Свобода. – 06 декабря 2013); *Еврейская Олимпиада Владимировна* (заголовок блога).

Персонификация *олимпиады* достигает такого уровня, что она выступает, с одной стороны, дочерью президента Путина:

Олимпиада Владимировна – *третья дочь Путина* (LitCetera); *Вот радость, так сладость, начну уж рублишки собирать на дорогу на билет в Сочи, хоть за ручку дочку Путина поддержать сподоблюсь, тогда уж и в рай можно без страха собираться* (там же).

С другой стороны, *Олимпиада Владимировна* – персона нон-грата как для сочинцев, так и для всех россиян:

Олимпиада Владимировна, уходи! (Сочинский общественно-политический журнал. – 03 октября 2013); ***Олимпиада Владимировна*** *идёт не только по головам, но и топчет судьбы людей... гадит (простите) в души людей! Надо бежать, хватать вещи и бежать. Ездил недавно в Гагру, зашла на набережную. Там всё как у нас до застройки. Тихо, красиво, чисто. Спасибо Олимпиаде Владимировне, мы ей все тут очень рады* (там же); ***Олимпиада Владимировна Путина, сгори в огне 2014 года!*** (из блога); *А вы говорите о каком-то «бойкоте». Тёмный народ у нас. Ну, никак не уразумеет, что единственное, чего нам в России всю жизнь не хватало до полного счастья, это есть долгожданная Олимпиада Владимировна! Дорогая наша! Зимняя. Жаркая. Твоя!* (блог Сочи).

В последнем примере персонификация олимпиады достигается также игровой трансформацией официального слогана зимних Олимпийских игр Сочи-2014: *Жаркие. Зимние. Твои*.

Кстати сказать, неприязнь к Олимпийским играм в Сочи, дисконформ от их проведения, схожий с болезнью, может выражаться также лексемами *олимпиадофобия, олимпиадофрения* и даже *олимпедофилия*:

Олимпиадофобия или *олимпиадофрения* у либералов – разбираться психиатрам (из блога); Хотя, сдается мне *олимпедофилия* менее пагубна, нежели *олимпиадофобия*. Не знаю, какой диагноз выбрать... (Вконтакте).

Семантический потенциал слова *олимпиада* настолько велик, что благодаря ему создаётся некая двуплановость восприятия: первый слой может быть считан и неискушенным слушателем, в то время как второй (содержащий оценочные модулы) требует от него определенных интеллектуальных усилий и побуждает к совместному с говорящим творческому процессу по декодированию прагматического содержания высказывания.

Подводя итог, выскажем мысль о том, что статус определенной лексемы как ключевого слова эпохи, обладающего богатым семантическим содержанием, которое вовлечено в систему социальных и языковых оценок, позволяет проследить функциональные возможности системы языка, представленные результатами лингвокреативной деятельности говорящего. Будучи семантически нерегулярными дериватами, подобные образования тесно связаны с текущей ситуацией, следовательно, для их адекватного восприятия необходимо в достаточной степени владеть культурным фоном, сопровождающим тот или иной временной отрезок.

Функционирование лексемы *олимпиада* и её производных доказывает, что любое значимое для жизни социума событие отражается в речи носителей данного языка. В этом отношении исследователям русского языка повезло дважды: после Олимпиады в Сочи нас через 4 года ожидает Чемпионат мира по футболу в Москве. Поскольку это мероприятие именуется также словом *mundialь*, то осмелимся предположить, что в ближайшие годы нас ожидает появление большого количества достаточно оригинальных речевых инноваций.

© Виданов Е.Ю., 2014

Н.Н. КОШКАРОВА

(Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Россия)

УДК 81'38
ББК Ш105.515

ЗАРУБЕЖНЫЕ СМИ О ЦЕРЕМОНИИ ОТКРЫТИЯ ОЛИМПИАДЫ В СОЧИ: ВЕКТОР РЕЧЕТВОРЧЕСТВА И ПОЛИТИКИ

Аннотация: Статья посвящена анализу способов речевого воздействия в зарубежных средствах массовой информации при освещении церемонии открытия Олимпиады в Сочи. Автор приходит к выводу, что речетворчество в массовой коммуникации находится в тесной связи с геополитической обстановкой в мире.

Ключевые слова: Олимпиада, речетворчество, геополитическая обстановка

Не будет преувеличением сказать, что самым резонансным событием начала 2014 года стали Олимпийские игры, проходившие в Сочи с 7 по 23 февраля. Мероприятие подобного рода ещё до начала его проведения вызвало неоднозначную реакцию не только в российском обществе, но и во всём мире. В частности, многие зарубежные СМИ через неделю после открытия давали крайне негативную оценку Олимпийским играм. Американское издание *World Politics Review* 14 февраля 2014 г. на своём сайте разместило статью «*The realist prism: Putin's Sochi Games global event without Obama, West*» – «Взгляд через призму реальности: путинские игры глобального масштаба в Сочи без Обамы и Запада», которая начинается утверждением о том, что «*the general consensus in the Western media is that the Sochi Olympics have been a diplomatic failure for Russian President Vladimir Putin*» – «в западной прессе сейчас преобладает мнение, будто Олимпийские игры в Сочи обернулись дипломатическим провалом Путина».

15 февраля французское издание *Atlantico* опубликовало материал, в заголовке которого содержится вопрос по поводу того, насколько оправданы критические статьи об Олимпиаде в Сочи: *Préjugés ou lucidité? Ce qui se cache vraiment derrière les descriptions occidentales apocalyptico-ironiques de la Russie de Sotchi* – Предубеждение или трезвый взгляд? Что в действительности кроется за западными иронично-апокалиптическими описаниями олимпийской России. Статья посвящена западным предрассудкам в отношении России и критике международными СМИ сочинской Олимпиады. Однако действитель-

ность преподнесла недоброжелателям и злопыхателям немало поводов для разочарований, и западный мир вынужден был признать, что россияне сделали всё вовремя и на высоком уровне.

В частности такой высокой оценки со стороны западных СМИ была удостоена церемония открытия Олимпийских игр. Тексты статей, посвящённые именно этому событию, являются материалом для анализа в рамках настоящего исследования. Предметом анализа в данном случае является совокупность языковых и речевых средств для достижения наибольшего перлокутивного эффекта.

Так, в статье, опубликованной в газете *Los Angeles Times*, говорится о том, что «трёхчасовая церемония открытия Олимпиады на стадионе «Фишт» подчеркнула красоту русской культуры и силу духа россиян» – *the three-hour opening ceremony at Fisht Olympic Stadium highlighted the beauty of the Russian culture and strength of the Russian spirit*. Важным в данной оценке является то, что автор обращается к таким аксиологическим линиям русской культуры, как свобода творчества и духа, взаимосвязь поколений, творчество.

Другой характерной особенностью анализируемого текста является использование фамилии Президента России в качестве предикативного прилагательного – характеристика, на которую указывает Т.И. Стексова [2012: 114], которая отмечает, что фамилия Путина является «активной производящей основой в русском языке». Как показывает анализ материала, такая особенность присуща и английскому языку, однако, в отличие от русского языка мы не можем утверждать, является ли автор такого словотворчества сторонником или противником действующей власти: *On a chilly night along the shores of the Black Sea, Russia welcomed the world to the Sochi Olympics on Friday with a giant embrace that was equal parts elegant, awkward and Putin*. – *Прохладным вечером на берегу Чёрного моря Россия приветствовала участников Олимпиады с гигантским размахом, утончённо изысканным, неуклюжим и путинским*.

Не вызывает сомнения тот факт, что материалы, посвящённые церемонии открытия, не могут быть лишены ярких метафорических образов для описания происходящих событий. Так, в статье, опубликованной в газете *The Washington Post*, автор сравнил увиденное с «поэзией в движении», отводя при этом лондонской Олимпиаде более скромную роль – поп-музыки как разновидности современного массового, а не элитарного искусства: *If London was pop, Sochi would be poetry – in motion*. – *Если Лондон представлял собой поп-музыку, то Сочи стал поэзией в движении*.

Не лишены анализируемые материалы и иронии как деструктивной

разновидности юмора, а средством реализации иронического прагматического потенциала в контексте современной политической коммуникации становятся прецедентные феномены. По справедливому замечанию Е.А. Нахимовой [2011: 248], «обращение к прецедентным феноменам – характерная черта отечественной политической коммуникации». Однако современная геополитическая ситуация складывается таким образом, что некоторые отечественные реалии становятся основой для формирования прецедентных имён, известных по всему миру. Так, название скандально известной группы Pussy Riot стало синонимом нарушения спокойствия, общественных беспорядков и протестных акций: *Even with all its fleeting beauty and precise staging, the Sochi Opening Ceremonies remind us of another problem that so often vexes the Olympic spirit: boredom. This looks like a job for Pussy Riot. – Даже при всей мимолётной красоте и отличной постановке церемония открытия в Сочи напомнила нам ещё об одной проблеме, которая нарушает Олимпийский дух – скука. Но это уже работа для Pussy Riot.*

Американское издание *The New York Times* резюмирует описание прекрасно организованной церемонии следующим образом: *В большой путь, Россия вернулась. – In a big way, Russia is back.* При этом автор статьи представляет Россию как преобразившееся государство, используя номинации с префиксом *re-* со значением «переустройство, преобразование»: *Olympics Opening Ceremony offers fanfare for a **re-invented** Russia. <...> If the **re-narration** of history in the opening ceremony occasionally involved some breezing past inconvenient episodes – the Stalinist purges that killed millions, for instance, and the gulags that imprisoned and killed millions more – the ceremony was, in many respects, the introduction to the world of a **re-created** Russia, one far different from the Union of Soviet Socialist Republics that hosted the Summer Games in Moscow in 1980. – Церемония открытия Олимпиады прошла под фанфары в преобразившейся России. <...> Если пересказ истории во время церемонии открытия касался некоторых неприятных моментов прошлого – сталинские репрессии, ГУЛАГ, которые унесли жизни миллионов, то во многих других моментах мы стали свидетелями возродившейся России, отличной от Союза Советских Социалистических Республик, где проходила Олимпиада-80.*

Таким образом, церемония открытия Олимпиады, как и подготовка к этому грандиозному событию, его проведение и закрытие, стало не только и не столько спортивным мероприятием, сколько геополитическим явлением, что не могло не отразиться на репертуаре средств речевого воздействия на целевую аудиторию. В этом случае важным является обращение к оригинальным статьям зарубежных публикаций

для более чёткого осознания Россией своего образа на мировой арене. К возможным перспективам исследования мы относим анализ материалов, посвящённых церемонии закрытия Олимпиады в Сочи, сам сценарий которого был полон интертекстуальных связей и (само) иронии организаторов шоу и вызвавшего не меньший восторг и (или) удивление зарубежных средств массовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. – Екатеринбург, 2011.

Стексова Т.И. Лингвокреативная деятельность в сфере политической коммуникации // Уральский филологический вестник. – Екатеринбург, 2012. – С. 113-120.

ИСТОЧНИКИ

Herszenhorn David M. Olympics Opening Ceremony offers fanfare for a reinvented Russia URL: http://www.nytimes.com/2014/02/08/sports/olympics/russia-opens-sochi-games-with-pageantry-and-pride.html?_r=0

Gvosdev Nikolas. The realist prism: Putin's Sochi Games global event without Obama, West URL: <http://www.worldpoliticsreview.com/search?query=sochi>

Lally Katty and Englund Will. Olympics open in Sochi with extravagant pageant URL: http://www.washingtonpost.com/world/olympics/olympics-open-in-sochi-with-extravagant-pageant/2014/02/07/bba8a5e2-9011-11e3-b227-12a45d109e03_story

Plaschke Bill. Sochi 2014: Opening ceremony lights a fire for Winter Olympics URL: <http://articles.latimes.com/2014/feb/07/sports/la-sp-opening-ceremony-plaschke-20140208>

Préjugés ou lucidité? Ce qui se cache vraiment derrière les descriptions occidentales apocalyptico-ironiques de la Russie de Sotchi URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/prejuges-ou-lucidite-qui-se-cache-vraiment-derriere-descriptions-occidentales-apocalyptico-ironiques-russie-sotchi-laurent-vinat-979579.html#iRTQu8Sf2FYOOtZl.99>

Stuever Hank. Sochi's Opening Ceremonies: Mother's Russia's epic speedskate through her own history URL: <http://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/85th-annual-academy-awards-red-carpet/2013/02/24/4c2cca8a-7ed8-11e2-a350-49866>

© Кошкарлова Н.Н., 2014

В.В. СОКОВНИНА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург)

УДК 81'23+82-1
ББК Ш100.6+Ш301.45

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ ВЗРОСЛОГО МИРА: ИГРЫ В «СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ»

Аннотация: В статье рассматривается понимание «игры» и её роль современных реалиях взрослого мира. Автор анализирует возникновение и развитие интернет-поэзии в жанре нонсенса как вариации лингвокреативной деятельности взрослого человека, а также пытается раскрыть её психологическую и социальную функции.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность, языковая игра, литература нонсенса, поэзия в Интернет, механизм языковой шутки

Они желали бы только разыгрывать в тишине и покое свои домашние партии дискурса, хорошенько заперевшись от всех
П. Слотердаjk «Солнце и смерть»

Согласно Ф.Г. Юнгеру, существует три рода игр: игры, основанные на счастливом случае, игры, основанные на искусности, а также игры, основанные на подражании и постподражающие игры. Первый род игр, как понятно из названия, собирает в себе все азартные игры, постоянно держащие в напряжении игрока, от умения и навыков которого зависит меньше, чем от случая. Второй род игр является противопоставлением первому, здесь игра осуществляется благодаря навыку, искусности игрока, от которого зависит сложность, продолжительность и успешность такой игры. На основе искусности могут быть как подвижные, так и интеллектуальные игры, например, загадки и головоломки, шахматы и стратегические игры. Третий род игр основан на подражании и является самым обширным полем для игры. «Игроки в игры, которые основываются на счастливом случае и на искусности, ведут свою игру со случаем и искусностью. Я не могу так же играть с подражанием, не могу заниматься игрой с ним. Я не играю с подражанием, а подражаю; в этом и состоит игра» [Юнгер 2012: 46]. Так, объектом игры может стать что угодно: игры с куклами, коллекционирование, танец, актёрская игра, музыка, литература – всё это есть продукт подражания. Разумеется, что в искусстве, например, в игре на музыкальном инструменте нельзя обойтись без искусности, которая

позволяет реализовать подражание с определённой долей индивидуальности подражающего.

Неудивительно, что такие игры преобладают не только у детей, но и у взрослых, которые намеренно подражают детскому восприятию мира. Если данная тенденция ещё не так заметна в различных областях современного искусства, то в виртуальном пространстве – сети Интернет как в наиболее мобильном и восприимчивом к переменам информационном поле – такая игра налицо.

Подобного рода подражание находит отражение в литературе нонсенса, суть которого, по словам Н. Демуровой, «именно в этой детской «остранённости», в умении взглянуть на мир «свежим» глазом ребенка» [Демурова 1979: 76]. Нонсенс, в отличие от абсурда, является игрой ума и не стремится к высмеиванию и исправлению мира, это игра ради самой игры. З. Фрейд описывал нонсенс как своеобразный «уход», отклонение от логической линии в сторону абсурда и «освобождение от внутренних оков» [Цит. по: Дж. Колонезе, 2007]. Так, можно сказать, что нонсенс – это игра в литературу, подражание, основанное на поиске альтернативных слов, явлений, ситуаций, идущем вдоль смыслового ряда.

В данной статье мы рассмотрим одно из направлений нонсенса в рамках сети Интернет – пирожково-порошковую поэзию.

«Пирожки» были придуманы пользователем LiveJournal – allcogol, создавшим в 2003 году их прообраз в виде стихотворения из шести строф под названием «Пирожки», откуда, по одной из версий, и пошло наименование жанра. В этом же году была открыта первая «пирожковая лента», в которой каждый пользователь мог стать автором пирожка. «Порошки» как дочерний жанр возникли от экспромта Mindless Art Group: в плену аборигенов стонет/ отважный леонард кокто/ ему засовывают в ноздри/ пальто.

Как и любая игра, «пирожки» и «порошки» имеют свои правила. Малый поэтический жанр «пирожок» предельно детерминирован и представляет собой законченное нерифмованное четверостишие, написанное четырехстопный ямбом (9-8-9-8), строчными буквами и без знаков препинания: *геннадий пишет на асфальте/ красивым почерком люблю/ но буква ю выходит криво/ он злится комкает асфальт*. Жанровые характеристики «порошков» отличаются лишь размером (9-8-9-2) и рифмовкой второй и четвертой строки: *кто виноват и что с ним делать/ вот что народ волнует лишь/ ну и конечно же хау мач из/ зе фиш*

Несмотря на строгое ограничение правилами, жанровые формы «пирожки» и «порошки» стали открытой площадкой для языковой

игры. Так, в стихах довольно часто можно встретить приём аллитерации и тавтограммы: *жы шы пишыте через ы вы/жы шы ты через ы пишы/через пишыте ы жы шы вы/жы шы; что есть то есть как говорится/есть то что есть нельзя же есть/то чего нет не существует/тоесть; ужю уже не стать ужее/ужее некуда уже/ужее достигнута вся ужесть/в уже.* В последнем примере, помимо приёмов созвучания автор использует альтернативный способ образования формы слова (уже – сравнительная степень от «узкий», ужесть – «узкость»). Таким образом, помимо новых слов образуются и новые смыслы в звуковых переплетениях текста, распознавание которых доставляет читателю как эстетическое, так и интеллектуальное удовольствие от игры.

Зачастую авторы пренебрегают правилами непроницаемости словоформы, используя усечение основы слова, псевдочленение словоформы и графоморфоактуализацию для попадания в ритм и усиления комического эффекта: *я не поверю не услышу/вселенную остановлю/когда ты скажешь еле слышно/не лю; друзья прошу вас расходитесь/тут право не на что смотреть/сказала глеба никаноры/ча треть.*

Нарушение орфографических норм так же является характерной чертой пирожковой поэзии: *эмчэс, жызынь, пришол, чутьчуть, какой-та, распустиццо, чорный, ещо, цылиндыр.* Такое разрушение системы правил более всего напоминает игру, некий детский протест против излишних условностей, что заранее настраивает читателя на игровой лад и провоцирует на лингвистические шалости.

Одним из ведущих приёмов языковой игры в пирожково-порошковой поэзии является игра с прецедентными феноменами: *трамваю старому всё снится/в депо забытом страшный миг/звон масло голова на рельсах/и крик; исус всем пишет эсемэски/ребята вечером ко мне/нас леонардо нарисует/оденьтесь только победней; я упираюсь в стену дома/падёт которая вот вот/моя слюна смешалась с кровью/хохочет мой сосед наф наф; медведев пишет на указе/владимир как насчёт бэ пять/ответ приходит через сутки/бэ пять убит стреляй еще.* Использование и переосмысление известных читателю сюжетов, ситуаций и героев в рамках этих ситуаций позволяет запустить сам механизм языковой шутки согласно теории обманутого ожидания: контраст между ожиданиями читателя, основанными на его личном опыте, и конечной реализацией активизирует игру. Таким образом, читатель, узнав прецедентный фон, может насладиться непосредственно процессом игры.

Рассмотрев данную внутрижанровую игру, необходимо заметить,

что это только одна из подражающих игр в сети, где взрослые, уподобляясь детям, пробуют язык на прочность и выходят за рамки лингвистической системы. Следует также понимать, что детское словотворчество носит иной характер и функции, нежели постподражательная игра взрослых. Как пишет Т.А. Гридина, «детская речь – сфера речевой деятельности, применительно к которой понятие креативности может рассматриваться двояко: с одной стороны, это креативность «вынужденная», компенсирующая дефицит языкового и когнитивного опыта ребенка; данный вид креативности проявляет обостренную интуицию в использовании детьми потенциала языковой системы; с другой стороны, это креативность, обнаруживающая способность ребенка к осознанному нарушению языковых конвенций» [Гридина 2009: 8]. Таким образом, можно отметить, что словотворчество ребёнка не является языковой игрой в прямом понимании, а служит в каком-то смысле способом познания окружающей действительности. Взрослый же воспринимает лингвокреативную деятельность как возможность поиграть с системой, осознанно ломая языковые нормы. Следовательно, подражая ребёнку, взрослый вкладывает иной смысл в созданную ранее форму. Таков механизм социального явления игр в инфантилизм, но в чём его причины?

Вероятно, корни возникновения новой игры следует искать в области психологии, которая идентифицирует состояние современного общества как невротизацию: личность постоянно испытывает психологический дискомфорт от несоответствия собственного «Я» тому идеальному образу, который агрессивно навязывает общество. Социум посредством рекламы в СМИ, фотографий в модных журналах, телевизионных передач транслирует для каждого отдельно взятого индивидуума образ идеального успешного счастливого человека, формируя клипартное⁴ сознание. Так, постоянное стремление к заданному идеалу и несоответствие ему порождает невротизацию личности.

Сегодняшний этап развития технологий позволяет людям общаться, не выходя из дома: Instagram, LiveJournal, социальные сети – это огромные площадки, где каждый может придумать другого, альтернативного себя. Не случайно одним из популярных мемов в Сети является креолизованный текст, цитирующий И. Бродского «не выходи из комнаты, не совершай ошибку» на фоне мрачных, серых фотографий – встреча с реальностью пугает. Так как нет прямого общения, нет жи-

⁴ Клип-арт (от англ. *ClipArt*) – графические элементы для создания дизайна. Клип-арт библиотеки в Интернет содержат картинки на любую тему для оформления текста подходящими иллюстрациями.

вой коммуникации, а следовательно, нет и возможности подтверждения, что остальные люди так же не идеальны – неудовлетворённость нарастает. В такой критической ситуации человек инстинктивно делает попытки себя репарировать и по лестнице онтогенеза символически возвращается обратно в детство, где было положено начало всех психосексуальных стадий развития, надеясь выстроить себя заново. Однако возникает вопрос, почему, дав свободу своему «внутреннему ребёнку», человек выбирает языковую игру и словотворчество как способ сублимации внутреннего конфликта?

З. Фрейд в работе «Художник и фантазирование» писал, что творец – это несостоявшийся невротик, то есть, субъект, который сумел так организовать накопившуюся (и угрожающую ему неврозом) энергию либидо, чтобы она трансформировалась в творчество. Таким образом, не удивительно, что при возрастании невротизации в обществе и неудовлетворённости, данная энергия всё больше инвестируется в творческую деятельность. Более того, общество в данном случае выступает как коллективная родительская фигура, одобрение которой необходимо «внутреннему ребёнку», иначе бы всё написанное оставалось в рамках персональных компьютеров.

В итоге, можно сказать, что отмеченная тенденция есть симптом смысловой перегруженности общества, от которой человек бежит в детство, где можно ещё раз переиграть все социальные роли и установить новые смысловые парадигмы. Так, пространство Интернет становится детской площадкой, на которой взрослые, пытаясь сублимировать негативный груз, возложенный на них социумом, лепят «пирожки» и толкут «порошки».

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива: Коллективная моногр. /Отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2009.

Демурова Н.М. Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. – М., 1979

Колонезе Дж. Нонсенс как форма комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – М., 2007

Юнгер Ф.Г. Игры. Ключ к их значению / Пер с нем. А.В. Перцева. – СПб., 2002

Фрейд З. Художник и фантазирование / Пер с нем. Р.Ф. Додельцева. – М., 1995

© В.В. Соковнина, 2014

Е.Г. ТОНКОВА
(Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия)

УДК 81'38
ББК Ш105.551.5

НОВООБРАЗОВАНИЯ С КОРНЕМ *МОНО-* В ЯЗЫКЕ ПРЕССЫ

Аннотация: Статья посвящена анализу новообразований с корнем *моно-*, встречающихся на страницах российских газет и журналов. Автор пытается объяснить причины активизации элемента *моно-* в русском словопроизводстве.

Ключевые слова: словообразование, язык прессы, публицистическая речь, новообразования.

В языке современной прессы сложные слова разных типов составляют одну из наиболее интересных групп новообразований. Здесь встречаются примеры собственно номинативного словообразования, создаваемые для наименования новых реалий по образцу уже существующих (ср. *космонавт*, *луноход*): *Во время первого выхода двое «марсоходов» вынесут из спускаемого модуля в модуль – имитатор марсианской поверхности – все необходимое оборудование, подготовят его к работе и активируют* (Российская газета. 2011. № 28. Статья «Долетели до самого Марса»); *Ученый полагает, что в поле зрения марсохода попал не камень, а некий организм – по сути, грибок, который вырос из спор* (Комсомольская правда. 2014. № 6-т. Статья «Марсоход сфотографировал инопланетянина?!»); *По словам тайконавта (так в Китае называют космонавтов), рацион разработали китайские ученые-диетологи, а продукты закупились у спецпоставщиков в Пекине* (<http://www.kp.ru/daily/24490.5/645710>). Дата обращения 17.03.2014. Статья «Тайконавт на орбите ел собак») и т.п.

По-прежнему на страницах газет и журналов популярны универбалты, зачастую носящие пренебрежительно-фамильярный характер: *Заместитель главы Роструда Алексей Вовченко рассказывал, как минувшей осенью один москвич, не желавший идти по направлению военкомата в санитары, убеждал призывную комиссию, что уже отслужил «альтернативку», устроившись на полтора года курьером в какое-то столичное учреждение* (Российская газета. 2011. № 96) [*альтернативка* – альтернативная служба]; *Акция «Нет просрочке» стартовала в городах и районах Татарстана* (Российская газета. 2011. № 128) [*просрочка* – просроченная продукция]; *Впрочем, великосветская барышня на Лазурке всегда начеку, как пограничник* (Комсо-

мольская правда. 2013. № 37-г) [*Лазурка* – Лазурный Берег] и др.

Безусловно, заслуживают внимания незузальные сложносокращённые слова, используемые в языке публицистики для сокращения длиннот текста. Чаще всего они состоят из сочетания начальной части слова с целым словом, например: *Для получения сертификата на **маткапитал** нужно обратиться в управление Пенсионного фонда по месту жительства* (Российская газета. 2011. № 265) [*маткапитал* – материнский капитал]; *На НТВ Алексей Пивоваров готовит две новые масштабные **докудрамы*** (Российская газета. 2011. № 295) [*докудрама* – документальная драма] и т.п.

Однако в последние годы в публицистической речи наиболее примечательны, на наш взгляд, лексические единицы с корнем *моно-*. Ранее этот элемент греческого происхождения, представляющий собой первую часть слов со значением ‘состоящий из одного, единого, относящийся к одному; одиночный’, не проявлял активности в русском словопроизводстве [см. Земская 2009]. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой зафиксировано небольшое количество таких образований: *моногамия, монограмма, монография, монокль, монолит, монолог, моноплан, монополия* (и производные от него), *монорельс, монотеизм, монотип, монотонный*. При этом стилистическую помету *специальное* имеют слова *моногамия, монотеизм, монотип*, и это свидетельствует о том, что они употребляются, в основном, в профессиональной речи.

Сравнительно недавно в русском лексиконе появилось ещё одно производное с этим элементом – *моногород*. Сейчас значение этой лексической единицы, ещё не зафиксированной в словарях, можно истолковать следующим образом: ‘маленький город, экономически и социально зависимый от одного, так называемого градообразующего, предприятия’. Это новообразование очень быстро приобрело популярность у политиков, чиновников, экономистов. См., например: *«Правительство планирует к 2015 году организовать в **моногородах** не менее 200 тысяч новых рабочих мест, серьезно обновить инфраструктуру и благоустроить эти населенные пункты», – сообщил Путин* (Российская газета. 2011. № 86); *«Безработица в нашей стране своеобразная», сказал на совещании премьер. Если в начале 2000-х она была 10,6%, сейчас 5,5%. Но, отметил премьер, у нас есть города и даже целые регионы, в которых ситуация с занятостью очень тяжёлая – это **моногорода*** (Российская газета. 2013. № 257). Вслед за ними модное слово всё чаще стали употреблять и журналисты: *Из 342 российских **моногородов** в 142 уровень безработицы выше среднероссийского, причем в 51 **моногороде** – более чем в 2 раза* (Российская газета. 2013.

№ 257). Действительно, у нас есть шахтерские и металлургические города, наукограды и даже культурная столица, **моногорода** и индустриальные центры (www.novayagazeta.ru/politics/60373.html. Дата обращения 09.10.2013) и т.п.

После появления существительного **моногород** элемент **моно-** заметно активизировался и в производстве других существительных (как представляется, вследствие действия закона аналогии). Так, на страницах газет и журналов нами были зафиксированы следующие примеры: **моноспектакль** (*Александр Филиппенко создал **моноспектакли** по произведениям Гоголя, Зоценко, Довлатова* [Российская газета. 2011. № 86]); **монопюре** (*Выбор продуктов для прикорма – задача ответственная. Мамы и папы не промахнутся, если предложат крохе новые мясные **монопюре** «Бабушкино лукошко»* [Мой маленький. 2010. № 10]); **монопрепарат** (*Арсенал обезболивающих большой. Это и **монопрепараты**, и комбинированные* [Российская газета. 2012. № 123]); **монодиета** (*Шоколадную **монодиету**, по слухам, сама для себя избрела Джей Ло...* [Комсомольская правда. 2012. № 28-г]).

Кроме того, данный элемент всё чаще стал участвовать в образовании оригинальных имён прилагательных. См.: **монокомпонентный** (*По **монокомпонентным** сокам, изготовленным только из одного ингредиента, проще проследить за реакцией детского организма на новый продукт, а очередь многокомпонентных соковых коктейлей придет со временем* [Лиза. Мой ребенок. 2010. № 2]); **монопородный** (*Наша кошечка Варвара в престижном международном **монопородном** шоу в Москве заняла первое место* [Ваш новый день. 2013. № 3]); **мононациональный** (*Статистика регистрации браков между коренными и приезжими может свидетельствовать, с одной стороны, об активной ассимиляции последних в случае, если межнациональных браков достаточно много; с другой стороны, о развитии землячества, если мигранты предпочитают образовывать **мононациональные** семьи* [Ваш новый день. 2013. № 49]); **моноразгрузочный** (*А вот **моноразгрузочные** дни очень даже хороши для стройности и активации обмена веществ* [Комсомольская правда. 2013. № 51-г]).

Мотивированность появления подобных образований в языке прессы, как правило, предопределена отсутствием в современном русском языке синонимов-эквивалентов. Вне всякого сомнения, описательная замена существительных и прилагательных с элементом **моно-** в публицистическом контексте была бы явно неэкономна. С другой стороны, как мы видим, с помощью форманта **моно-** очень удобно создавать лексические единицы, носящие терминологический характер (например, **моногород**, **монопрепарат**). Зафиксированные единицы, по наше-

му мнению, функционально значимы, семантически ёмки. Необходимо подчеркнуть их главное достоинство: они обладают прозрачной внутренней формой, способствующей адекватному восприятию информации. Трудно спрогнозировать, сохранит ли элемент *моно-* высокую продуктивность в производстве новых слов в дальнейшем, однако в настоящее время он проявляет себя очень активно и создаёт определённую языковую моду, в том числе и в публицистической речи.

ЛИТЕРАТУРА

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М., 2009.

© Тонкова Е.Г., 2014

К.О. ЦЫПЛЯКОВА

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'38
ББК Ш105.551.5

ТИПОЛОГИЯ ФАКТОВ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XX ВЕКА

Аннотация: В статье осуществляется анализ фактов языковой игры в СМИ XX века. Материал в периодической публицистике трех периодов (1900-1920, 1930-1950 и 1960-1980) сопоставляется по параметрам выделения частного конструктивного принципа, основы ассоциации и операционального механизма, лежащих в основе ЯИ.

Ключевые слова: языковая игра, конструктивный принцип, операциональный механизм, ассоциативный контекст, публицистика XX века.

Неисчерпаемый творческий потенциал языковой игры (далее – ЯИ) обуславливает интерес исследователя языка к основным процессам ее развития, особенностям функционирования в тексте и, что самое главное, к динамике отношений «человек-язык». И наиболее показательно и продуктивно в этом смысле обращение к языковому материалу другой эпохи, в частности к корпусу текстов XX века.

В качестве источника материала были выбраны тексты периодической публицистики, получившей в прошлое столетие мощное развитие и служившей, с переменным успехом, настоящей «кузницей» живого, яркого, игрового слова. В состав анализируемых источников входят «Литературная газета», «Новый мир», и «Красная Новь», выпущенных в период с 1900-го по 1980 г. В основе лингвистической обработки игрового материала – концепция Т.А. Гридиной, обуславливающая классифицирование фактов ЯИ с точки зрения выделения частного конструктивного принципа, основы ассоциации и операционального механизма, лежащих в их основе [Гридина 1996].

В рамках XX века выделяются следующие периоды: ЯИ начала века 1900-1920-е гг., 1930-50-е гг., и 1960-е – начало 80-х годов. Данная периодизация была условно намечена с опорой на социально-исторические изменения этого времени, которые существенно влияли на специфику развития культуры, искусства и языка: 1900-1920-е годы – предреволюционное и революционное время, 1930-1950-е – сталинский период, 1960-1980-е годы – «оттепель» и период застоя. Игровой материал также послужил обоснованием для такого разделения, поскольку его анализ демонстрирует типологическую однородность реализации игровых стратегий в тот или иной период.

Рассмотрение игровых фактов с опорой на вышеизложенную периодизацию позволяет сформулировать рабочую гипотезу: ЯИ XX века активно взаимодействует с языковыми шаблонами столетия, но в разные периоды советской государственности (в зависимости от строгости и силы режима) ЯИ то опирается на стереотипную структуру, «подпытывается» ею, то резко отвергает, разрушает ее.

За количество игровых фактов, работа с которыми позволяет делать выводы о лингвокреативной специфике ЯИ того или иного периода, принимается, в среднем, 80-100 случаев. В публицистических текстах периодики XX века 1900-20-х годов было выявлено и проанализировано 74 факта ЯИ, а в материалах 1930-1950-х годов, несмотря на то, что объем просмотренного материала соразмерен с объемом изученных текстов других эпох, – всего 42 факта, что можно трактовать как один из «опознавательных» знаков эпохи. В свою очередь, в текстах периодики XX века 60-80-х годов выявлено 115 фактов ЯИ. Такое значительное количество можно связать с тем, что в изучаемых изданиях 1960-1980 годов появляются специальные разделы, рубрики, даже целые странички, на которых авторы могли свободно и беспрепятственно шутить, экспериментировать с языком, «играть». Так, например, в 1960-е годы в «Литературной газете» по субботам «открывался» «Литературный музей» – юмористический отдел, которому выделялся «подвал» на одной из предпоследних полос или даже целая полоса (если газета была приурочена к знаменательной дате).

Первый пункт сравнительного анализа игрового материала разных периодов XX столетия – это особенности ассоциативного контекста слова. Создание фактов ЯИ, связанных с ассоциативным контекстом восприятия узуального слова/выражения, мотивированного в игровом ключе, в текстах 1900-20-х годов характеризуется высокой частотностью и продуктивностью – 66 случаев (87,9%), в то время как ассоциативный контекст конструирования нового слова представлен 8 (12,1%) случаями ЯИ.

В 1930-1950-е годы, из 42 выявленных игровых фактов, 26 (62%) образованы с помощью ассоциативного контекста восприятия узуального слова/выражения, а 16 (38%) – с помощью ассоциативного контекста конструирования нового слова. В 1960-1980-е годы из 115 фактов ЯИ 89 – узуальные (73%) и 26 (27%) – окказиональные. Такое распределение свидетельствует о постепенном, но уверенном отступлении от норм языка на его «жестких» уровнях. Более свободное, отношение к языку, позволяет авторам обновлять продуктивные, но уже наскучившие словообразовательные модели, делая корневой элемент неожиданным или парадоксальным. Не всегда находя в языковом про-

странстве желаемое «деятельное», «громкое» игровое слово, или контекст, в котором бы привычное заиграло, авторы XX века тратят свои творческие усилия на создание новинки, среди которых: *благополучинка* (в знач. «счастливый финал произведения»), *носология* («в знач. «тиражирование образа «носа» в литературе»), *мухоморный* (в знач. «неудачный, портящий впечатление»), *смехотвор* (в знач. «шут, низкопробный юморист»).

Следующий этап анализа игровых фактов связан с определением наиболее продуктивных частных конструктивных принципов, среди которых (по Т.А. Гридиной) ассоциативное наложение, интеграция, отождествление, имитация, провокация и выводимость.

В текстах XX века во все три периода творческая активность конструктивных принципов распределяется равномерно. Постепенно возрастает продуктивность ассоциативной интеграции (особенный всплеск в середине XX века), с помощью которой создаются, вопервых, стандартные игровые случаи, форма и семантика которых объясняется знакомыми словообразовательными моделями, например: *В магазине цветов, помню, мужчина застенчиво просил продавщицу: «Дайте мне вон тех цветов, как их? Кажется, ахинеи и гладиолухи...»* [Литературная газета, 1960, № 29] – 1) замещение одного из сегментов звуковой оболочки слова *гладиолусы* корневым элементом псевдомотиватора – *олух*, 2) игровая идентификация паронимов: *орхидея* и *ахинея*, моделирующая эффект смысловой координации ассоциантов; при этом полученные трансформы не изменяют денотативной отнесенности слов-прототипов (они осмысляются как названия цветов), их шуточный колорит являются приглашением к непринужденному, неформальному общению с читателем.

Принцип-лидер ассоциативной провокации (32 факта – 6 – 55) равно как и принцип ассоциативного наложения (29 фактов – 11 – 19) всегда обладают высокой результативностью, но с точки зрения приемов, которые ложились в их основу, они претерпевают заметные качественные изменения. Так, в начале XX века встречались игровые случаи, связанные с созданием новых метафорических конструктов или расширением уже устойчивых, с развитием переносных смыслов, моделирование которых в большей степени зависит даже не от уровня владения языком или не от фоновых лингвокультурных знаний, а от индивидуальной способности понимать, что «бывают странные сближения», например: *Написан он хмурым языком, словно автор, когда писал его, сильно на жену сердился...* [Красная новь, 1925, №6] – ситуативное употребление (в «литературном» контексте) слова *хмурый* предполагает расширение его значения; «*Звездный цвет*», *лучший из*

четырёх рассказов, сюжетом напомним читателю лермонтовскую «Белу», оклеенную обоями современного рисунка [Красная новь, 1925, № 8] – нестандартное метафорическое употребление причастия оклеенный (обоями современного рисунка) по отношению к литературному произведению.

Что касается игровых фактов середины и конца века, созданных с помощью ассоциативного наложения, то их специфика выдает обращенность авторов XX века к творческим возможностям самого языка: обыгрывание многозначности и омонимии, игра с внутренней формой, парадоксальная подмена лексического состава фразеологизмов, логический парадокс, переключение семантического и грамматического прогнозов употребления слов и т.д. Типичные примеры: *Константина Федина и Константина Паустовского на пикнике не видно, так как они удалились в «далекие годы» и переживают там «первые радости»* [Литературная газета, 1946, №19] – контекстуальная конкретизация прецедентных феноменов – название романа «Первые радости» К.А. Федина и книги «Далекие годы» К.Г. Паустовского – вызывает эффект двусмысленности восприятия, моделирует литературный каламбур; *«Наконец, в пятом часу к нему пришла дама, которую он так долго ждал. А он уже и не знал, что делать».* – *Надо было даму оставить, а снести валеа с десяткой* [Литературная газета, 1975, №1] – неожиданное переключение ситуативного семантического прогноза употребления слова в высказывании: дама как «третья по старшинству игральная карта с изображением женщины», а не как «о женщине (обычно с оттенком почтительности)» [ССРЛЯ 1991: т. 4, 35].

Оставшиеся три конструктивных принципа обладают примерно одинаковой игровой валентностью. Так принцип ассоциативного отождествления (4 факта – 5 – 14) и ассоциативной выводимости (5 фактов – 3 – 2) также делают основной упор на ситуативное обыгрывание внутренней форму слова и обращение к этимологически родственным словам, практически игнорируя возможности развития окказиональной образности, например: *...возможно большим количеством знаков препинания (о них и взаправду все время «препинаешься» читая Карпова)* [Красная новь, 1925, № 9] – обыгрывание этимологически родственных слов, связь которых затемнилась для современных критику носителей языка; *Когда мы говорим о столбовой дороге, она некоторыми товарищами мыслится в виде дороги, где стоят писатели в виде «столбов»: таких столбов у нас в этой столбовой дороге нет* [Литературная газета, 1930, № 50] – игровое развенчивание, буквализация метафоры *столбовая дорога* – «главный, центральный, генеральный путь» [Ушаков: т. 4, 528], из которой как из этимологически

родственного слова ассоциативно выводится буквальное значение слова *столб* – «бревно или толстый брус, вкопанный в землю стоймя» [Там же: 527].

Отдельно нужно сказать о принципе ассоциативной имитации, на счету которого образование 9 – 2 – 9 случаев ЯИ. Авторы XX века обращают внимание не только на грамматические ошибки своих оппонентов, но нередко они предпринимает более серьезные кампании, например, высмеивают стилистические несовершенства критикуемых. В силу этого имитационная игра требует больших текстовых площадей, характеризуется мощной эмоциональной насыщенностью – создатели ЯИ не проявляют особой терпимости и снисходительности к своим подопечным. Особенно ярко все это проявляется в жанре литературной пародии, «где эффект комического воздействия достигается при осознании «рассогласованности» имитируемой формы и содержания, ассоциативного наложения планов восприятия текста пародии и текста, выступающего в качестве объекта пародирования» [Гридина 2012: 164], например: *Мы помним чудные мгновенья, / Мы знаем силу красоты. / Мы ценим нежные виденья. / Мы рвем и нюхаем цветы. / От Порт-Артура до Можая / Мы собираем васильки, / Мы наших милых провожаем / От Енисея и Оки. / Мы так, мы сяк, мы то, мы это, / Мы не немые, нет мы – умы, / Мы молодые, мы поэты, / Мы мысли, мышцы... / Все на «мы»!* [Литературная газета, 1945, №49] – пародийное воспроизведение особенностей соцреалистической поэтики («мы» – коллективный лирический герой), комический эффект которого усилен аллюзией к «глубоко индивидуалистичному» стихотворению «Я помню чудное мгновенье» А.С. Пушкина.

Особенности функционирования зон ассоциативности знака выступают следующим пунктом анализа. Игровые факты **1900-1920-х годов** иллюстрируют победу контекстуальной зоны ассоциативности знака, но уже **в середине века** намечается тенденция к развитию междусловной зоны ассоциативности, которая окончательно оформляется **к 1960-1980-м годам**. Наиболее продуктивная основа ассоциации – соотношение семантического речевого прогноза и актуального смысла слова, с привлечением намеренной модификации устойчивых словосочетаний, например: – *Муж сегодня накинулся на меня, что я изменяю ему с первым встречным... Хороший первый, когда он попался мне на встречу девятым!* [Сатирикон, 1910, № 2] – прогнозируемое восприятие слова *первый* в качестве компонента устойчивой коммуникативной структуры *первый встречный в значении* «случайный, какой попал, какой угодно» [Ушаков: т. 3, 90], находится в отношениях несоответствия с актуальным в данном контексте основным значением – *пер-*

вый (числительное порядковое к *один* [Ушаков: т. 3, 90]), что и вызывает комический эффект.

Выделяются также ассоциация на основе тождества корня и частного тождества значений (...*да много-плоскостными (и все же довольно плоскими) и спиральными умственными выкрутасами И. Лежнева* [Новый мир, 1925, № 2]) и ассоциация по противопоставленности содержания слов при различии их формы (*А вот центральные места оперы стали ее «узкими» местами...* [Литературная газета, 1930, № 2]).

Данное соотношение позволяет говорить о том, что ЯИ в журнальной публицистике XX века в равной степени зависит от ситуативных факторов речевого контекста, и от личного опыта и уровня лингвистической компетенции игроков.

С точки зрения операциональных механизмов, лежащих в основе игровых фактов, ЯИ в журнальной публицистике начала и середины XX века тяготеет к механизму употребления слова (лексическая актуализация) – 38 фактов из 74 и 21 из 42 соответственно. С одной стороны, для расшифровки такой игры читателю не нужно быть очень активным – в игровых текстах актуализируются известные переносные значения слов, даже закрепленные в словаре. С другой стороны, эта знакомая образность по-своему требовательна и интересна: чтобы получить удовольствие от игры, воспринимающее сознание должно как бы подключиться к авторскому – разглядеть игру, которую он замаскирует в стандартный образ: *В другой стороне идет распространенная игра в классы и в классики. Молодые литераторы в классики играют куда более охотно, чем в классы, хотя последние для них были бы гораздо полезней.* [Литературная газета, 1946, №19] – интерпретационная неоднозначность восприятия слов в высказываниях; в первом предложении *классы и классики* понимаются одинаково – «детская игра, прыжки по расчерченным на земле клеткам» [Ушаков: т. 1, 1365], ассоциативный контекст второго предложения, в свою очередь, моделирует отношения смыслового ситуативного контраста: в нем *игра* иронично осмысливается как модель поведения, и тогда *игра молодых литераторов в классики* – это их высокое самомнение, как у «крупных писателей, музыкантов, художников, ученых, имеющих общепризнанное значение» [Ушаков: т. 1, 1366], а *в классы* – профессиональный совет не забывать про «уроки» (устар.), в которые им бы не помешало поиграть.

К 1960-1980-м годам особенно продуктивными становятся механизмы формально-семантического варьирования и обуславливают создание 47 из 115-ти случаев ЯИ. Чаще всего игра, построенная по

этим механизмам, отличается принципиальной новизной, в ней чувствуется активное авторское начало, желание удивить, что выражается в эксплуатации свойств асимметрии словесного знака, изменению объема его значения, переосмыслению возможностей его контекстного функционирования (изменение его исходной частеречной принадлежности, особенностей синтагматической сочетаемости и т.п.): **Надорвался, передвигая границы приличия** [Литературная газета, 1975, № 4] – использование составной части устойчивого сочетания *границы приличия*, ее ситуативная конкретизация – *граница* в контексте осмысливается как «линия раздела между двумя владениями, областями», а не как «предел, конец; допустимая норма» [ССРЛЯ 1991: т. 3, 313].

Механизм порождения нового слова повторяет особенности развития принципа ассоциативной интеграции – продуктивность его значительно повышается: *Девушки – вооруженцы. Они снаряжают самолеты бомбовым грузом. Вооруженщины* [Литературная газета, 1965, №65] – объединение языковых единиц – *вооруженцы* и *женщины* – в одну – *вооруженщины* – на основе их равноправного участия в формировании звуковой оболочки и значения гибрида.

Важно отметить использование авторами в каждый конкретный период творческого потенциала разного рода аллюзий и прецедентных высказываний в качестве довольно продуктивной и понятной игровой стратегии. Это заставляет поставить вопрос о необходимости введения такой дополнительной характеристики игрового материала как аллюзивный принцип ЯИ.

В широком смысле аллюзивный принцип ЯИ «базируется на интерпретации некоего общеизвестного, культурно значимого прецедента, выступающего прототипическим объектом для новой ассоциативной обработки» [Гридина 2012: 102]. При этом отмечается, что сам прецедент является лишь стимулом ЯИ, символика которого подвергается актуализации, переосмыслению, разрушению в соответствии со стратегией ЯИ и индивидуально авторской интенцией.

Игровой материал XX века с точки зрения реализации аллюзивного принципа в разные периоды представляет собой довольно пеструю и неоднозначную картину. Так, например, 1900-1920-е годы лишены интересных в этом отношении игровых фактов, а в 1930-50-ые более активное обращение происходит к творческому потенциалу прецедентных текстов, при чем, в основном, в имитативном, пародийном ключе, например: **Чем же занят славный директор энского театра тов. Сизифов в ночь перед торжеством** [Литературная газета, 1945, №49]; **Но на этом море отчего-то не белеет парус...** [Литературная газета, 1946, №19].

Наряду с прецедентными текстами, очень заметна игровая обработка прецедентных высказываний. Игра с фразеологизмами как бы выявляет аномалию на фоне нормы, позволяет говорящему погрузиться в экспериментальное поле игры, раскрепостить свой творческий потенциал. Социальная ситуация уже позволяла говорить о том, что «дозволенное» (привычное, стандартизованное в жизни и в языке, в частности) далеко не исчерпывает всех возможностей. Соответственно, в игровой практике появляется «тенденция сопротивления канону» (в данном случае, воплощенному в виде устойчивых сочетаний, штампов, канцелярских фразочек, и, во многом, в идеологических лозунгах и слоганах), например: *В этом году Министерство финансов сделало самые невинные ухищрения с бюджетом... – Неужели? До сих пор оно делало винные; – Хорошо нынче живет русскому мужику! – А что? – Раньше и хлеба не было, а теперь вермишелью уже несколько лет его кормят, законодательной!* [Новый мир, 1925, №12].

Говоря о реализации аллюзивного принципа в 1960-1980-е годы, нужно отметить частотное использование ассоциативного потенциала имени собственного в ключе ономастической игры, к сфере которой приписываются «все случаи деавтоматизации восприятия онама как универсальной маркирующей номинатемы, введение онама в условно-реальное ассоциативное поле функционирования» [Гридина 2012: 134], например: *директор книжно-бакалейной лавки Феропонтий Колбасяк* [Литературная газета, 1960, № 4]; *артистка Сабантуева* [Литературная газета, 1960, № 13]; *генерал бундесвера фон ПифПафен* [Литературная газета, 1969, № 60].

Подводя краткий итог, отметим явную динамику в развитии ЯИ от 1900-1920 до 1960-1980-х годов. Игровые факты постепенно становятся все более самостоятельными, обретая способность или освобождаться от контекста, концентрируясь в малых жанровых формах, или наоборот, «забирать» на себя весь текст, становясь его стилевой доминантой. Смело переосмысляя не только семантический, но и словообразовательный, фоносемантический, грамматический потенциал слова, ЯИ выходит на качественно новый уровень нетривиальной, экспериментальной обработки языка, борется со штампами и стереотипами речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.
Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург, 2012.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 20 т./

АН СССР. Ин-т рус. Яз.; Гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус.яз., 1991.

Ушаков – Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.

© Цыплякова К.О., 2014

МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВОГО ТВОРЧЕСТВА: НОРМА И АНОМАЛИЯ

Т.С. БОРЕЙКО

(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)

УДК 81.161.1'366

ББК Ш141.12-21

РЕАЛИЗАЦИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРИЗНАКИ ТАКТИЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ)

Аннотация: В статье рассмотрены различные способы возникновения переносных значений прилагательных, характеризующих процесс тактильного восприятия. Анализируются направления метафорических переносов, пути обновления языковых метафор в текстах русской речи.

Ключевые слова: способы возникновения переносных значений, расширение семантической сочетаемости.

Человек воспринимает мир с помощью различных органов чувств. В процессе осязания человек получает знания о множестве свойств, посредством которых распознаются предметы окружающего мира. Предикативные признаки тактильного восприятия могут быть охарактеризованы по качеству поверхности (*бархатный, шершавый, мягкий*), по внутренней структуре объекта (*мягкий, упругий*), по температурным свойствам (*холодный, огненный*), по физическому воздействию на объект (*колючий, жгучий, щекочущий*).

Прилагательные, обозначающие свойства предмета, познаваемого сенсорно, могут метафорически использоваться для дифференциации признаков, относящихся к другому аспекту материи: *холодящий запах мяты, колючий взгляд, гладкие, заранее подготовленные фразы, вязкое одиночество*.

Современной лингвистике свойственен устойчивый интерес к сфере речетворчества. Для живых языковых процессов характерны разного рода инновации, которые демонстрируют творческие способности носителей языка. Креативность противостоит ограниченности выбора при поиске возможных решений, порождая нестандартные идеи. Подобная способность к речетворчеству приводит к сознательному нарушению традиционных способов словоупотребления. Речевая креа-

тивность позволяет автору привлечь внимание читателя, объективировать новые свойства и признаки описываемого явления.

Цель статьи – проследить, как предикативные признаки тактильного восприятия используются для концептуализации других ситуаций.

Процесс восприятия предполагает обнаружение объекта посредством взаимодействия нескольких органов чувств. В том случае, когда качества одной модальности переносятся на другую, разнородную, наблюдается явление синестезии. При этом осязательные прилагательные часто используются для характеристики вкусовых ощущений: *шершавый вкус* – грубый, терпкий, *бархатный вкус* – мягкий, обволакивающий, глубокий, *шелковистый вкус* – гладкий, мягкий, прохладный. Употребление осязательных прилагательных для характеристики вкусовых свойств отмечено при названии блюд пользователями кулинарных сайтов (*красный бархатный торт, шелковый итальянский суп из каштанов, коктейль «Шершавый»*), а также при характеристике структуры, консистенции блюда (*Сварить правильное шелковое картофельное пюре – это тоже наука. Чтобы картофель не получился шершавым, я замачиваю в холодной воде минут на 30*).

Часть синестетических метафор, характеризующих вкус, уже вошли в систему языка: *бархатистый или шелковистый вкус вина, бархатное послевкусие*. В заголовках СМИ может наблюдаться расширение семантической сочетаемости слов по следующей модели: «вкус – напиток с таким вкусом – мероприятие, где представлен этот напиток»: *Передвижной «Бархатный Крымский пивной фестиваль» пройдет в 4-х городах Крыма*.

Непредметный мир моделируется при помощи метафоры по образцу и подобию предметного мира. Ещё один случай синестетического переноса наблюдается в том случае, когда прилагательные, обозначающие свойства предмета, познаваемые с помощью осязания, служат для характеристики свойств объектов слухового восприятия: *шершавый голос* – грубый, низкий, с хрипотцой, *бархатный голос* – приятный, глубокий, немного томный. Расширение сочетаемости эмпирических прилагательных может происходить по модели «голос – обладатель такого голоса»: *Бархатный Джон Гробан впервые выступил в Москве: Обладатель уникального голоса, которого еще называют бархатным баритоном, приехал с единственным концертом*.

Одним из способов возникновения переносного значения слова является метонимия – семантический переход, возникающий на базе смежности двух ситуаций. *Шелковое лекарство. Папа себя очень плохо чувствовал: кожа покраснела, шея опухла. Для лекарства нужен небольшой лоскуток натурального шелка, который надо растеребить*

на мелкие кусочки и смешать с натуральным пчелиным мёдом. Мы вылечились за месяц. В данном случае наблюдается метонимический перенос наименования «материал – изделие из этого материала».

Другим способом возникновения переносного значения слова является метафоризация – процесс, приводящий к получению нового значения о мире путём использования уже имеющихся в языке наименований.

Устойчивое сочетание **бархатный сезон** – название одного из наиболее благоприятных периодов для отдыха человека: осеннее, ещё тёплое, но уже не жаркое время на южных курортах. В текстах СМИ наблюдаются различные способы словоупотребления этого фразеологизма. Перенос наименования может проходить по следующей модели: «определённый период года – мероприятия, события, которые происходят в этот период». **Феодосия: попробовать бархатный сезон на вкус. Испытать прелесть крымской осени можно не только при помощи зрения, слуха и осязания. Бархатный сезон в Крыму имеет свой неповторимый вкус – вкус крымских вин.**

Креативный потенциал речи выражается в возможности обновления языковых метафор и устойчивых выражений путём замены одного из компонентов. 1. **Бархатный семестр.** Большинство европейских университетов устраивают летние школы в середине июля до середины сентября. Развитие значения происходит следующим образом: «учебный процесс во время бархатного сезона – бархатный семестр». 2. **Бархатный футбол.** Столичные «пивовары» ехали в Бессарабию не за отдыхом, им предстояло сразиться с соседом по турнирной таблице «Реал Фармой». Развитие значения: «футбол во время бархатного сезона – бархатный футбол». Обновление метафоры путём замены одного из её компонентов наблюдается и в следующих примерах: **«Бархатный шансон» в Турции. Бархатный сезон в музеях.**

Ещё одно направление переноса: «определённый период года – период жизни». **Бархатный возраст:** Жизнь женщины после сорока только начинается. В метафоре происходит актуализация ассоциативных связей, существующих в сознании человека: *После 45 лет у человека начинается бархатный сезон – время комфорта и уюта. 55 лет – красивый возраст, бархатный сезон жизни.* **Юбилей Юрия Яковлева:** «**Бархатный сезон**» великого артиста. Сегодня выдающемуся русскому актёру Юрию Яковлеву исполняется 85 лет.

Предикативный признак тактильного восприятия, обозначенного прилагательным **бархатный**, развивает различные переносные значения в зависимости от сферы употребления. В политическом дискурсе **бархатный** – совершившийся мирным путём (о смене власти, режиме):

Бархатная революция – бескровное, мирное политическое преобразование, реформа общественной жизни. **Бархатный развод** – мирный и официально узаконенный распад союзного государства Чехословакии. В результате развития значения этого предикативного признака появляются следующие словоупотребления: *Эстония: «Бархатный апартеид» для русских. Бархатная оккупация Крыма. Эмиграция как бархатный геноцид. За 9 месяцев Литву покинули 34057 жителей. За десять лет население страны сократилось на 20%.*

В других профессиональных сферах прилагательное *бархатный* актуализирует признак «мягкий, щадящий». 1. *«Бархатное» голодание. В преддверии поста предлагаю рецепт щадящего голодания по методу врача А. Зиганишина. 2. При желании можно смягчить аскетическую суровость традиционного поста и придерживаться «бархатного» поста. Каждый человек избирает доступный лично для него уровень воздержания: одни исключают молочные продукты, другие – мясные. Остается главный аспект: человек помнит Бога, начинает работу над собой.*

В текстах СМИ нередко наблюдаем совмещение прямого и переносного значения прилагательных. 1. **Шершавый «Огонек».** «Огонек» вышел в новом формате. Журнал перестал быть глянцевым и теперь печатается на «шершавой» бумаге. Он запоминается и на ощупь, тактильные ощущения для привыкшего к обязательной гладкости журнальных страниц читателя действительно необычные. В эпоху тотального засилья глянца «шершавость» стала исключением. Шершавая бумага – бумага с неровной поверхностью, негладкая на ощупь. Перенос наименования проходит следующим образом: «журнал, напечатанный на шершавой бумаге – шершавый журнал». 2. **Т. Варнакова,** главный редактор журнала «Собрание exclusive», раскрыла **шершавую сторону приморского глянца:** Это только со стороны может казаться, что это делать «гламурный» журнал – красивый и легкий бизнес. На самом деле это тяжелый труд: найти клиента, убедить в размещении, сломать стереотипы и сделать качественный продукт. И в первом, и во втором случае представлена оппозиция *гладкий, глянцевый / шершавый*. В первом отрывке реализуется противопоставление «вычурность, неестественность, пестрота, внешний блеск / информативность, интерес читателей», во втором – «яркость, красота / трудности, связанные с изданием журнала».

Желание создать свежий образ приводит к обращению к прецедентным текстам в заголовках СМИ. Обычно такой заголовок предшествует информационно-нейтральному изложению статьи, заметки. Можно выделить несколько моделей развития значения устойчивого выражения **шершавым языком плаката**. 1. **Шершавый** – «заключаю-

щий в себе какие-либо изъяны, затруднённый чем-либо». Шершавый стиль – стиль, лишённый лёгкости из-за нарушения норм русского литературного языка. **Шершавым языком ученых.** *Самое важное в научной статье – это собственно научный результат. И как иногда жаль видеть, что неумение авторов писать ясным языком затуманивает научную суть, требуя от читателя специальных усилий, чтобы продрасть через плохо написанный текст.* 2. Прилагательное шершавый употребляется в ситуациях, когда требуется обозначить невозможность выразить необходимое содержание предлагаемыми средствами. **Шершавым языком скульптуры.** *В парке искусств появился экспонат-композиция «Требуем мира!» скульптора В. Мухиной. По поверженным фашистским знаменам идут, взявшись за руки, африканец, китаец и европеец. Впереди – женщина с ребенком, отпускающая в небо голубя, символ мира. На плакате это смотрелось бы вполне резонно, но от превращения антивоенного памфлета в бронзовый монумент у зрителя невольно возникает оторопь.* По этой модели построены следующие заголовки в СМИ: **Шершавый язык комиксов / анимации. Красивая японская легенда, пересказанная шершавым языком Голливуда. Шершавый язык протокола / цифр / закона. Шершавый язык граффити.** В последнем примере наблюдается совмещение прямого и переносного значения прилагательного: граффити – изображение на шершавой поверхности; это способ выражения протеста против властей. 3. В этой модели внимание акцентировано на интенсивности характеристики слухового восприятия:

- **Шершавым шепотом плаката.** *В Выставочном зале Московского союза художников состоялась выставка плакатов. Это была попытка предпринять новые шаги по возвращению голоса этому жанру.* Автор использует противопоставление голос / шёпот «очень тихая, почти беззвучная речь». В данном контексте это противопоставление эксплицирует следующие смыслы: художественные, идеологические возможности плаката / не востребованность этого жанра в современном обществе.

- *Сегодня элитное жильё – это трехкомнатная квартира в престижном районе. И не шершавым криком политического плаката, а мудрым, бархатным шепотом трезвого денежного расчета потребитель говорит: необходима правильно организованная жилая среда, общий комфорт и безопасность.* В данном случае реализуется противопоставление голос / крик. Политический плакат предполагает броское, крупноформатное изображение, сопровождаемое кратким текстом. Эмоциональные методы воздействия преобладают над рациональными, что позволяет внедрять рекламную информацию быстро и

эффективно. Всё это порождает ассоциации с криком, «громким, резким звуком голоса».

- Компонент, характеризующий слуховое восприятие, в данной модели редуцирован. *Шершавый язык пилинга*. (Пилинг – удаление, отшелушивание верхнего ороговевшего слоя кожи).

Подведём итоги исследования.

1. Предикативные признаки тактильного восприятия используются для характеристики других систем восприятия: вкусового (*шелковистый вкус молочного соуса бешамель, бархатисто-ореховый или приятный, чуть шершавый вкус*), слухового (*Тынис Мяги пел милые песни с шершавым эстонским акцентом*), реже – зрительного восприятия (фотография «Шершавый март»).

2. Переносные значения прилагательных конкретизируются в определённых сферах деятельности: *бархатный* в медицине «щадящий» (бархатное голодание, бархатный аборт), в политике *бархатный* «совершивший мирным путём, мягкий» (бархатный диктатор, бархатный контрреволюционер, бархатная дискриминация, бархатная оккупация, бархатный геноцид). Некоторые словоупотребления близки к терминам: *бархатный тон* (в медицине: приглушённый, мягко звучащий первый тон на верхушке сердца, признак ревматического эндокардита), *бархатное меццо-сопрано с лёгкими, приглушённо-матовыми верхами*. В процессе речетворчества возможен переход прилагательных, обозначающих процесс тактильного восприятия, из одной сферы в другую: *Бархатная революция в рекламе. Бархатный сезон в российской политике*.

3. Обновление языковых метафор происходит несколькими способами:

- актуализация прямого значения прилагательного (*Осенью 2012 года наступит «бархатный сезон» в моде: этот роскошный материал вновь на пике популярности!*);

- распространение устойчивого выражения другими словами (*Бархатный сезон летнего хоккея. Бархатный сезон скидок*);

- замена одного из компонентов в результате актуализации ассоциативного потенциала слова (*Патагония не балует гостей бархатной погодой. Бархатный отдых в Лондоне с родителями и детьми*). Изменение состава фразеологизма придаёт высказыванию новые смысловые оттенки.

© Борейко Т.С., 2014

О ЯЗЫКОВОМ СТАТУСЕ И РЕЧЕВЫХ СВОЙСТВАХ ФРАЗЕОСХЕМЫ «ЧТОБ + V finit (пр.в.):!»

Аннотация: Настоящая статья посвящена описанию фразеосинтаксических схем современного русского языка с опорным компонентом *чтоб*, которые представляют собой единицы фразеологического уровня языка. Они характеризуются признаками воспроизводимости, устойчивости, структурно-семантической цельнооформленности, идиоматичности и экспрессивности. Данные фразеосинтаксические схемы обладают неизменяемой структурой, служащей моделью для построения аналогичных предложений-высказываний. Они способны выражать не только предметное значение, но и различные эмоционально-оценочные оттенки значения. Их использование в разговорной речи повышает эффективность процесса коммуникации, придает процессу общения непринужденный характер.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология; фразеосинтаксическая схема; фразеологическая подсистема; устойчивость; русский язык.

Одним из наиболее перспективных направлений описания экспрессивных ресурсов языка является разработка теории частной (синтаксической) фразеологии. Синтаксические фразеологические единицы представляют собой важный коммуникативный ресурс современной разговорной речи. В силу асимметрии означающего и означаемого они придают речи особый динамизм, экспрессивность, позволяют говорящему реализовывать разнообразные интенции, а потому обуславливают высокую эффективность процесса коммуникации. Одним из наиболее продуктивных и частотных типов подобных синтаксических конструкций являются так называемые фразеосинтаксические схемы (фразеосхемы).

Фразеосхемы представляют собой самостоятельный класс синтаксических фразеологических единиц [Меликян 2010: 55]. Изучением фразеосхем занимаются такие ученые, как М.В. Всеволодова, И.Н. Кайгородова, В.Ю. Меликян, Н.Ю. Шведова, Д.Н. Шмелев и др. Однако до сих пор описание фразеосхем носит фрагментарный характер, остаются не изученными интегральные и дифференциальные свойства фразеосхем, относящихся к различным группам, не решен ряд важных вопросов теории синтаксической фразеологии.

«Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикатив-

ная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиции, выражающая членимое, понятийное смысловое содержание, т.е. равное суждению, обладающая частичными грамматической и лексической членимостью, проницаемостью, распространяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию» [Меликян 2007: 69-74].

В данной статье будут проанализированы системные и речевые свойства фразеосхемы с опорным компонентом, выраженным союзом *чтоб*. Данная фразеосхема известна системе современного русского языка, однако полноценное и разностороннее ее описание до сих пор отсутствует в лингвистической науке. При этом она отличается высокой частотностью функционирования в разговорной речи, которая обусловлена ее экспрессивностью и соответствием принципу экономии, доминирующему в данной сфере коммуникации.

Фразеосхема «**Чтоб + V finit (пр.в.)!**» является многозначной и выражает следующие значения:

1. «Побуждение (требование) к (не-)совершению какого-л. действия в сочетании с категоричностью, угрозой, наставлением, возмущением и т.п.»:

– *Да я люблю птицу, какой хошь величины и умственности, добуду – и не охну!..* – *Показав Даниле по секрету заветные места, Пахомка приложил к губам кривой палец с чёрным ногтем: – Нишкни! **Чтоб никому ни слова, ни полслова.** – И всхотнул презрительно: – Оне ж, верхогляды, вдаль прут, а че под носом летат, не ведают* (В. Астафьев. Пролетный гусь);

2. «Негативное отношение к кому-, чему-либо (в форме пожелания): неодобрение, возмущение, досаду, осуждение и т.п.»:

*Но Тумаи всё не мог набраться решимости, только бормотал про себя что-то невразумительное и беспомощное. И Костя, наверно, почувствовал недоброе. – Куда вы меня ведёте? – громко, с надрывом спросил парень и остановился. «Ах, **чтоб тебе пропасть, дураку**», – мысленно выругался Тумаи. «Ну что ты с ним сделаешь?» – Слушай, – нетвёрдо сказал он. – Ты – беги!* (В. Быков. Болото).

Фразеосхема «**Чтоб + V finit (пр.в.)!**» является мотивированной. Она образована на основе придаточной части сложноподчинённого предложения со значением изъяснительности, которое является повествовательным (восклицательным) по цели высказывания, например: *[Марья Дмитриевна] велела сказать Лизе, **чтобы она сошла вниз*** (И. Тургенев. Дворянское гнездо).

Обязательный неизменяемый компонент данной фразеосхемы является однокомпонентным: он состоит из одной лексемы *чтоб*, которая в составе производящего сложноподчиненного предложения свободной структуры представляет собой изъяснительный союз и присоединяет к главному предложению придаточное дополнительное. Например: – *Почему, мама, нет ружья на месте?* – *Данила с ним ушёл на охоту. Мясо ребёнку надобно.* – *Мясо, мясо, надобно, надобно, знать ничего не знаю, **чтоб завтра же ружьё на месте было.** Мне его отец подарил. И нечего...* (В. Астафьев. Пролетный гусь).

В составе фразеосхемы союз *чтоб* подвергается полной лексико-грамматической деактуализации, т.к. утрачивает свою синтаксическую функцию в составе простого предложения и приобретает роль структурного компонента, сигнализирующего о вторичном статусе синтаксической конструкции.

Обязательный неизменяемый компонент *чтоб* обладает нулевой парадигмой. Исключение представляет стилистический аспект: *чтобы* – *чтоб* (разг.). При этом основным является стилистически сниженный, разговорный вариант опорного компонента *чтоб*. Например: – *С эдакой сумасбродной что иное и делать! Бурда. (бросая в мужа башмак). **Чтоб тебе и в тартаре места не было.** (Бросив другой башмак в Розмарина.) **Чтобы ты и с невестой своею исчез, и чтобы твоего праха не осталось!** (Ерасту и Розалии)* (А. Сумароков. Взорщица).

Обязательный изменяемый компонент исследуемой фразеосхемы состоит из обязательной (глагольной) и факультативной (именной) частей.

Первый компонент характеризуется нулевой лексико-грамматической парадигмой, т.к. может быть представлен лишь глагольной лексемой, например:

*Ну что ж тут долго разговаривать? Надо понимать: 19-й год, Украина, степь! Сегодня мы здесь, а завтра подошёл к нам батальон с пулемётами, и побежали мы вёрст за двадцать; сегодня мы их шлепаем, а завтра они нас на столб тащат. Одно слово – революция, а революционных мер в ту пору только две было – либо вызовет тебя командир, утюжит, утюжит, наганом по столу стучит, а потом и крикнет: или «**Чтоб я твоей рожки не видел!**», либо скажет: «К стенке!» – и пойдёт вон из комнаты. Ну и конец тебе тут же, никаких ведь кассаций и апелляций нет, – степь!»* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей).

В аспекте морфологической парадигмы данный компонент ведёт себя по-разному при реализации разных значений. Значение побуждения репрезентируется исключительно формой прошедшего времени

изъявительного наклонения. При этом факультативный именной компонент имеет форму именительного падежа. Например: «**Чтоб(-ы) + <Pron₁ [N₁> + V finit (п.вр.)!**». Например: – *Спасибо, буду, товарищ министр, – подобрел металл. У парней глаза на лоб полезли. Они пытались понять, шутка это или нет, но министр строго велел: – **Чтоб через пятнадцать минут сто штук хинкали тут, на столе, дымилась!** – указал он глазами на зеркальную поверхность. – И пиво, двадцать литров, холодное, свежее, из бара. Ясно?* (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

Значение негативной оценки реализуется формой прошедшего времени изъявительного наклонения и формой инфинитива глагола: «**Чтоб(-ы) + <Pron₁ [N₁> + V finit (п.вр.)!**», «**Чтоб(-ы) + <Pron₃ [N₃> + V inf!**». Во втором случае именная лексема, называющая субъект действия, приобретает форму дательного падежа. Например:

- *Ну я слушаю его одним ухом, а сам лошадь развьючиваю. Но он, вижу, на мои орехи совсем смотреть не может, но вынужден, потому что индюшек терять не хочет, очень уж у нас в ту пору индюшки были хороши. А писарь ещё сильнее злится на меня. «**Чтоб, говорит, в Чегеме молния повыжигала все ваши орехи! Куда ты мешки разгружаешь? Думаешь, это тебе эндурские голодранцы? Эти совсем бешеные!**»* (Ф. Искандер. Бедный демагог);

- *Швейцар замахал руками. Пиляя отпустил его. Старик зашелся в кашле. – **Чтоб тебе провалиться, ироду!** – выдохнул он. – Я и не разглядел. Тут твой чемодан, будь он проклят!* (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

В потоке устной разговорной речи допускается опущение предикативного компонента конструкции, что обуславливает наличие у него второго структурного варианта, например: – *Даю пять ящичков патронов. Ты слышал, Алибек, – не три, а пять ящичков. – Слышал. – **Но чтоб к первому числу провиант...*** (В. Маканин. Кавказский пленный).

При реализации значения побуждения такой структурный вариант встречается несколько чаще. При реализации значения негативной оценки такие примеры являются крайне редкими. Например: – *Ступай пропадать; отойди да провались! – **Чтоб тебя повело да покорибидо!** – Жихарю словно кто подсказывал, кого из толпы надо покарать покруче, а кому и послабление сделать. – **Чтоб тебе ни всходу, ни умолоту!** – В поле тебе лебеды да в дом три беды! – **Чтоб твой двор заглох, и крыльцо травой поросло, и никто бы к нему дороги не торил!** – Будешь много колдовать – ломается кровать!* (М. Успенский. Там, где нас нет).

Таким образом, варьируемая именная часть обязательного изменяемого компонента имеет ограниченную двумя членами лексико-грамматическую парадигму (**Pron₁ – N₁, Pron₃ – N₃**) и двумя формами – морфологическую парадигму (**Pron₁ – Pron₃, N₁ – N₃**).

Лексическое наполнение обязательного изменяемого компонента свободно, например:

- – *Чем больше обижен, тем более виноват. – Ты разберись тут, Тройников! – приказал Сорокин, строгостью прикрывая свою беспомощность. – **Чтоб через десять минут пробка рассосалась**. Это твой, между прочим, твой орел отличился: чужого бойца увел...* (Г. Бакланов. Июль 41 года);

- – *Стрелять буду! Выдавай, мерзавцы, зачинщиков! – Раздались отрывистые выкрики: – **Чтоб тебе язык внутрь поворотило!** Нет у нас зачинщиков. Мы друг за друга. Мы не супротив государыни, мы супротив злодея-барина* (В. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая).

Порядок следования обязательных структурных компонентов фразеосхемы изменить нельзя, поэтому она характеризуется нулевой структурной парадигмой. Однако встречаются редкие примеры, в которых именная лексема обязательного изменяемого компонента вынесена в препозицию к опорному компоненту, что способствует актуализации её означаемого. Например: *Но вялость слов (как и некоторая ленивость их спора) обманчива – Алибеков прибыл за оружием, а Гурову, его офицерам и солдатам, позарез нужен провиант, прокорм. Обменный фонд, конечно, оружие; иногда бензин. – **Харч чтобы к первому числу. И чтоб без этих дурацких засад в горах**. Вино не обязательно. Но хоть сколько-то водки* (В. Маканин. Кавказский пленный).

Фразеосхема «<Да [А]> **Чтоб(-ы) + <не> + V finit (п.вр.)!**» имеет два факультативных компонента. Первый выступает в начале фразеосхемы и представлен усилительными частицами (**да – а**), например:

- – *У тебя всё получится. Иди скорее домой. – Он почти вытолкнул меня из машины. – **Да чтоб он сдох, этот твой хачик**, – закричала Ленка, когда я рассказал ей о том, что произошло. – Такой кучу денег ему отдать? **Чтоб он сдох!** – Я тут при чём? – сказал я (А. Геласимов. Ты можешь);*

- *К сожалению, Барби понимала язык собак и смутилась. Собаки вели себя, как иностранные туристы в чужой стране, где никто их не понимает, и совершенно не стеснялись в выражениях. Одна из собак прокричала: – **А чтоб ты оказалась в капкане**, сука, где подход твой седьмой муж дядя Тузик!* (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница).

Второй факультативный элемент структуры представлен отрица-

тельной частицей *не*, которая всегда размещается перед глагольным компонентом. Например: – *Ты меня знаешь. Ты вообще в этом деле так, дополнительно. По своей линии соси из него, что можешь, я у тебя доли не прошу, но учти – времени у тебя мало. **Чтоб через две недели копия книжки была у меня!** И рассказ о том, что нашла. – На протяжении разговора майор сидел молча. Когда женщина встала, он тоже вежливо поднялся (М. Гиголашвили. Чертовое колесо);*

Ср.: *Специально разбудили. Тот в одном белье, борода, крестик... говорит: «Давайте сюда! Что там с моим Эшаппаром?» Прочитал и две минуты не мог ничего сказать, только побагровел и сопел, потом говорит: «Дайте карандаш!» – и тут же начертил резолюцию на телеграмме: «**Чтоб духу его в Петербурге не было.** Александр.» И лёг спать. А генерал на другой день в визитке, в брюках пришёл прямо на репетицию (М. Булгаков. Театральный роман).*

Фразеосхема с опорным компонентом *чтоб* достаточно часто подвергается распространению своей синтаксической структуры в речи. При этом количество распространяющих элементов ограничено. В высказываниях со значением побуждения, как правило, такие распространители представляют собой временные или локальные конкретизаторы предмета речи. Например: *Мариша слушала вроде бы спокойно, потом яростно блеснула тёмными глазами и хрипло произнесла только одно слово: – Убирайся! – И уйду! – проревел зять, не попадая в рукава дублёнки. – Только ты меня и видела, цыпочка! – Он с грохотом собрал свои вещи, вызвал отцовского шофёра: – **Чтоб через пять минут, Петрович, был на Беговой!** – Выбежал не простясь, хлопнул дверь. В разгар ссоры они с Людой попробовали было вмешаться: «Ну что вы, ребятки, разве так можно? Давайте спокойно поговорим!» (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве).*

Высказывания со значением негативной оценки чаще подвергаются распространению, при этом набор распространителей здесь гораздо шире, например:

- – *Лежи, не шевелись. Вдруг у тебя сломан позвоночник. – Я приподнялся на правом локте. – **Чтоб он сдох этот твой Рыжик!** Пристрелите его. Или отправьте на живодерню. – Подожди, не вставай! (А. Геласимов. Год обмана);*

- *По-дедушкиному выходит, что абрек, то есть герой и мститель, хуже какого-то хозяйчика. – Да ты сам видел когда-нибудь абреков?! – кричу я ему. С дедушкой я говорю почти как с равным, словно чувствую, что мы с ним на одинаковом расстоянии от середины жизни, хотя и по разные стороны от неё... – **Чтоб ты столько коз имел, сколько добра они у меня пережрали,** – отвечает дедушка, не*

отрываясь от своего дела. – Да на чёрта мне твои козы! – злюсь я. – Ты лучше скажи, за что ты не любишь абреков? – А почему они у меня сарай сожгли? (Ф. Искандер. Дедушка).

Высказывания со значением негативной оценки допускают полные повторы фразеосхемы, например:

• *Больше того: он их так не отпустит. Рассерженный, он велит обоим солдатам заняться песком: пусть-ка они честно потрудятся – помогут во дворе. «Кррругом – арри! **И чтоб разбросали ту гору песка у въезда. И чтоб песок по всем дорожкам!** – к дому и к огороду – грязь всюду, мать её перемать, не пройдёшь!» (В. Маканин. Кавказский пленный);*

• *Алина сидит потупившись, мама нервно стряхивает со стола крошки, Мышки нет. Мышка где-то тихонько плачет, она совсем не может выносить, когда мама на нее сердится. Динка чувствует себя виновницей всего, что произошло. «**Чтоб он пропал, мой несчастный язык,** – думает она, – **чтоб он распух так, чтобы не повернулся больше во рту!** Вот намажу его медом и выставлю пчелам – небось тогда уж не забормочет что попало! Лучшие уж, правда, было рассказать про трех старушек. Пусть бы они сами между собой столкнулись (В. Осеева. Динка).*

Фразеосхема с опорным компонентом *чтоб* обладает всеми фразеологическими свойствами: воспроизводимостью, структурно-семантической устойчивостью и целостностью, идиоматичностью, экспрессивностью и разговорной стилистической маркированностью.

Остановимся на анализе признака идиоматичности, который во фразеосхеме «**Чтоб + V finit (пр.в.)!**» обладает разнообразными проявлениями. Например: – *Не пойду, – еле слышно сказал Лютиков и встал. – А ты не рассуждай и выполняй приказание. Кругом, шагом марш. **Чтоб через час ты был в санроте.** – Лютиков ничего не сказал, только посмотрел на меня исподлобья, неловко повернулся, споткнувшись о валяющиеся на полу дрова, и вышел. – А ты, Терентьев, мотай к Казаковцеву и передай ему мое приказание (В. Некрасов. Рядовой Лютиков).*

Данная фразеосхема выражает следующий коммуникативный смысл: «Через час будь в санроте» + «высокая степень категоричности выражаемого побуждения (приказ), возмущение, негодование, негативное отношение к собеседнику и т.п.». Сравнительный анализ означающего и означаемого данного высказывания позволил выявить целый набор смысловых элементов, которые формально не выражены и прямо не эксплицированы лексическими компонентами, входящими в его структуру. Идиоматичными здесь являются семы «побуждения»,

«высокой степени категоричности» («интенсема»), «негативного отношения к предмету речи» («возмущение, негодование и т.п.»), «разговорности» (в составе производящего сложноподчинённого предложения придаточная часть является стилистически нейтральной) и «экспрессивности».

Невыводимым является также синтаксическое значение высказывания, которое по форме представляет собой придаточное предложение, присоединяемое к главному изъяснительным союзом, а на самом деле функционирует в качестве простого предложения фразеологизированного типа.

Кроме того, идиоматична и функциональная сема, т.к. данное высказывание по форме является повествовательным, а его коммуникативный смысл соотносится со значением побуждения.

Фразеосхема с опорным компонентом *чтоб* в значении побуждения в одинаковой степени часто оформляется при помощи восклицательного знака и точки в конце предложения, однако первый является предпочтительным. Например: – *Здесь приемный покой. Сюда больные поступают. Понятно вам, девушка? **Чтоб через пять минут и духу вашего тут не было!** – Сотрудница доела яблоко, ловким броском отправила огрызок в стоящую в углу корзину для мусора и скрылась за дверь в коридор* (А. Житков. Кафедра);

Ср.: – *А вы только из автоматных будок за две копейки брешете, как суки. Мудачье вы, и всё. Когда хотят убить, так не звонят. Так вот, **чтоб через пятнадцать минут ты был там как штык.** Понял? – Дружинников соберёшь? – Не пускай в штаны раньше времени* (Ю. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик).

При реализации фразеосхемы в значении негативной оценки чаще всего ставится восклицательный знак, что, вполне естественно, определяется характером самого значения. Однако допускается и точка. Например: *Поэтому на рынках болталась та самая третья сила, которая все еще не определилась, куда ей приткнуться – к первым или ко вторым. Эта неопределенность нервировала людей. Делала их больными, злыми и некрасивыми. – Да, **чтоб он, ..., сдох, этот Ельцин со своим Чубайсом!** – кричала на весь рынок седая старушка* (А. Геласимов. Год обмана);

Ср.: *Хотя сообразил, что есть прелестный загородный домик у Агриппины. Возле озера. Агриппина вывозит своего сынка на природу. **Чтоб он сдох, негодяй проклятый.** Великовозрастный недоносок! Наверное, без него все могло бы повернуться иначе...* (И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя).

Итак. В системе русского языка выявлена и описана фразеосхема с

опорным компонентом союзного происхождения *чтоб*: «**Чтоб + V finit (п.в.)!**». Она сформировалась на основе придаточной части сложно-подчинённого предложения со значением изъяснительности в результате функционально-грамматической транспозиции.

Данная фразеосхема полисемична и выражает два значения – «побуждения» и «негативной оценки». Частотность их реализации в речи чуть выше у значения «негативной оценки».

Опорный компонент *чтоб* является простым. Он характеризуется наличием нулевой лексико-грамматической, морфологической и лексической парадигм, а также дефектной стилистической парадигмы (*чтобы – чтоб*). Опорный компонент в составе данной фразеосхемы полностью деактуализирован, т.к. не выполняет в составе простого предложения прежней синтаксической функции, и связан с союзом лишь в этимологическом плане.

Основной (глагольный) обязательный изменяемый компонент фразеосхемы обладает нулевой лексико-грамматической парадигмой, т.к. может быть представлен лишь глагольной лексемой. Его дефектная морфологическая парадигма ограничена двумя формами: **V finit (п.вр.) – V inf**. Варьируемая (именная) часть обязательного изменяемого компонента имеет ограниченную двумя членами лексико-грамматическую парадигму (**Pron₁ – N₁, Pron₃ – N₃**) и двумя формами – морфологическую парадигму (**Pron₁ – Pron₃, N₁ – N₃**).

Фразеосхема «**Чтоб + V finit (п.в.)!**» синтаксической парадигмой не обладает. Однако в редких случаях допускается вынос именной лексемы обязательного изменяемого компонента в абсолютное начало предложения с целью актуализации её коммуникативного смысла. При этом выявлены два факультативных элемента структуры, способствующие интенсификации её фразеосинтаксического значения. Кроме того, она достаточно часто распространяется в речи, что компенсируется ограниченным набором таких распространителей.

Фразеосхема с опорным компонентом *чтоб* обладает всеми фразеологическими свойствами: воспроизводимостью, структурно-семантической устойчивостью и целостностью, идиоматичностью, экспрессивностью и разговорной стилистической маркированностью. Её идиоматичность проявляется в невыводимости следующих элементов фразеосинтаксического значения: сем «побуждения» / «негативной оценки», «категоричности» («интенсивности»), «эмоциональности», «разговорности», «экспрессивности», семы синтаксического значения, а также функциональной семы.

В целом фразеосхема с опорным компонентом *чтоб* обладает высоким потенциалом экспрессивности, что предопределяет её особую

коммуникативную эффективность в условиях устной формы разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

Всеволодова М.В. Ён Су Лим. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов. На материале фразеологизмов со значением оценки. – М.: МГУ, 2002.

Кайгородова И.Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка). – Астрахань: АГУ, 1999.

Меликян В.Ю. Фразеосинтаксические схемы с местоименным компонентом в системе русского языка // Русский язык в школе. – 2007. №6. С. 69-74.

Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка // Русский язык в школе. – 2010. № 11. С. 55-61.

Меликян В.Ю. Лингвокреативная функция языка как проявление фундаментальных законов универсума (на примере фразеосхем русского языка) // Вопросы филологии. – 2011. № 2. С. 73-82.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: АН СССР, 1960.

Шмелев Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976.

© Вакуленко Д.А., 2014

И.А. ВАУЛИНА

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81.161.1'373

ББК Ш141.12-31

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ В ВОСПРИЯТИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ЭКСПРЕССЕМЫ

Аннотация: В статье экспериментально верифицируется смысловое наполнение фонетического облика звукосимволической экспрессы в аспекте его способности моделировать понятийное содержание лексемы и вызывать сопутствующие, незвуковые ощущения различных модальностей восприятия.

Ключевые слова: экспрессивность, звукосимволическое слово, психолингвистический эксперимент, языковое сознание.

Одним из важнейших факторов экспрессивности лексической единицы выступает ее звуковое оформление, коннотативная нагрузка фонетического облика слова. В исследованиях фоносемантики экспериментально выявлено, что экспрессивная выразительность звуковой оболочки слова может достигать такой степени, что звукообраз оказывается способным не только подкреплять эмоционально-оценочный ассоциативный контекст восприятия значения, но и приобретать самостоятельную значимость (см. Воронин 1982, Журавлев 1974, 1991 и др.), когда «значения слов практически полностью определяются звукосимволикой» [Гридина 1996: 97]: ср. *жлоб*, *фордыбачить*, *корезить*, *кочевряжиться*, *шкандыбать* и др. Способность звуковой оболочки слова вызывать незвуковые представления обусловлена психофизиологическим механизмом синестемии, который состоит в «различного рода взаимодействиях между ощущениями разных модальностей (реже – между ощущениями одной модальности) и между ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном уровне является **перенос качества ощущения** (либо перенос нервных импульсов), на второсигнальном же уровне – перенос значения, в том числе перенос значения в звукосимволическом слове» [Воронин 1983: 120]. Ярким примером звукосимволической экспрессивности выступает слово *фря*, представленное в Малом академическом словаре со значением «*Прост. пренебр.* Важная особа, персона» [МАС 1999: т. 4, 585]. О диффузности денотативного содержания экспрессы свидетельствует неидентичность его толкования в базовых толковых словарях, выделяющих в качестве дифференциальных сем разные качества (ср., например: «*Прост. Пренебр.* Кривляка, воображала» [Ожегов,

Шведова 1988: 689]). При относительной «размытости», нечеткости понятийного содержания слово обладает устойчивой отрицательно-оценочной коннотацией: *фря* – экспрессивно-сниженная, эмоционально-оценочная характеристика человека. Словарными идентификаторами экспрессивности слова выступают пометы, свидетельствующие о сниженности стилистического регистра (*прост.*) и закреплении за словом пренебрежительной эмоциональной окраски (*пренебр.*).

Экспрессивная выразительность звукового облика лексемы обусловлена его «фонетическим экзотизмом», фонемным составом, противоречащим нормам эвфонии русского языка: коннотативную нагрузку включает в себе «неблагозвучное» сочетание согласных [*фр*] с «редким», отрицательно маркированным звуком [*ф*] в сильной позиции абсолютного начала слова (о фонетическом значении звуков [*ф*], [*ф'*] см. Журавлев 1991). Фонетическое оформление экспрессымы ассоциативно отсылает к звукоподражательным комплексам пейоративной оценки, ср. *фррр*, *бр*, *кря*. При верификации фонетического значения слова с использованием электронной программы ВААЛ (Шалак В.И., 2001) были выявлены параметры, свидетельствующие о высокой степени эмоционального наполнения звуковой оболочки экспрессымы: *плохой, отталкивающий, страшный, шероховатый, угловатый, злой, темный, тяжелый, слабый, тихий, хилый, грустный, тусклый, печальный*. Относительно этимологического источника звуко-символической экспрессивности *фря* в науке существует несколько версий. Согласно одной позиции, обозначенной в словаре Н.М. Шанского, слово является заимствованным из немецкого языка (от *Frau*) и фоносемантический ореол получает под влиянием слов *фрр*, *фифа*, *фелефа*, *фуфыра* и т. п. [Шанский, Боброва 2004: 683], а также с учетом идиоэтнической экспрессивной окрашенности звуков и звукокомплексов: в русском языке сочетание [*фр*] обладает устойчивой отрицательной коннотацией. Согласно другой точке зрения, *фря* вышло из диалекта дворни и «застряло в низких стилях устной речи» [Виноградов 2010: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/wordhistory/>]. Согласно данным Национального корпуса русского языка, слово является устаревающим и малочастотным: зафиксировано лишь 40 случаев употребления (в художественных текстах и публицистике), дата последней фиксации – 2000 г.

Таким образом, экспрессивность звуко-символической лексемы *фря* определяется такими параметрами, как выразительность фонетического облика, отрицательная эмоционально-оценочная коннотация, сниженный стилистический регистр.

Для выявления фоносемантических проекций в восприятии слова носителями языка считаем продуктивным использование психолин-

гвистического эксперимента.

Экспериментальная процедура, разработанная Т.А. Гридиной (см. об этом: [Гридина 2006, Гридина, Коновалова 2008]), включает в себя несколько этапов:

I. Первый этап – эксперимент с применением метода прямого толкования, позволяющего установить корреляцию между фонетической значимостью и лексическим значением слова. От испытуемых требовалось объяснить значение слова любым способом, а также предположить, что еще оно может обозначать.

II. Второй этап представляет направленный ассоциативный эксперимент, который нацелен на верификацию смысловой нагрузки звуковой оболочки в аспекте ее способности моделировать понятийное содержание лексемы и вызывать сопутствующие, незвуковые ощущения различных модальностей восприятия. Испытуемым был предложен ряд вопросов: *Какие звуковые и оценочные ассоциации вызывает данное слово? Можете ли Вы представить, какого цвета фря? Какую форму, размер имеет фря? Какова фря на оцупь? Какой вкус, запах может иметь фря?*

В качестве испытуемых были привлечены студенты-магистранты филологического факультета (главным образом, школьные учителя) в возрасте 25-50 лет, представляющие интерес как лица, обладающие высоким уровнем лингвистической компетенции – всего 20 человек.

В ходе эксперимента проверялась **гипотеза** том, что 1) в процессе толкования слова проявятся проекции звукосимволики в лексическом значении слов; 2) фонетическая значимость может не только задавать оценочный вектор восприятия семантики экспрессемы, но и самостоятельно формировать значение слова (денотат), представление о потенциальном денотате.

На первом этапе экспериментального исследования были выявлены следующие тенденции толкования слова.

Семантика экспрессемы считывалась, главным образом, с опорой на коннотации: при толковании испытуемыми делался акцент на отрицательной эмоционально-оценочной окраске, сниженной стилистической маркированности слова при самом общем представлении о денотате: *отрицательная, негативная, сниженная характеристика чего-либо, отрицательная оценка человека*. При этом в качестве актуальных компонентов значения слова для испытуемых выступают семы «высокомерие», «презрительное отношение к окружающим», «глупость при красивой внешности», «наглость»: *дама, госпожа, которая свысока, презрительно относится к окружающим; неприятная, наглая женщина; глупая женщина красивой наружности; на всех*

смотрит свысока. В нескольких ответах приводится экспрессивное звуко-символическое определение *расфуфыренная*, что сигнализирует о считывании респондентами экспрессивной окраски звуковой оболочки слова.

Показательна семантизация слова через экспрессивные синонимы: *выбразуля* (просторечное производное от *воображать*, не зафиксированное в словарях и бытующее исключительно в устной речи), *зазнайка* (Разг. Тот, кто зазнается [МАС 1999: т. 1, 522], оценочное образование от *зазнаваться* Разг. Быть высокомерным [МАС 1999: т. 1, 522]).

Об экспрессивном восприятии слова свидетельствуют и приведенные респондентами контексты: *такая фря, вся такая фря, ну ты и фря; ну и кто твоя новая подруга? эта фря?* Контекстуальными маркерами, актуализаторами экспрессивности стимула выступают указательные местоимения *такая, вся такая, эта*, междометие *ну и* (которое выражает «удивление, восхищение или недовольство, негодование, иронию и другие чувства» [МАС 1999: т. 2, 513]).

Таким образом, в процессе эксперимента проявились различные стратегии толкования: в виде словарной дефиниции, через синонимы, путем постановки слова в контекст. Результаты эксперимента показали, что значения стимульного слова, актуальные для современных носителей языка, намного объемнее и богаче словарного определения (ср. «Прост. пренебр. Важная особа, персона» [МАС 1999: т. 4, 585]).

На вопрос о том, что еще может обозначать слово *фря*, получен широкий спектр потенциальных означаемых: *что-то плохое, то, что не получается, какая-то гадость, вредная кошка, маленькое вредное существо, может обозначать всё, что угодно, выходящее за пределы общепринятых норм; поведение, выходящее за рамки приличия; неухоженная женщина, некорректное высказывание, конфуз, глупая ошибка, ляп, вычурная вещь; предмет интерьера, эксклюзивное бра; разодетая причесанная собачка, салатная краска для волос, чрезмерно ухоженная мадам с элементами силиконовых вставок, неестественно, слишком большая сережка, одна картофелина фри, деепричастие от глагола фритить, животное типа утки, говорящее «фря-фря», подражание голосу животного (ср. кря), звукоподражательный глагол типа бряцать, хрю-хрю, животное, издающее своеобразный фыркающий звук; что-то нецензурное; что за фря происходит сегодня! красно-коричневый червяк, скандальная женщина, продащица в бутике, аббревиатура, род свиньи, жена хряка, загадочное явление, дегенерат, деградирующий человек, фрякушка-побрякушка, строительный мусор, беспольный житель болотной местности, работница столовой.*

Приведенные ассоциаты, бесспорно, экспрессивны. *Фря* для носителей языка – это всё броское, яркое, вычурное, необычное, выходящее за пределы меры, нормы, «за рамки», привлекающее внимание (ср. узкое понимание экспрессивности как интенсивности, как категории, связанной с отклонением от нейтрального, «нормального», стандартного проявления признака, качества): *может обозначать всё, что угодно, выходящее за пределы общепринятых норм; поведение, выходящее за рамки приличия; чрезмерно ухоженная мадам с элементами силиконовых вставок; неестественно, слишком большая сережка; вычурная (вычурный – Излишне затейливый, чрезмерно украшенный [МАС 1999: т. 1, 291]) вещь, разодетая (разодетый – Разг. Очень нарядно одетый) причесанная собачка, скандальная женщина*. Показателями экспрессивности восприятия стимула являются интенсивфикаторы *чрезмерно, слишком, очень, неестественно, за пределы, за рамки*. Об экспрессивности стимула сигнализирует ассоциативно-образный ряд: *предмет интерьера – эксклюзивное бра, салатная краска для волос* (образы показательны в отношении «броскости»).

Эмоционально-оценочное коннотативное наполнение звуковой оболочки лексемы находит отражение в ассоциациях, называющих отрицательные реалии, явления, сопровождающиеся отрицательными эмоциями («разрушительных» образах): *некорректное высказывание, конфуз, глупая ошибка, ляп; дегенерат, деградирующий человек, строительный мусор*; анти-эстетичных образах: *неухоженная женщина, красно-коричневый червяк*. Показательны реакции общей эмоциональной оценки: *что-то плохое, то, что не получается; какая-то гадость*.

В некоторых ассоциациях акцентируется сниженная стилистическая окраска стимула: *что-то нецензурное: что за фря происходит сегодня!* В данном контексте *фря* – концентрат эмоционального отношения говорящего к чему-либо как нежелательному, непонятному, отсылает к жаргонному *фигня*. Характерно, что предложение является восклицательным.

Ряд испытуемых звукокомплекс *фря* связали со звукоподражанием: *животное типа утки, говорящее «фря-фря»; подражание голосу животного (ср. кря); звукоподражательный глагол типа бряцать; хрю-хрю, животное, издающее своеобразный фыркающий звук*.

В отдельную группу выделим ассоциаты, вызванные рефлексией над грамматической природой стимула: одна картофелина *фри* (оказиональное образование формы единственного числа от неизменяемого кулинарного термина), деепричастие от глагола *фритить*.

В процессе присвоения фонетическому комплексу *фря* новых озна-

чаемых проявилась способность звуковой оболочки слова «предопределять» денотат, актуализировать такие параметры семантики слова, как экспрессивная интенсивность, отрицательная эмоционально-оценочная окраска, сниженный стилистический регистр. Направленный ассоциативный эксперимент позволил получить ряд частных характеристик предполагаемого денотата, отражающих *незвуковые ощущения* разных модальностей восприятия, вызванные звучанием экспрессы. Звуковые ассоциации, в основном, представляют собой отзеркаливание фонетического облика стимула: *СРЯ, зря, тля, ноздря, хряк*; звукоподражательные *кря, кря-кря, крякать, фырк*, квазислова *бря, кри, фру-фру*. Ряд звуковых ассоциаций являются междометиями, выражающими эмоциональную реакцию на звуковой облик слова: *бр, фи, фу* (омерзение) *вау* восхищение).

Оценочные реакции, данные на стимул *фря*, представим в виде следующих тематических групп:

- общеоценочные реакции: *неприятная (2), противная (2), негативная, гадкая, дрянь, мерзкая*;
- общая оценка интеллектуальных способностей: *глупая, балда*;
- характеристики поведения и свойств характера: *грубая, резкая, вертлявая, ветренная, взбалмошная, неряха, растяпа, цаца*;
- характеристики внешности: *гламурная, грязная, страшная, лохматая, маленькая, не покрашенная, пьяная, высокая, прилизанная, длинноногая, лопухая*;
- ассоциаты, которые, на наш взгляд, представляют интерес как выражающие общее впечатление респондентов от самого звучания слова: *недоделанная, негармоничная, смешная*.

Мы получили многообразие отрицательных оценочных реакций, отражающих разноаспектную характеристику явления *фря*. Экспресса порождает в сознании носителей языка, с одной стороны, общеоценочные ассоциаты-аффективы со значением крайней степени выраженности эмоционально-оценочной окраски (*противная, гадкая, мерзкая, дрянь*), с другой стороны, многообразие *детальных, конкретно-чувственных* характеристик, которые часто являются полярными, обозначают качества в их крайнем проявлении, например: *гламурная, прилизанная – не покрашенная, грязная, лохматая, маленькая-высокая*, интенсивно выраженные внешние признаки: *длинноногая, лопухая*. Большинство ассоциатов являются оценочно-экспрессивными и содержат в своей смысловой структуре сему «интенсивность»: *балда* (снижено-просторечная экспресса со значением Бестолковый, глупый человек [МАС 1999: т. 1, 57]), *вертлявая* (Разг. Излишне подвижная [МАС 1999: т. 1, 153]), *цаца* (Прост. пренебр. О том, кто важ-

ничает, требует к себе слишком большого внимания, кто доставляет много хлопот и забот [МАС 1999: т. 4, 634], разговорная экспрессема *растяпа* и др.

Цветовая гамма, связанная для носителей языка с *фря*, представляет собой спектр «кислотных», ярких цветов (*яркая (2), преимущественно красная, салатовая, ядовито-зеленая, ядовито-красная*), их сумбурных, контрастных, «диких» сочетаний (*серо-буро-малиновая, сумбурное сочетание цветов, желто-розовая, черно-желтая, цветастая, разноцветная, цветная, пестрая*), что подтверждает не нейтральное восприятие стимула, его воздействие на чувственную сферу. С другой стороны, некоторые испытуемые назвали блеклые, «грязные» тона: *блеклая, белесая, серо-зеленая, грязно-зеленая, серо-коричневая*. Особенности формы *фря* – *угловатая, бесформенная, маленькая бесформенная, аморфная, трясущаяся, желеобразная*. Осязательные характеристики, обозначенные респондентами, связаны, в основном, с неприятными тактильными ощущениями: *колючая (3), шершавая (3), шероховатая, склизкая (2), жесткая (2), скользкая, мягкая, твердая, холодная*.

Запах *фря* испытуемые описали как резкий, приторный, оглушительный: *приторный, сильно пахнет, резкий запах, тяжелый, оглушительный запах духов*, отвратительный: *вонючая, запах сырости, перегоревший запах, болотный запах, запах гнили, тухлый, гнилой запах; неприятный запах*. Вкус – *солёный, противный, болотный, горький*.

Экспериментальные данные подтверждают гипотезу о том, что звуко-символическая оболочка слова обогащает семантику слова целым «веером» дополнительных смыслов, обнаруживает способность самостоятельно формировать конкретно-чувственное представление о дентоте.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронин С.В.* Основы фоносемантики: монография. – Л., 1982.
- Гридина Т.А.* Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2006. № 4. С. 11-24.
- Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество: монография. – Екатеринбург, 1996.
- Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Ономаσιологическая структура слова в свете показаний языкового сознания // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2008. № 6. С. 14-25.
- Журавлев А.П.* Фонетическое значение: монография. – Л., 1974.
- Журавлев А.П.* Звук и смысл. – М., 1991.
- Словарь русского языка: в 4-х т./ Под ред. А.П. Евгеньевой.* – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1999.

© Ваулина И.А., 2014

И.Т. ВЕПРЕВА, А.Ю. ПЕТКАУ

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81.161.1'37
ББК Ш141.12-003

КОНЦЕПТ *ЗДОРОВЬЕ* СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ

Аннотация: Настоящая статья представляет результаты проведенного направленного ассоциативного эксперимента с носителями русского языка с целью выявления и описания метафорического зооморфного образа концепта *здоровье*.

Ключевые слова: концепт *здоровье*, ассоциативный эксперимент, метафора, языковое сознание, зооморфный образ.

На современном этапе научного знания существует широкий выбор методик анализа концептов, предназначенный для решения различных задач и тем самым формирующий «новый полипарадигмальный подход, базирующийся на понимании того, что методология любого исследования по-своему уникальна» [Вепрева 2012: 10]. Выбор методик для исследования абстрактных концептов представляется достаточно трудным, поскольку данные содержательные единицы ментального лексикона не принадлежат к группе конкретных явлений и тем самым вызывают повышенную сложность выявления его структурных компонентов, в особенности – образного компонента, который состоит из «перцептивного образа и когнитивного (метафорического) образа» [Попова, Стернин 2007: 59]. Когнитивный образ состоит из признаков, «формируемых метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления» [Там же].

Концепт *здоровье*, который находится в фокусе исследовательского внимания, неоднократно получал общую метафорическую образную характеристику, см., например: [Мишланова 2002; Полякова 2011 и др.]. Цель нашего исследования – описание образной составляющей концепта *здоровье* через призму более узкого метафорического аспекта – зооморфного⁵ кода культуры⁶, который соотносится «с древней-

⁵ Отметим, в научной литературе образы животных вербализуются с помощью разных обозначений: зоологический [Толстая 2007: 23-31 и др.], анимальный [Пименова, Кондратьева 2011: 127 и др.], зооморфный [Вознесенская 2013: 61-66 и др.] коды культуры.

⁶ В лингвистической литературе коды культуры синонимизируются с метафорами, сферами отождествления в языковых культурах, см.: [Березович 2007: 138]

шими архетипическими представлениями человека» [Токарев 2012: 66] о мире. В настоящей работе представляется интересным обратиться к метафорическому опредмечиванию, что подразумевает под собой «фигуру наделения абстрактного понятия свойствами конкретного объекта (предмета, животного, лица и т.д.)» [Москвин 2006: 109]. Олицетворение абстракций является частью «опредмечивающей силы» [Там же: 110].

Нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент с 70 респондентами⁷ с разным уровнем образования и профессиональной деятельностью. В эксперименте участвовали студенты и аспиранты гуманитарных и технических специальностей Уральского колледжа строительства, архитектуры и предпринимательства, Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, а также сотрудники двух государственных медицинских учреждений г. Екатеринбургa. Возраст опрошиваемых варьировался от 16 до 74 лет. Было опрошено 12 мужчин и 49 женщин, 9 респондентов оставили пустыми графы «пол» и «возраст» в предлагаемой им анонимной анкете.

В рамках направленного ассоциативного эксперимента респондентам предлагалось ответить на вопрос: «С какими животными у Вас ассоциируется здоровье?». В инструкциях к анкете была прописана просьба: «Пожалуйста, не отвечайте односложно». Время для выполнения задания не ограничивалось.

Методика исследования заключалась в выделении когнитивных классификационных признаков, см.: [Попова, Стернин 2007] и дальнейшем ранжировании их яркости по принципу частотности.

Важно отметить, что понятие *животное*, которое трактуется как «живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питаться, в отличие от большинства растений, готовыми органическими веществами» [Шведова 2011: 234], многоаспектно. К данной группе также следует отнести *насекомых* – маленьких беспозвоночных членистоногих *животных* [Там же: 493] и *птиц* – «покрытое перьями и пухом позвоночное животное с крыльями, двумя конечностями и клювом» [Там же: 775].

В фокусе исследовательского внимания оказалась 91 реакция. В основном респонденты охотно отвечали на вопрос, что выражается в выделении ими не одного, а нескольких когнитивных признаков. Между тем, трудность в выделении зооморфного образа концепта *здоро-*

⁷По мнению Л.М. Васильева, «в таком эксперименте для получения надежных данных достаточно участия 60-100 человек» [Васильев 1997: 57].

вье существует: 14 респондентов спустя какое-то время после прочтения вопроса возвращали или пустой бланк, или зачеркнутые ответы с суммирующим ответом «не знаю». Другая часть респондентов давала ответы типа *сложный вопрос, ассоциаций не вызывает, может быть, кошки, поскольку это мои любимые животные* и т.д. Подобные реакции иллюстрируют два момента: в сознании носителей русского языка здоровье сопряжено с положительной семантикой (ср. *мои любимые*), но это и говорит о трудности вербализации образа абстрактного концепта: реципиент имплицитно пытается уйти от ответа на вопрос (и последующего комментария своей реакции) и подменяет задание. Ответ, возможно, дается не на стимул *здоровье – животное*, а на стимул *животное – мое любимое*. Подобные немногочисленные реакции, тем не менее, входили в нашу картотеку ответов, поскольку «незащищенность образов от эмоций определяет их основную «резиденцию» в сознании» [Арутюнова 1999: 318].

Отметим специфику полученных ответов: часть респондентов, несмотря на инструкцию с просьбой не давать односложных ответов, отвечала кратко: *кот; собака*. Другая часть респондентов, напротив, давала развернутые ответы, поясняя свой выбор ассоциации: *пушистая кошка – из рекламы про иммунитет; лев и кошки, так как они имеют свойства лечить людей с помощью языка; собака, потому что прогулки с собакой как моцион перед сном, небольшая физическая нагрузка; животное – бык, потому что говорят «здоров как бык»*. Ответы с комментариями более ценны для исследования, чем односложные, поскольку «образ формируется восприятием, памятью, воображением, накопленными впечатлениями» [Арутюнова 1990: 76] и исследователю важно видеть эту «палитру». В последующих экспериментах подобного типа целесообразнее детализировать вопросительную формулировку типа: *С какими животными и почему у Вас ассоциируется здоровье?* или *С какими животными у Вас ассоциируется здоровье? Дайте краткий комментарий*.

Другой особенностью полученных ответов явилось то, что в основном респонденты фиксировали конкретные номинации зооморфных образов животных, а не их родовую принадлежность. Наши наблюдения соотносятся с результатами исследования Т.А. Гридиной, Н.И. Коноваловой [Гридина, Коновалова 2009: 73-94], которые проводили психолингвистический эксперимент с 20 русскими и 20 турецкими студентами. Информантам предлагалось спонтанно сравнить предъявленную когницию с зооморфной номинацией, например: *коварный как...; хитрый как...; сильный как...* и т.д. Результаты, относящиеся к интересующему нас аспекту, были следующими: у турецких инфор-

мантов наиболее частотным оказалось *родовое наименование хищного зверя*, в то время как у русских символика здоровья представлена конкретными зооморфными образами животных (самый частотный признак *бык*, дальше – *медведь, лев, лошадь* и т.д.), у турецких студентов это только *лев и медведь*, см. об этом [Гридина, Коновалова 2009: 82].

Представим зооморфный образ концепта *здоровье* в виде словесной полевой модели.

В ядро входит когнитивный классификатор *Наземная фауна* с яркостью 70 реакций. Данную группу формируют такие частотные когнитивные признаки как *кошка, гепард, лев, лошадь, бык, слон, корова, собака*. Нами были зафиксированы когнитивные признаки с единичными реакциями: *кенгуру, коза, лань, лиса, олень, черепаха* и др. По мнению В.В. Красных, зооморфный код представляет собой «совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных» [Красных 2002: 296]. Современные носители русского языка обращаются к олицетворению здоровья посредством упоминания образа домашних животных – кошек и собак, по всей видимости, не случайно. Так, по мнению И.В. Захаренко, к образу собаки часто апеллируют при характеристике «человека, не сидящего на месте, постоянно занятого, загруженными делами» [Захаренко 2004: 154]. Возможно, респонденты, обращаясь к этому образу, пытались аспектально выразить, что здоровый человек всегда активен, трудоспособен. Образ кошки может характеризовать человека, «отличающего живучестью, умеющего приспособливаться к новым условиям, справляться с любыми ситуациями» [Красных 2004: 96]. Реципиенты, выбирая в качестве реакции это признак, транслируют, скорее всего, следующие атрибуты здоровья: положительные эмоции, хорошую физическую форму, крепкий иммунитет. Когнитивный признак *бык* имеет стойкую ассоциацию с устойчивым выражением: *здоров как бык*. Так, наши респонденты отмечали в своих анкетах: *бык, потому что здоров как бык*. В некоторых ответах реципиенты писали не признак, а целый фразеологизм – *здоров как бык*. Когнитивный признак *медведь* также является эталоном силы, крупного телосложения, «репрезентированные квазиэталом коннотации, материализованные многообразными поговорками» [Токарев 2012: 70] и другими фольклорными сентенциями, например, *Богатый силен, что медведь; Смял, что медведь лапами* и т.д.

Приядерную зону занимает когнитивный классификатор *Морская фауна* с яркостью 8 реакций, с присущими ему когнитивными признаками: *дельфин, морж, кит*. Примечательно, что ни один респондент не выбрал в качестве варианта ответа наименование рыбы. Возможно, это

связано с тем, что рыба ассоциируется с безынициативным, вялым человеком [Шведова 2011: 845], в то время как, например, в «итальянском – pesce (рыба) – человек, отличающийся крепким здоровьем» [Пуцилева 2009: 11].

Ближнюю периферию формирует когнитивный классификатор **Птицы** с яркостью 7 реакций. Наиболее частотный когнитивный признак в этой группе – *дятел*. Отметим, в народном представлении издревле дятел был связан с хтонической природой – олицетворением мощи земли, см. подробнее об этом: [Гура 1997: 1711-715]. Выбор когнитивного признака *гусь* в качестве реакции можно пояснить следующим образом: у этой водоплавающей птицы есть специальные железы, которые выделяют секрет, благодаря которому его перья не намокают, это объясняет основание для таких устойчивых выражений: *как с гуся вода* или *с гуся вода, а с тебя вся худоба* (в значении болезнь). Фразеологизм *Как с гуся вода* обозначает «совершенно безразлично, никак не действует на кого-либо» [Мелерович, Мокиенко 2001: 189]. Возможно, респонденты при выборе данного варианта ассоциировали здоровье с гусем, потому что, если человек здоров, то, как и у гуся, у него любая неприятность «легко, быстро, бесследно исчезает, забывается» [Там же]. Также были зафиксированы признаки *воробей, голубь, куры*.

В дальнюю периферию входит когнитивный классификатор **Насекомые** с яркостью 6 реакций. Наиболее актуализированным признаком в этой группе оказался признак *пчелы*. Образ пчелы соотносится с добрым и полезным, пользуется почтением, см.: [Гура 1997: 448], в фольклорных представлениях «это насекомое наделяется священной, небесной силой» [Брилева 2004: 142]. Кроме того, образ пчелы связан с лечебной направленностью: в современной медицине существует специальный термин – апитерапия – «лечение пчелиным ядом» [Шведова 2011: 17], а мед (продукт деятельности пчел) признан эффективным профилактическим средством. Также зафиксированы единичные реакции: *бабочка, муравей, пиявки, кузнечик*.

Подведем итоги нашим наблюдениям. Зооморфный образ концепта *здоровье* актуализирован в сознании современных носителей русского языка. В ядерную (частотную) группу зооморфного образа входят представители наземной фауны, среди которых по яркости выделяются репрезентативные признаки кошачьих хищников. Мы связываем это с признанными (стереотипными) качествами кошек: пластичностью, гибкостью, живучестью и т.д. Выбирая этот образ, респондент условно переносит эти качества на абстрактное явление – здоровье. Второе место по частотности упоминания занимают представители морской

фауны, на третьем месте – птицы. Пчела как главный репрезентант заключительной группы с признаками насекомых олицетворяет собой существо, продуцирующее мед как вещество, полезное для здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // *Res Philologica: Филологические исследования памяти академика Г.В. Степанова.* – М., Л., 1990. С. 71-88.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. испр. – М., 1999.

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. – М., 2007.

Брилева И.С. Пчела // *Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь: Вып. 1.* – М., 2004. С. 142-143

Васильев Л.М. Методы современной лингвистики. – Уфа, 1997.

Вепрева И.Т. О динамике нормативно-стилистической системы русского языка: методологические аспекты изучения проблемы // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы III Конгресса РОПРЯЛ, 10-13 октября 2012 г. В 2 т. Т. 1.* – СПб, 2012. С. 10-14.

Вознесенская М.М. *Мокрая курица vs. wethen* (о зооморфном коде культуры в русской и английской фразеологии) // *Предварительные материалы. Телиевский круглый стол – ТКС 2013 «Культурная семантика в языке и речи».* С. 61-66. URL: http://iling-ran.ru/beta/conferences /2013_telia. (дата обращения: 03.03.14)

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Национально-культурная специфика зооморфных метафор: экспериментальные данные // *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности.* – Екатеринбург, 2009. № 7. С. 73-94.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997.

Захаренко И.В. Собака // *Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь: Вып. 1.* – М., 2004. С. 152-159

Красных В.В. Кошка // *Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь: Вып. 1.* – М., 2004. С. 95-101

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М., 2002.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: около 1000 единиц. – М., 2001.

Мишланова С.Л. Когнитивный аспект медицинской коммуникации // *Теория коммуникации & прикладная коммуникация: сб. науч. трудов. Вестник РКА. Вып. первый.* – Ростов-на-Дону, 2002. С. 91-98.

Москвин В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. 2-е изд. – М., 2006.

Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение. – М., 2011.

Полякова С.В. Метафорическое моделирование в русском и американском медицинском дискурсе: автореф. дисс...канд. филол. наук. – Пермь, 2011.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, 2007.

Пуцилева Л.Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (на фоне итальянского языка): автореф. дисс...канд. филол. наук. – СПб, 2009.

Токарев Г.В. Образ человека в русской картине мира // Теория языка и межкультурная коммуникация. – № 2 (12), 2012. С. 66-75.

Толстая С.М. К понятию культурных кодов // АБ-60. Сб. статей к 60-летию А.К. Байбурина. Серия «Studia Ethnologica». – СПб, 2007. – С. 23-31.

Шведова Н.Ю. (ред.) Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. – М., 2011.

© Вепрева И.Т., 2014

© Петкау А.Ю., 2014

Е.В. ГЕЙКО

*(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)*

УДК 81.161.1'373
ББК Ш141.12-3

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМПОНЕНТОВ ПРОПОЗИЦИИ ОБОНЯТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются возможности компенсации бедности лексики обонятельного восприятия через метафорический потенциал всех компонентов пропозиции обонятельного восприятия на материале высказываний, содержащих информацию о запахах.

Ключевые слова: пропозиция, базовые компоненты пропозиции, источник запаха, субъект обонятельного восприятия, процесс восприятия запаха, параметрическое / категориальное слово, актуализация / нейтрализация семы, метафорическое переосмысление.

В лингвистической литературе роль обонятельного восприятия в жизни человека считается малосущественной на основании количества обслуживающих подсистему лексем [Башкова 1995; Апресян 1995]. С другой стороны, в работах о связи обоняния с лингвистическими процессами [Lawless Н.Т., Engen Т. 1977] отмечается сравнительно слабая связь обоняния с вербальными процессами. Указывается, что при идентификации запаха трудности возникают не столько из-за несовершенства обонятельной системы человека, сколько из-за трудности извлечения названия запаха из памяти [Desor J.A., Beauchamp G.K. 1974]. На основании проведенного исследования [Гейко 1999] можно доказательно говорить о существовании языковых средств и способов, компенсирующих в речи бедность лексики обонятельного восприятия. В частности, компенсация возможна в связи с происходящими в языке процессами метафоризации.

Наиболее полное описание лексических переменных, обозначающих компоненты семантической структуры обонятельного восприятия, возможно только на материале высказываний, где происходит актуализация языковых единиц. Типичное высказывание содержит **пропозицию** отображаемой в нем объективной ситуации. Монопропозитивный диктум высказываний, содержащих информацию о восприятии запахов (ВИЗов), представлен следующими базовыми компонентами: 1) объект восприятия (субстанция – предмет или пространство – среда), то есть источник запаха (ИЗ); 2) лицо, воспринимающее запах, то есть субъект восприятия (СОВ); 3) процесс восприятия или движения запаха; 4) факультативными компонентами в структуре высказываний

с общим значением восприятия запаха могут быть различные определители при любом из названных базовых компонентов. **Все компоненты данной пропозиции реализуют в речи метафорический потенциал.**

И. В ВИЗах есть номинации, участвующие в качестве компонентов как в семантической структуре аналитических предикатов, так и в семантических структурах ИЗ. Это категориальная параметрическая лексика. Словарь этой предикатной лексики представлен ограниченным списком прямых номинаций (*запах, аромат, благоухание, благовоние, смрад, зловоние, дух, дых, душок, запахок, вонь, амбре, псица, собачина, перегар, затхлость*). Категориальная параметрическая лексика с номинацией запаха имеет полевое устройство. Представляется возможным выделить шесть ступеней периферийной (по отношению к ядру – «запах») лексики, где с первой по пятую ступени можно говорить об усилении дифференциальных признаков интенсивности запаха. На шестой ступени можно говорить о спецификации номинаций, в которых сильны коннотативные элементы (в том числе образность): (*слышится довольно плотный букет махорки, ... катящимися с гор упругими духовитыми волнами сосняка ...*). Например, очень интересным на материале ВИЗов в рекламном дискурсе представляется переход профессиональной лексики в образно-экспрессивную. Такие номинации, как *нота, оттенок, композиция, гамма*, являющиеся терминами в области парфюмерной промышленности, в контексте рекламных высказываний приобретают образность, связанную с восприятием запаха как музыки. Этот номинативный терминологический ряд, становясь образным, рождает целую парадигму образных номинаций, связанных с музыкой (*гармония пряностей; ... аромат... дополняется... бальзамической нотой...; обладает цветочным запахом с оригинальным фантазийным оттенком; благодаря своей богатейшей гамме, изобилующей фруктовыми и цветочными нотами; необычные композиции зовущими ароматами; с ними сливаются аккорды, состоящие...*). В номинациях, подобных таким, как *волны, настой, букет, дыханье*, в ситуации обонятельного восприятия актуализируется смысл «запах». Таким образом, границы поля расширяются за счет метафорических номинаций, в которых актуализируется смысл «запах».

ИЗ в речи манифестируется как лексико-грамматическим средствами, имеющими прямые лексические значения для экспликации заданного ИЗ смысла, так и средствами косвенных номинаций. Прямыми номинациями ИЗ считаем те лексемы, в которой сема «запах» является центральной, ядерной (вонь, запах), и те, которые обозначают предмет/субстанцию, свойство пахучести для которой – природная черта, в

семантической структуре которой тоже есть абстрактная (категориальная) сема «запах», что можно доказать, в большинстве случаев, типичными формулами словесных толкований (Сирень – ... кустарник с ... душистыми цветками) или подтвердить чувственным опытом носителей языка (мед, краска, нашатырь и т.п. – обозначения пахучих субстанций, в словарном толковании которых не указано на пахучесть). Все остальные номинации, которые вне ситуации и вне контекста не воспринимаются носителями языка как пахучие, – косвенные. ИЗ может манифестироваться в речи номинациями субстанции – существительными с центральной или периферийной семой запаха, с семой ИЗ, с семой места, где есть ИЗ, с семой возможности вызвать запах к «жизни», с семой отрезка времени (*Из комнаты пахнуло старостью. Пахло зимними каникулами и прудом, заиндевелившими на морозе шинурками от ботинок, коньками*). Семантику запаха существительные приобретают за счет метонимического переноса, когда сема «свойство пахнуть» переносится с номинаций конкретных объектов, обладающих запахами, на слово – понятие. Дифференциальные признаки, организующие этот перечень в своего рода парадигму, можно представить в виде лексико-семантических групп, обозначающих органические и неорганические субстанции (продукты (естественные и искусственные), вещества (естественные и искусственные), растения, предметы, пространства, временные отрезки, природные явления, живые существа. ИЗ может стать все: запахи вызывают и закрепляют в сознании носителей языка широкие ассоциативные связи, часто окрашенные эмоционально.

II. SOB манифестируется в речи лексическими переменными, которые обозначают одушевленное существо прямо (**одушевленные существительные или заменяющие их местоимения, собирательные существительные, специализированные существительные**) или косвенно (метонимически): *Город* задышался от невообразимой вони, Деревня дышала ароматами навоза, свежеспаханной земли). SOB может быть представлен на уровне языкового воплощения двумя лексемами: номинацией воспринимающего лица и партитивом (соматизмом / квазисоматизмом). Соматизмы выступают в роли синкретичного средства: могут входить как в состав аналитического предиката, являясь инструментом SOB (*Он, весь изогнувшись раздувает ноздри*), так и в состав аналитического субъекта, являясь партитивом (аналитическим метонимическим выражением): (*Но вдруг нос его почувствовал запах сушеной рыбы; И душа моя, поле безбрежное, дышит запахом меда и роз*). Номинации органов обоняния представлены в языке как материальные: соматизмы (*нос*), квазисоматизмы (*сердце, нервы, печень*,

зверь, (сидящий в нас) – и представляемые (обоняние, нюх, чутье, душа, эмоции).

III. Словарь глаголов, обслуживающих ситуацию обонятельного восприятия, представлен пятью типами предикатной семантики: 1) глаголы со значением процесса восприятия, так называемые **глаголы обоняния**. Эта лексико-семантическая группа представлена семантической оппозицией **активное, целенаправленное восприятие запаха** (*нюхать, понюхать, обнюхивать, внюхиваться, обнюхиваться нюхаться, принюхаться*; а также глаголы и сочетания слов, которые при нейтрализации основной семы могут обслуживать ситуацию обонятельного восприятия: *вдыхать, втягивать, пожирать*; аналитические предикаты, в семантическую структуру которых входят партитивы: *впитывать всем сердцем /всей грудью/ всем существом, потянуть носом, раздуть ноздри, пробовать ноздрями*) – **результат этого активного восприятия и вообще результат обонятельного восприятия, часто непроизвольного** (*обонять, чують, унюхать*); а также глаголы, которые при нейтрализации основной семы могут обслуживать ситуацию обонятельного восприятия: *слышать, чувствовать, воспринимать, замечать, дышать, ощущать, улавливать, наслаждаться, упиваться, различать, поймать*); 2) глаголы со значением «издавать запах» (*пахнуть, благоухать, ударять в нос, вонять, разить, смердеть*); а также синонимичные им аналитические предикаты (глаголы и глагольные сочетания), которые приобретают данную семантику (издавать запах) лишь в парадигме со значением «издавать запах» при нейтрализации какой-либо семы: *источать, расточать, излучать, издавать, дышать, озонировать, звучать, быть настоящим, возмущать воздух, веять*). Расширение глагольной лексики, обслуживающей ситуацию обонятельного восприятия, можно проследить и в других группах: 3) глаголы со значением движения и положения запаха в пространстве; 4) глаголы со значением воздействия запаха на окружающих / окружающее. В лексико-семантической группе глаголов, передающих воздействие запаха на субъект восприятия, можно выделить следующие подгруппы: **а) глаголы со значением механического воздействия**: от *щекотать* до *валить с ног* и *обволочь, шарахнуть, пальнуть*; **б) глаголы со значением психического воздействия**: *успокаивать* через *тревожить*, *кружить голову*, *чаровать* до *клонить ко сну*, *вселять надежду*, *поражать*; **в) глаголы со значением отношения к запаху**; **г) глаголы со значением механического взаимодействия**: *сливаться, заглушать, поглощать, сменяться, вобрать*. Таким образом, каждая из выделенных лексико-семантических групп представлена либо как семантическая оппозиция, либо как семантическая

градация. Словарь глагольной лексики выстраивается с учетом лексем, которые при нейтрализации основной или актуализации периферийной семы, то есть при реализации метафорического потенциала, могут обслуживать ситуацию обонятельного восприятия.

IV. Поскольку ситуация обонятельного восприятия субъективна, она потенциально оценочна. Оценка запаха формируется не только как негативная – положительная. Запах оценивается как физическая субстанция по самым разным параметрам: 1. Запах как физическая субстанция, характеризуясь по **силе**, в языке поддается градуированию. В этом случае можно говорить об имплицитном градуировании (сильный запах – относительно более слабого и т.д.) или об эксплицитном градуировании (этот запах сильнее, чем тот) (*И скользит далекий запах травы, пыли, сирени, нагретого камня. Легкий запах вербены улавливался в воздухе (Куприн)*). В подобных высказываниях оценивается сила восприятия запаха субъектом восприятия по шкале от самого слабого *далекий и едва – еле уловимый* через *чуть слышный и слабый, легкий до крепкий и крепкий до першения в горле*. Подобным же образом представлена градация восприятия запаха адвербиальными определителями: *От палуб корабля так смутно тянет дегтем (Э. Багрицкий); Из пещеры ощутимо воняло серой (И. Деревянко)* от незначительного *смутно и чуть-чуть* через *особенно сильно* и, наконец, до *сильно до духоты и будь здоров*. 2. Запах оценивается воспринимающим и по его **концентрации**: а) *Аромат инея и опавшей листвы тонко потянул по стойлам (Куприн)*; б) *...слышится довольно плотный букет махорки (Успенский)*; именно этот жасминовый куст наполнил ее комнату *густым ароматом в прошлую ночь*; в) *...от вязких и тучных запахов посиневшего сена (Распутин)* Лексика определителей, характеризующих запах по концентрации, представляет собой метафорически переосмысленные определители из области характеристик физических субстанций (жидкости, воздуха и т.п.). 3. Отметим, что в языке закрепляется такая характеристика восприятия запаха, как его **стойкость**: а) *Тонкий многоцветный аромат устойчиво держится над садами... (Шолохов)*; б) *где неисходно пахло жестяною полудой (Крест.)*; в) *она переступила порог крохотной комнатухи,... с устоявшимся запахом табачного дыма (З. Каткова)*. 4. Качество запаха оценивается носителями языка через **вкусовые, осязательные, физические, цветовые** ощущения. Речь идет о синестезии Неудивительно использование в языке метафорически переосмысленных определителей из сферы **вкусового** восприятия: *Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание (Тургенев)*; *Сладко пахнет васильками. (Бунин)*; *По буфету пряно пахло этим ночным вокзальным самоваром (Бунин)*;

стоял кислый запах пива...; По кухне распространялся острый и терпкий запах очищенного лука); ощутила солёный запах океана. Интересно отметить и такие определители, которые передают и оценивают восприятие запаха с помощью метафорически переосмысленных **осязательных ощущений**: Влажно пахнут тополя (Ахматова); Зарница осторожно мелькала над Троицким лесом и тепло, сухо пахло дубом (Бунин); В полях сухо и знойно пахнет душицей и полынью, а в лесу овеивает теплой влагой... (В. Язвицкий). В отличие от определителей вкуса и осязания **определители цветообозначения** редко служат для дифференциации запаха. Запах и цвет существенно различны. Сочетание цветообозначения и обозначения запаха всегда парадоксально и создает «семантический взрыв», что обуславливает его экспрессивную силу. Подобные сочетания характерны для художественных текстов, особенно поэтических: розы алый аромат (Ф. Сологуб); лиловый запах шалфея (М. Волошин); и запах совсем особый-какой-то густой, зелёный (Шмелев); Гаврик остановился, вдыхая какой-то синева-тосвицовый запах пороха (Катаев); Этот запах был жёлт, как жёлто было лежавшее на камнях двора... солнце, да, да, жёлтый солнечный запах (Олеша); ...насыпали дом серебристым запахом нафталина (Цветаева) [Кожевников 1980]. В основе подобных сочетаний – перенесение цветового признака с предмета-источника запаха на сам запах.

5. Определители отражают также психологический процесс переживания говорящим обонятельного восприятия, эмоциональную реакцию на это восприятие. Все запахи эмоционально окрашены, и это отражается в языке прежде всего в определителях: ...неизъяснимо грустный запах излучают умерщвленные заморозками травы (Шолохов); От мокрых Аксиньиных волос тек нежный волнующий запах (Шолохов); Слышишь этот меланхолический, чисто осенний запах, и тоскуешь (Куприн); Меня встретил радостный запах новогодней елки; Пугающий запах больницы преследовал меня. Запахи влияют на психику воспринимающего, вызывая различные чувства и состояния: еще пахнет им тревожно и шалёно воздух (С. Никитин); вас касался задумчивый и шемящий запах лесной хвои... (Т. Гэсс); от цветов жасмина исходил пьянящий аромат; ...лепестки которых издают вечером одуряющий запах. Используются определители и из других сфер человеческой деятельности, также метафорически переосмысленные, например, из области этики: ... и потечет по лесу улыбчивый добрый дух от сосны к березе... (Тропольский). б) Запах характеризуется **узнаваемостью**, следовательно, оценивается носителями языка и с этой точки зрения. В подобных высказываниях используются определители, выражающие осознанное отношение к восприятию запаха, квалифицирующие запах

по признаку принадлежности в оппозиции: свой-чужой; знакомый-незнакомый; привычный-необычный – и представленные следующими номинациями: *свой, особый, особенно неповторимый, знакомый, странный, подозрительный, привычный, непривычный, наш-не наш, тот, прежний* и т.д. (*«Не наш запах», – отработовали газовики, приехав по вызову в один из домов Кировского района*)

Результаты предпринятого исследования позволяют говорить о большой значимости обонятельных ощущений для человека, о небезразличности человека к этой объективной реальности окружающей среды и о соответствующем богатом лексико-семантическом своеобразии выделенных высказываний, что доказывает возможности языка компенсировать бедность обонятельной лексики другими разнообразными способами.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. №1.

Башкова И.В. Грамматика восприятия в современном русском языке. Автореферат дис...кандидата филолог. наук. – Екатеринбург, 1995.

Гейко Е.В. Смысловый тип пропозиции и его манифестация в современной русской речи (на материале высказываний, содержащих информацию о запахах). Дис. ... кандидата филолог. наук. – Омск, 1999.

Кожневиков М.А. Необычные сочетания с цветowymi прилагательными // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. – Калинин, 1980.

Desor J.A., Beauchamp G.K. The human capacity to transmit olfactory information // Perception and psychophysics. 16.1974.

Lawless H.T., Engen T. Associations to odors interference. Mnemonics and verbal labeling // G. of Experimental Psychology. 1977. V. 3. № .1.

© Гейко Е.В., 2014

Т.А. ЗУЕВА

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81.161.1'373.2
ББК Ш141.12-316

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ УРБАНОНИМОВ ЕКАТЕРИНБУРГА: ОТ БУША ДО ЧЕРЕПАХИ

Аннотация: В статье характеризуются креативные приемы создания неофициальных наименований различных городских объектов города Екатеринбурга.

Ключевые слова: неофициальный урбаноним, креативные приемы номинации, языковая игра.

Язык современного города в последние годы является объектом пристального изучения лингвистов. Это обусловлено тем, что город порождает множество названий, которые выполняют функцию ориентиров, позволяющих его жителям комфортно чувствовать себя в городском пространстве, кроме того данные названия отражают историю конкретного города и страны в целом, формируют его культурный облик, транслируют вкусовые приоритеты горожан, принимающих активное участие в наименовании различных городских объектов.

Для названия городской топонимии в работах лингвистов используются различные термины (микротопоним, урбаноним, эргоним, эмпороним и т.д.), что во многом обусловлено разнообразием видов именуемых городских объектов: улиц, площадей, переулков, фирм, магазинов, аптек, парков, различных учреждений, памятников культуры. В качестве родового названия для различного рода внутригородских объектов: кварталов, улиц, площадей, бульваров, переулков, набережных, проспектов, мемориальных памятников, театров, музеев, гостиниц, магазинов, отдельных домов и т. п. – современные лингвисты чаще (С.Л. Казакова, Н.В. Подольская, Т.В. Шмелева и другие) используют термин «урбаноним».

Несмотря на активное изучение данного вида топонимов в лингвистических исследованиях (М.В. Голомидова, Т.А. Васильева, Е.В. Какорина, А.В. Суперанская, Т.В. Шмелева и другие), многие вопросы, касающиеся комплексного подхода к описанию этого лингвистического феномена, не получили еще должного освещения.

Объектом нашего исследования являются неофициальные урбанонимы одного из крупнейших уральских городов Екатеринбурга, функ-

ционирующие в разговорной среде (в основном в молодежной), отражающие живую рефлексию современных горожан, их эмоционально-экспрессивное, часто шутовское, ироническое, образное восприятие различных городских объектов, противопоставленные сухим, официальным, часто излишне идеологизированным наименованиям, ср.: ул. *Карла Маркса – Карлуша, Кырла Мырла, Проспект Бороды; памятник Г.В. де Генину и В. Н. Татищеву – Тату, Бивис и Баттхед; ул. Розы Люксембург – Розочка, Розетка.*

В статье выявляются креативные приемы создания различных видов неофициальных урбанонимов г. Екатеринбурга, направленные на разрушение сложившихся официальных номинативных стереотипов (см.: [Гридина, Коновалова 2008, Воробьева 2012]).

Материалом для исследования послужили наблюдения за живой речью горожан, Словарь регионализмов [Попова, Ахунова, Осадчая 2007], Словарь екатеринбуржца: неофициальные названия городских реалий [Клименко 2012].

По характеру номинируемого объекта неофициальные урбанонимы Екатеринбурга можно разбить на следующие группы:

1. Астионимы – неофициальные наименования города Екатеринбурга: *Екб, Ёбург, Ебург, Екат, Катер, Бург.*

2. Хоронимы – неофициальные названия микрорайонов и жилых массивов: *Сортыра – мкр. Сортировки, Вторчик – мкр. Вторчермет, Жебайка – мкр. ЖБИ, Утюг – район улиц Челюскинцев, Восточной, Щорса, Московской, Заречка – мкр. Заречный и т.п.*

3. Годонимы – неофициальные наименования городских линейных объектов: улиц, переулков, проспектов, проездов и т.п.: *Ерема – ул. Еремина, Черепаха – ул. Черепанова, Фреза – ул. Фрезеровщиков, Яшка – ул. Якова Свердлова, Белка – ул. Белореченская и т.п.*

4. Эргонимы – неофициальные названия различных городских объектов: *БУШ / БУ – гостиница «Большой Урал», Дирик – ТЦ «Дирижабль», Колбаса – недостроенное здание городской телебашни, Гармошка – четыре десятиэтажных жилых дома на улице Челюскинцев, 19, 21, 23, 25, Дыра – Дом работников культуры, Копыта – ресторан «Серебряное копытце» и другие.*

5. Мемориальные сооружения – неофициальные названия памятников культуры, парков, скверов: *Каратист – памятник А.С. Пушкину в литературном квартале, Бивис и Баттхед / Тату, Та-тушки – памятник основателям г. Екатеринбурга Г.В. де Генину и В.Н. Татищеву, Варезка – памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса на Привокзальной площади, Огород – Парк культуры и отдыха Уралмаша и другие.*

б. Агронимы – неофициальные наименования площадей города Екатеринбурга: *Пятачок* – *небольшая торговая площадь в центре города*.

Неофициальные урбанонимы, как видно из примеров, отличаются от официальных повышенной экспрессивностью, индивидуальностью, разнообразием номинативных моделей.

Сфера функционирования и современный социокультурный контекст во многом определяет выбор наиболее продуктивных лингвокреативных приемов образования неофициальных урбанонимов г. Екатеринбурга. Реализуя характерную для неофициального онима экспрессивную, оценочную функцию, данные урбанонимы демонстрируют высокую степень лингвистической креативности городских жителей в образовании именных наименований.

Одним из самых востребованных способов образования неофициальных урбанонимов г. Екатеринбурга является метафорический перенос, основанный на внешнем сходстве именуемого объекта: *Гвоздь* – многоэтажный дом на ул. Московской с крышей, напоминающей по форме шляпку гвоздя; *Чуна-Чунс* – фонтан у Свердловского государственного академического театра драмы, имеющий форму большого шара на подставке, напоминающий популярную конфету на палочке; *Колбаса* – здание городской телебашни, продолговатая форма которого внешне похожа на палку колбасы; *Каратист* – памятник А.С. Пушкину в литературном квартале, жест правой руки которого похож на жест отражающего удар противника каратиста; *Огород* – Парк культуры и отдыха Уралмаша, небольшая территория которого и его внешний непрезентабельный вид легли в основу метафорического переноса наименования; *Мавзолей* – здание Свердловского государственного академического театра драмы, внешне напоминающее мавзолей; *Фиги* – памятные знаки, расположенные на северной границе исторического сквера по проспекту Ленина, внешне напоминающие кукиш; *Гармошка* – четыре десятиэтажных жилых дома на улице Челюскинцев, 19, 21, 23, 25, внешне напоминающие раздвинутую гармонь.

Часто при образовании неофициальных урбанонимов используется прием метонимической номинации.

В основу наименования кладется перенос части объекта на целое: *Под варежкой* – памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса на привокзальной площади в виде танкиста с вытянутой вверх рукой в рабочей варежке; *У сапога* – памятник С.М. Кирову у главного учебного корпуса УрФУ; *Копыта* – ресторан «Серебряное копытце» с фигуркой оленя, из одноименного сказа П. Бажова, выбивающего копытами самоцветы; *Проспект Бороды* – ул. Карла Маркса,

названная в честь немецкого социал-демократа, борода которого была характерным признаком его внешности.

Наибольший интерес вызывают характеризующие наименования, отсылающие к прецедентным феноменам: *Гендальф* – памятник «Седому Уралу» на площади Обороны в Парковом микрорайоне, в виде человека, внешне похожего на Гендальфа, мудрого старца, героя популярной трилогии «Властелин Колец»; *Горыныч* – памятник воинам-спортсменам Урала, расположенный на аллее у Дворца спорта на улице Большакова, внешне напоминающий сказочного Змея Горыныча; *Три сестры* – три здания на ул. Донбасской, в которых располагались женские общежития; *Титаник* – здание котельной на ул. Гурзуфской с тремя большими трубами, из которых обычно валит густой черный дым; *Бивис и Баттхед / Тату, Татушки* – памятник основателям г. Екатеринбургa Г.В. де Генину и В.Н. Татищеву, которые внешне напоминают двух неразлучных друзей героев популярного молодежного мультфильма Бивиса и Баттхеда / Тату, Татушки – участницы популярной у современной молодежи вокальной группы две девушки, которые так же неразлучны, как основатели города; *Путинка* – Уральская академия государственной службы, вероятно, выбор названия мотивирован профилем заведения, готовящего специалистов для работы в государственных органах.

Выбор прецедентных имен в качестве неофициальных наименований различных городских объектов, с одной стороны определяется когнитивной базой номинаторов, с другой, транслирует установки молодежной субкультуры, отсылая к образам литературных героев, фамилиям известных политиков, героям популярных молодежных сериалов, звездам шоу-бизнеса, известным брендам.

Большинство неофициальных урбанонимов г. Екатеринбургa отличается оригинальной образностью, в процесс их создания активно вовлекаются «операциональные механизмы языковой игры» [Гридина 2012: 51], свидетельствующие о лингвистической креативности номинаторов, проявляющейся в творческом, нетривиальном подходе к использованию ими знаний о языке.

Наибольшей популярностью при образовании неофициальных урбанонимов г. Екатеринбургa пользуется фонетический код языковой игры, основанный на звуковом сходстве неофициального онима с официальным: *Кырла Мырла* – улица Карла Маркса (неблагозвучность имени с позиций носителя языка); *БУШ* – гостиница «Большой Урал» (аббревиация БУ и омофоническое сближение с прецедентным именем американского президента Буша); *Черепанха* – улица Черепанова (семантическое включение, сопровождающееся усечением производящей

основы, и омофоническое сближение с именем нарицательным черепаха); *Консерва, Чайник* – Уральская консерватория (семантическое включение, сопровождающееся усечением производящей основы, и омофоническое сближение с именем нарицательным консервы и с прецедентным именем русского композитора П.И. Чайковского); *Бил* – улица Билимбаевская (усечение производящей основы и омофоническое сближение с именем американского президента Билла Клинтона); *Дольче Тагана* – вещевой рынок «Таганский ряд» в районе улиц Бебеля и Технической (перефразирование прецедентного имени: известной торговой марки модной итальянской одежды и аксессуаров «Дольче Габбана», выражающее ироническое отношение к низкому качеству продаваемой на этом рынке китайской одежды).

Появление в разговорной речи жителей Екатеринбурга неофициальных урбанонимов обусловлено «здоровой» эмоционально-экспрессивно-оценочной реакцией горожан на официальные наименования городских объектов, которые в силу их «заидеологизированности» часто являются слишком длинными и безликими, поэтому вызывают «отторжение» в языковом сознании современных носителей языка (особенно молодежи), желание противопоставить общепринятому стандарту «живое», креативное имя.

При создании неофициальных урбанонимов г. Екатеринбурга наиболее востребованными оказались такие приемы креативной номинации, как метафора, метонимия, обращение к прецедентным феноменам, языковая игра.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьева Н.А. Фразеологические варианты в свете креативной речевой деятельности диалектоносителей // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2012. № 3. – С. 170-174.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Ономазиологическая структура слова в свете показаний языкового сознания // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2008. № 6. – С. 14-25.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. – 2-е изд. испр. и доп. – Екатеринбург, 2012.

Клименко Е.Н. Словарь екатеринбуржца: неофициальные названия городских реалий. – Екатеринбург, 2012.

Попова Т.В., Ахунова В.Р., Осадчая Т.Н. Словарь регионализмов. – Екатеринбург, 2007.

© Зуева Т.А., 2014

С.В. РЯБУШКИНА

(Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия)

УДК 81.161.1'366

ББК Ш141.12-21

О СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОМ УПОТРЕБЛЕНИИ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Аннотация: Собирательные числительные в современном русском литературном языке представляют собой малочисленную, в пределах первого десятка, лексическую группу. В речи встречаются собирательные числительные для больших количеств, как реализация словообразовательного потенциала нумеральной системы (*одинадцатеро, двадцатеро* и проч.); их использование стилистически маркировано. Расширение сочетаемости собирательных числительных также провоцирует тот или иной стилистический эффект, в частности этот прием применяется при персонификации, при создании художественного образа (рассматриваются сочетания собирательных с названиями животных).

Ключевые слова: имя числительное, стилистика, синтагматика, одушевленность, персональность, активные процессы в русском языке.

Русские собирательные числительные (далее СЧ) в современном литературном языке – это малочисленная группа имен, состоящая из девяти суффиксальных производных на базе количественных числительных (далее КЧ) первого десятка. Обозначая определенное количество предметов как совокупность, как цельно-раздельное множество, СЧ характеризуются избирательной сочетаемостью – преимущественно с лично-мужскими существительными.

Следует отметить, что славянские языки «больше всего отличаются... в отношении собирательно-разделительных числительных» [Супрун 1969: 39] – по их семантике, грамматическим свойствам и особенностям употребления.

Функционирование СЧ в русском языке может сопровождаться стилистическими явлениями разного порядка. Во-первых, частотность СЧ неодинакова в текстах разных типов и стилей, что зависит от стилистических доминант, от тематики, от речевого жанра. Во-вторых, потенциальные СЧ для больших количеств могут реализоваться в тексте в соответствии с коммуникативными потребностями говорящего или же возникнуть под влиянием контекста; их использование создает тот или иной стилистический эффект. В-третьих, узкая сочетаемость СЧ значительно богаче той, что предписывается языковым стандартом, и расширение синтагматики также стилистически значимо.

Рассмотрим подробнее два типа явлений, которые хотя и нарушают кодифицированные правила функционирования СЧ, но регулярно наблюдаются в узусе и не вызывают стилистического протеста: 1) «большие» СЧ, выявляющие словообразовательный потенциал нумеральной системы; 2) сочетания СЧ с названиями взрослых животных, свидетельствующие о семантических возможностях СЧ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЯДА СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Языковой стандарт допускает в литературный язык СЧ первого десятка, но активно используются только СЧ от *двое* до *семеро*: «при прочих равных условиях, лично-количественные *восьмеро*, *девятеро* и *десятеро* нежелательны» [Мельчук 1985: 379]. Ограничения, как представляется, обусловлены прагмасемантически. СЧ обозначают определенное количество лиц как единое целое: люди объединены в группу общей деятельностью или же группа сформирована по какому-то общему признаку. Цельно-раздельное восприятие совокупности ограничивается «магическим числом» 7 ± 2 , большее же количество будет обозначаться, скорее всего, неопределенно – как 'много'.

Но, тем не менее, системных ограничений на образование СЧ для больших чисел не существует, несмотря на то что «они ощущаются просторечными или искусственными» [Супрун 1964: 8]. Заметим, что в близкородственном украинском языке СЧ типа *тринадцятеро*, *двадцяттеро*, *тридцяттеро* образуются свободно [Жовтобрюх, Молдован 2005: 528].

Появление в тексте «больших» СЧ обычно стилистически маркировано. Перечислим некоторые характерные типы реализаций.

1. Прагмасемантически обусловленное употребление – так, единство одиннадцати игроков футбольной команды довольно часто обозначается СЧ: *У меня все еще хуже. Меня не интересуют результаты игры даже тогда, когда все **одиннадцатеро** носят русские фамилии. Очень понимаю ст. Хоттабыча, раздавшего каждому по мячу (<http://helpix.livejournal.com/38328.html>); Но вообще все без исключения были хороши. Данька не худший, во всяком случае. <...> **Одиннадцатеро** хуже* (Гостевая книга итальянского футбола. <http://casavladi.ru/community/gb/comment-page-144>); ***Одиннадцатеро** уже взяли «тройник» – БД, МС и Наполи* (Конкурс Лиги Чемпионов 2011/2012. http://www.eurocups.ru/forum/topic_94/2).

2. Экспрессивная трансформация прецедентного текста – употребление вместо стандартного СЧ, как, например, в следующих контекстах с измененным фразеологизмом *семеро одного не ждут*: *Когда терпение кончилось, мы решили, что **двенадцатеро тринадцатого не ждут** и тронулись в путь* (http://veloservis.ur.ru/p011021_2.htm); *Про-*

шедшую 31 мая акцию на Триумфальной можно назвать по-настоящему инновационной. Господа полицейские зачем-то разделили своими телами пешеходный переход на две части... – и далее следует фотография с места событий с подписью **Одиннадцатью одного не ждут** (<http://onlife.me/2011/06/innovacionnaya-strategiya-31/>). Или же в современном варианте старого выражения *лучше пусть трое судят, чем четверо несут*: ...уж **лучше вас двенадцатью судят, чем, как известно, шестеро несут** (А. Лавринич. <http://www.stihi.ru/2012/07/01/7153>); см. также обсуждение этой фразы на форуме: <http://otvet.mail.ru/question/65132813>.

3. Синтаксически обусловленное употребление – продолжение счетного ряда в градационных контекстах: *Ну, предположим на одну секундочку, что есть в стране человек, вот, **есть**, допустим, в стране один человек или, допустим, **их семеро**, может быть, **их одиннадцатью** (не важно), но есть один человек какой-то или несколько их, которые, ну, совершенно неприемлемы* (В. Уткин. <http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot-evening/812070-echo/>); *Сколько же вас. Ну и много же вас. Вас больше меня раз в сто. <...> Сколько же, сколько же вас? **Двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро** или же вас, уважаемые, **одиннадцатью** и **двенадцатью**, целая большая стена, широкая курганская стена плача?* (А. Салангин. Слово. <http://radiokurgan.narod.ru/slovo/salangin/puteshestvie/puteshestvie.htm>); *Выход нашёлся довольно быстро. Где один производит что-то с относительно редким периодом, там **трое, пятеро или одиннадцатью** будут производить это же гораздо чаще, подумал этот скромный человек* (<http://blin.exler.ru/articles/official/firstpancake/01.shtml>).

4. Стилизации разного рода – как отсылка к тем стратам русского языка, где ограничения на образование «больших» СЧ отсутствуют.

Во-первых, речевая характеристика персонажа – носителя просторечия или диалекта (возможны также украинизмы): *Он [лесничий Антон Некульев. – С.Р.] не говорил о том, что за ним едет еще **шестнадцатью мастеровых**, чтобы не дать разграбить леса, ибо эти леса играли решающую роль в пароходном движении по Волге, – что дан ему и его **шестнадцатерым** мандат расправляться вплоть до расстрелов* (Б.А. Пильняк. Мать сыра-земля. – НКРЯ); *Едем с капустного поля. Подобрали «голосовавшую» тетку, как оказалось, пенсионерку. Стали расспрашивать, как здесь живет. Тетка отвечала довольно враждебно. Всего их в деревне «**тридцатью**», шестеро из этого числа – высланные из города (Л. Нечаев. В некотором царстве); Полегла вся наша рота, **Двадцатью** в степь ушло* (Б.А. Лавренев. Сорок пер-

вый. – НКРЯ).

Во-вторых, стилизация «под старину», в современных исторических романах или в текстах псевдоисторического фэнтези: *Поведали Ивану Молодому: урону русичи понесли всего-то пятерых убитыми, да ранено двадцатеро. А татаровеи набили несчитанно: кому было время считать? (А. Ларин. Тайный офеня); Нас было двенадцатеро... А мы, сыны земли, всегда были сильнее богов, сынов неба... (Ю.А. Никитин. Трое из леса в песках); Уже не один слабый, а двенадцатеро. Придется убивать уже двенадцать детенышей... (Ю.А. Никитин. Кувяя).*

В-третьих, отражение детского словотворчества: *И маленькая Лена спрашивает Евдокию: <...> – Столько много детей? <...> Тут одних девочек десятеро или двадцатеро (В.Ф. Панова. Евдокия. – НКРЯ).*

5. Языковая игра, при которой могут появиться даже сложные и составные СЧ и дENUMеральные наречия: *Я мать двадцать пятерых детей (Comedy Club. ТНТ. 06.07.08); ...их было десятеро, но только одиннадцатеро пошли в атаку! К ним подползли еще двое и в итоге они атаковали магазин с водкой тринадцатером! ...или... Они водинадцатером пошли в атаку! <...> язык наш русский полисинтетичен и универсален – вдвадцатишестером, например... (http://shamanarto.livejournal.com/152017.html).*

СОЧЕТАЕМОСТЬ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ С НАЗВАНИЯМИ ЖИВОТНЫХ

Названия взрослых животных – согласно грамматическим нормам современного русского языка – должны соединяться с КЧ, а их сочетания с СЧ в литературной речи неприемлемы. В украинском и белорусском языках такая синтагматика вполне допустима: «зборня лічэбнікі ўжываюцца... са словамі *гусі, коні, свінні (двое коней – два кані)*» [Кароткая граматыка 2007: 268] (см. также [Жовтобрюх, Молдован 2005]).

Реальное употребление, узус всегда разнообразней, богаче наших представлений о нем и часто предлагает нам подобные «неправильности»: *Он не знает страха. Он съедает на завтрак пятерых быков (К/ф «Астерикс и Обеликс на Олимпийских играх», перевод); Туристы-экстремалы устроили настоящее авторали у границы заповедника «Столбы». Рев мощных машин разбудил троих медведей. Двое ушли в тайгу (Новости. Первый т/к. 25.10.12); Вот идилическая картина: туристка на пляже кормит обезьяну. Но всего через минуту шестеро животных набросятся на нее и начнут кусать и царапать (Постскриптум. ТВ Центр. 06.12.08).*

В художественных текстах эта девиантная синтагматика может использоваться для речевой характеристики героев: [Евсюков:] *Верблю-*

дов шестеро. Как продукт поедим – верблюдов резать будем. Все едино ни к чему (Б.А. Лавренев. Сорок первый); *Ольге на хозяйство даем: корову с теленком симментальской породы, кобылу с лошонком, пятеро овец, свинью английской породы...* (А.С. Макаренко. Педагогическая поэма. – НКРЯ); – *Я дам вам Пэреса! – Бернарда Ивановича? – Именно. Трое людей, трое лошадей, брочка и бензин. Чего еще вам надо?* (В.В. Шульгин. Последний очевидец. – НКРЯ).

Но большая часть контекстов имеет семантическое обоснование. Выделим три типа употреблений.

1. Выбор СЧ связан с тем, что говорящему нужно подчеркнуть значение совокупности, совместности: «Что касается конструкций *три студента* и *трое студентов*, то стилистически они однозначны. Однако в определенных условиях они могут получать разные значения или оттенки смысла. "Сегодня ко мне приходили три студента", – скажем мы, имея в виду три разных визита. Когда же мы говорим: "Сегодня ко мне приходили трое студентов, то здесь речь может идти об одном визите, одном посещении» [Люстрова, Скворцов, Дерягин 1976: 114].

Так, в статье Е. Гончаренко о жизни Московского зоопарка контексты с КЧ и СЧ использованы рядом: *Справа и слева от меня за ограждениями из толстых бетонных столбов стояли слоны. Их было восемь.* «Ну и что? – спросите вы меня. – Слоны – вещь нехитрая. Захотим – завтра пойдем в зоопарк и тоже увидим **восемь слонов**». В том-то и дело, что нет. Никто из посетителей Московского зоопарка не может увидеть **восьмерых слонов**. Всем известно, что в музеях есть запасники. Статуи, вазы, картины скрыты от глаз публики, и видят их только служители. В зоопарке тоже есть много такого, чего посетители не видят (Е. Гончаренко. Звери нашего города // Столица. 27.05.97. – НКРЯ). В контексте с СЧ актуализирована семантика собирательности: увидеть восемь слонов не по отдельности, а одновременно.

Группа животных может быть объединена совместной деятельностью: *А ему удалось оседлать троих львов и прокатиться на них по арене* (Памяти Вальтера Запашного. Т/к «Россия–К». 01.04.13); *Эта собачья перевозка предназначена для шестерых собак* (Планета собак. Т/к «Россия–1». 21.09.13). Последний контекст прозвучал в сюжете об испанских борзых гальго – журналист и хозяин собак рассказывают о них, как о членах семьи, верных помощниках человека, животных прирученных и «очеловеченных».

2. Расширение синтагматики часто обусловлено эстетически – используется при создании художественного образа, при персонафика-

ции животного.

В поведении животных может обнаруживаться нечто человеческое. Например, «*независимые иерусалимские кошки*» в романе-комиксе Д. Рубиной «Синдикат» стали одним из символов Вечного города. Эта тема проходит через все повествование: *По летному полю аэропорта Бен-Гурион, так же, как и по всей стране, свободно разгуливали кошки; ...легион неустрашимых кошек, которых в избытке плодит Иерусалим.* Одна из героинь романа, Рома, «своей неподотчетностью... напоминает... иерусалимских кошек. Те тоже никого не боятся, ни на кого не оглядываются и идут по своим делам, никого не спросясь». И в контексте романа фраза «чем там лакомятся **трое отважных иерусалимских кошек**» звучит вполне органично, даже несмотря на женский род существительного.

Помогает создать образ экспрессивный прием выбора КЧ и СЧ (дабы избежать ненужных ассоциаций и двусмысленностей) в рассказе В. Драгунского «Белые амадины» из цикла «Денискины рассказы»: *И еще из непевчих, но поразительных птиц здесь в больших клетках сидели две попки. То есть два попки. Или нет! Двое попок! Вот. Один был белый, большой, назывался какаду. <...> А второй был кубинский амазон. <...> Он все время на меня смотрел, а я ему улыбался, чтобы он знал, что я ему друг.*

Г. Владимов в повести «Верный Руслан» рассказывает трагическую историю караульной собаки. Когда лагерь был закрыт и заключенные освобождены, собаки по привычке продолжали нести свою сторожевую службу, ожидая очередного конвоя: *Звери были красивы, были достойны... <...> ...пятеро или шестеро собак, не изменивших своему расписанию, никого уже не облаивали и не обскуливали, лишь покорно отсиживали свои часы.* Употребление СЧ здесь также закономерно: собаки, воспитанные людьми, ведут себя как люди, «собираются словно бы для каких-то своих совещаний, часто оглядываясь через плечо и не допуская в свой круг посторонних. Своя была у них жизнь, а в чужую они не вторгались».

Художественный прием «очеловечения» животного характерен для детской литературы. Так, сюжет повести В. Медведова «Баранкин, будь человеком!» построен на различных превращениях героев, и в «муравьиных» главах появляются СЧ: *Мы начали было кувыркаться, но тут я заметил, что из леса, то есть из травы, навстречу нам вышло человек шесть муравьев. <...> – Ты, рыжий, – крикнул я самому здоровому мирмику, – давай один на один! Я тебя вызываю! Рыжий верзила, не говоря ни слова, сделал шаг вперед и раздвинул челюсти. Я размахнулся и изо всех сил двинул его сучком по башке. Мирмик покач-*

нулся и, не издав ни звука, молча свалился на землю. Место сбитого моментально без шума заняли **двое рыжих муравьев**.

3. Названия животных могут использоваться с иной референциальной отнесенностью – для обозначения человека: *А у меня, Мартыныч, в Симферополе двое грызунов, на них зарплата и уходит* (А. Гладилин. Прогноз на завтра. – НКРЯ); *Дербенев, Губарев, у вас вон трое слонов с бревна упали. Марш страховать...* (В. Гулин. Тепурджики в карантине. – НКРЯ). Ср. также контексты с прецедентным феноменом – «крылатой» фразой генерала Лебеда: *...Александр Иванович привел убийственный аргумент: «Двое пернатых в одной берлоге не живут и жить не могут».* В терминологии генерал, конечно, маленько запутался, но фамилия – пригодилась. *А говорили – менять... Символ года* (В. Быков, О. Деркач. Книга века. – НКРЯ); – *Постойте, вы что и с Хрущом собираетесь драться? – Он мне не нравится. Слишком уж похож на меня, а двое пернатых, как говорят генералы у меня на родине, в одной берлоге не уживутся* (С. Осипов. Страсти по Фоме. – НКРЯ).

Как показывают наблюдения, в узуальных сочетаниях с СЧ чаще используются названия больших диких животных или тех «братьев наших меньших», что живут рядом с человеком, иногда как члены семьи: *Дубаиский шейх взял и выпустил на свободу шестерых лошадей* (Сегодня. НТВ. 01.12.09); *В однокомнатной квартире рядом с нею проживают трое ранее подобранных собак* (Вести-Ульяновск. ГТРК «Волга». 24.02.09); *Эмми содержит на ферме шестерых львов, которые бы погибли в саванне* (Т/к «Viasat Nature». 21.02.13).

Эти животные не просто некие одушевленные твари – они своеобразны, у каждого особое поведение и характер, а люди дают им имена и защищают их права. Вспомним, например, недавние события – сюжет о гибели в датском зоопарке львов, прошедший практически по всем новостным телепрограммам и отраженный всеми информационными агентствами. В ряде текстов параллельно используются КЧ и СЧ: *[Ввод сюжета в телестудии:] В зоопарке Копенгагена убили четверых львов. [Начало сюжета:] В зоопарке Копенгагена убили четырех львов* (Вести. Т/к «Россия-24». 26.03.14); *[Название:] В зоопарке Копенгагена умертвили четырех львов, чтобы не мешать другому хищнику создавать новую пару. [В тексте:] Новыми жертвами стали львы: сразу четверо – взрослые и детёныши* (Первый т/к. 26.03.14. <http://www.1tv.ru/news/world/255046>). Конкуренция вариантов связана, вероятно, не только с тем, как был оформлен полученный корреспондентами пресс-релиз. Близость львов к человеку отражается в выборе лексики: *Два пожилых льва и их 10-месячные детеныши*

(ИА «AlterNews». 26.03.14. <http://alternews.com/v-zooparke-kopengagena-ubili-chetveryih-lvov/35467/>); [*Львята*] были недостаточно взрослые, чтобы **самостоятельно постоять за себя** (<http://rusplt.ru/news/v-datskom-zooparke-posle-jirafa-mariusas-ubili-esche-chetveryih-lvov-111340.html>. 25.03.14). В комментариях говорится о правах животных: *...в целом права животных в Европе постоянно расширяются. Дело доходит даже до парадоксальных вещей. Испания, например, признала права крупных человекообразных обезьян на жизнь и свободу, их нельзя использовать в научных экспериментах, телевизионных и цирковых шоу* (Комсомольская правда. 27.03.14. <http://www.kp.ru/daily/26212.4/3096121/>). И в таком контексте выбор СЧ представляется вполне объяснимым.

Итак, нормативные требования грамматик отражают лишь часть узуальных возможностей использования СЧ. Во-первых, потенциальные «большие» СЧ сравнительно легко вербализуются в стилистически маркированном контексте, если говорящему они необходимы. Во-вторых, кодифицированные правила синтагматики СЧ часто нарушаются: узуальная сочетаемость свидетельствует о том, что эта дополнительная характеристика существительных лично-мужского рода постепенно становится признаком одушевленности, распространяясь также на сочетания с названиями животных. Именно так развивалась в истории русского языка категория одушевленности, последовательно охватывая разные словоизменительные классы существительных: от мужского – к женскому и среднему роду, а далее от названий лиц – к названиям животных.

ЛИТЕРАТУРА

Жовтобрюх М.А., Молдован А.М. Украинский язык // Языки мира: Славянские языки. – М., 2005.

Короткая граматыка белоруской мовы. У 2 ч. Ч. 1: Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія. – Мінск, 2007.

Люстрова З.Н., Скворцов Л.И., Дерягин В.Я. Беседы о русском слове. – М., 1976.

Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, sdb. 16, 1985.

Супрун А.Е. Имя числительное и его изучение в школе. – М., 1964.

Супрун А.Е. Славянские числительные: Становление числительных как особой части речи. – Минск, 1969.

© Рябушкина С.В., 2014

С.С. ШЛЯХОВА

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Россия)

О.В. ШЕСТАКОВА

(Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия)

УДК 81'38

ББК Ш104+Ш105.551.5

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОНОМАТОПЕИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: В статье описывается лингвокреативный потенциал ономотопеи на уровне научной терминологии и рекламных текстов. В немецком языке представленные механизмы речетворчества рассматриваются как норма, в русском языке – как аномалия.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность, ономотопея, терминология, реклама, немецкий язык, русский язык

Лингвокреативный потенциал ономотопеи как иконического знака проявляется в ее широком бытовании в русском и немецком языках не только в устной речи и художественных текстах, но и в терминологическом и рекламном дискурсах [Шляхова 2004, 2005; Матасова 2006; Филимоненко 2008; Тишина 2010; Шляхова 2011, 2013; Шестакова 2013].

Материал терминосистем и рекламных текстов немецкого и русского языков привлечен в качестве «полярных» коммуникативных систем: предельно узкая аудитория (термины) и максимально широкая (реклама).

В том и другом случае иконичность (звукоподражательность) языковой единицы не только не требует метаязыкового усилия в восприятии слова, поскольку звук-мотив является естественной обыденной звуковой средой, но и мобилизует способность сознательной деятельности носителя языка в восприятии и понимании этого слова (текста).

В области терминологии лингвокреативный потенциал ономотопеи значительно выше в немецком языке, чем в русском. В немецкой терминологии ономотопея часто формирует значение термина на основе ассоциаций со звучаниями внешнего мира и звуками человеческого тела по модели: звук > действие, сопровождаемое звуком > результат, процесс, вид действия > результат, процесс, вид действия как терминологический процесс > термин [Шляхова 2013].

Технические: 1) *patsch* “звук удара” > *Patschen* “обратная вспышка

во впускном трубопроводе”, *Patschputz* “двухслойная штукатурка”; 2) *knack* “звук треска” > *Knack* “щелчки, акустический удар”; 3) *klick* “клик, щелк” > *Klickfolge* “последовательность коротких импульсов”; 4) *klipp* “звук шелканья, лязг” > *Klippmaschine* “машина для разделки рыбы на клипфиск”, «остеломатель, шасталка», “клипсатор”; 5) *klirr* “звук удара о металлическое, стеклянное” > *Klirrfaktor* “коэффициент нелинейных искажений, клирфактор»; 6) *krach* “звук удара” > *Krachtöter* “подавитель помех, шумоглушитель”; 7) *lecken* “лизать” > *Leckgas* “утечка газа”, *Leckrechnung* “расчёт непотопляемости (судна)”; 8) *hauchen* “дуть, дышать” > *hauchfrei* “свободный от налёта, помутнения или белесоватости”; 9) *heulen* “выть” > *Heulton* “акустическая обратная связь”, *Heulfrequenz* “частота колебаний скорости (звуконосителя)” и др.

Горные: 1) *bremsen* “жужжать”, “тормозить” > *Bremberg* “сортнорочная горка”, “бремсберг”; 2) *schürfen* “царапать, скрести” > *Schurf* “шурф», *schürfen* “вести разведку, шурфовать”; 3) *Stoß* “удар, толчок” > *Stoß* “боковая стенка (выработки), забой”; 4) *Schlag* “удар” > *Schlag* “штрек, сбойка” и др.

Медицинские: 1) *pauken* «барабанить» > *paukender Herztton* «пучечный тон сердца», *Paukenfell* «барабанная перепонка»; 2) *klaff* «гав» > *klaffende Tube* «зияющая евстахиева труба»; 3) *rasseln* «гремять, звенеть» > *Rasselgeräusche* «хрипы»; 4) *pusten* «дуть» > *Pustel* «пустула, гнойник»; 5) *keuchen* «пыхтеть» > *Keuchhusten* «коклюш» и др.

Ботанические: 1) *kratzen* «скрести, царапать» > *Kratzdistel* «бодяк»; 2) *knacks* «щёлк; трах» > *Knackbeere* «земляника зелёная», *Knackbusch* «пузыреплодник»; *Knackmandel* «миндаль обыкновенный»; 3) *pfeifen* «свистеть» > *Pfeifengras* «молния»; 4) *niesen* «чихать» > *Nieswurz* «морозник», «чемерица» и др.

Зоологические: 1) *brumm* «звук жужжания» > *Brummhahn* «тетерев»; 2) *trampeln* «топать» > *Trampeltier* «двугорбый верблюд»; 3) *saugen* «сосать» > *Säugetiere* «млекопитающие»; 4) *heulen* «выть» > *Heulwolf* «койот» и др.

В русском языке большая часть терминов является заимствованиями из латинского, английского, немецкого и других языков. Ср. технические термины немецкого происхождения в русском языке: *бремсберг*, *шурф*, *иток*, *итрек*, *цапфа* и др.

В лингвистической терминологии в области звуко-смысловых соответствий также очевидна тенденция к иноязычности термина. Все чаще термин с «прозрачной» внутренней формой заменяется термином с «затемненным» для обычного носителя языка мотивом номинации: вместо *звукоподражание* – *ономатопея* (греч. *ὀνοματοποιᾶ* «слово-

творчество»), а также *идеофон* (греч. *idéa* «идея», *φωνή* «звук»), *фоносемантика* (греч. *φωνή* «звук», *σημαντικός* «обозначающий»).

Русский язык видит преимущество заимствованных терминов в односторонности, отсутствии связи со словами общенародного языка, четкости выражения сущности специальной информации [Голованова 2011: 63-64].

Русская терминология игнорирует оноματοпею, язык не позволяет ей входить в научный дискурс, оставляя оноματοпею в обыденном пространстве языка. Для других языков формирование термина на основе звукоподражания или специальных слов на основе общелитературной лексики является нормой.

Так, пластиковый конверт для хранения листов англичане называют *punched pocket* (перфорированный конверт), американцы – *sheet protector* (листозащита), а русские – *мультифора* или *файл*. В русском языке очевидно стремление не просто к иноязычности терминам, а к усложнению обыденного: *менеджер по клинингу* вместо *уборщица*, *референт* – *помощник*, *ритейл* – *розничная торговля*, *инновация* – *новшество*, *инвестиция* – *вложение*, *скриншот* – *снимок экрана*, *фудкорт* – *пищеблок*, *кондоминиум* – *совместное владение*, *интерактив* – *взаимодействие* и пр.

Таким образом, лингвокреативный потенциал оноματοпеи в терминологии в русском языке ограничен (скорее, исключение, чем норма), тогда как в немецкой языке иконичность терминов является нормой.

На активное использование звукоподражаний в русском и немецком **рекламном дискурсе** указывают многие исследователи [Nübling 2004; Schmauks 2004; Dürscheid 2003; Бабенко 2003; Емельянова 2007; Кириченко 2007; Сомова 2006; Веревкина 2010; Шестакова 2013; Нуруллова 2013;], однако специальным предметом исследования оноματοпеи в рекламе не являлась. В рекламном дискурсе лингвокреативный потенциал оноματοпеи также значительно выше в немецком языке, чем в русском.

В немецком языке нормой является употребление оноματοпеи

- в прагматонимах: 1) *brumm* «стрекотание насекомых» > средство против насекомых «*Anti Brumm Naturel Pumpzerstäuber*»;
- в эргонимах: 1) *plitsch, platsch* «звук движения жидкости» > школа плавания «*Schwimmschule Plitsch-Platsch*»; предприятие по производству санитарной и отопительной техники «*Plitsch Platsch Sanitärtechnik GmbH*»; 2) *töff* «звук работающего двигателя» > школа вождения «*Fahrschule Töff Töff GmbH*»; 3) *klack* «звук отрывистого удара» > название TV-журнала в интернете «*Klack*»; 4) *klick* «звук удара, клик» > интернет-аптека «*Der gesunde Klick*»; 5) детская передача

«*Toi, toi, toi*»; 6) торговая марка «*Nanu nana!*» и др.

• в звуковом дизайне и брендинге (*Sound Branding, Sound Design*). Такие известные немецкие фирмы, как *Telekom, Audi und Krombacher* имеют свой неповторимый «звук»: телефоны звонят *tididi-di-dim*, реклама машины заканчивается ударами сердца, флейты играют песню о чистом пиве;

• в рекламных слоганах:

1) продуктов питания: *mmm* «звук смакования» > творожок *Exquisa* «*Mmmh... Exquisa, keiner schmeckt mir so wie dieser*»; макаронные изделия *Burk's Nudeln* «*Mmh... die schmecken!*»; сосиски *Hareico* «*Würstchen ... mmh, die schmecken*»; продукция предприятия *Gutfried* «*Mmh... gut... mmh... Gutfried*»; *knick, knack* «звук хруста, треска», *zack* «быстрое, неожиданное и/или интенсивное действие, движение, ср. *auf zack sein* «знать своё дело» > чипсы *Leicht&Cross* «*Hat Biss und macht Krach*»; шоколад *Ritter Sport* «*Knick. Knack. Auf Zack*»;

2) напитков: *brr* «звук удовольствия» > напиток *Brains* «*Brrrrrrrr*»; *plopp* «звук при откупоривании бутылки шампанского», *zisch* «звук шипения» > реклама авиакомпании *Condor* бесплатных спиртных напитков «*plopp zisch perl – Bei Condor gibt's Bier, Wein und Sekt ohne Aufpreis*»; *knick* «звук треска» > детский напиток «*Knick Klick Magic – Das Kindergetränk mit tollem Geschenk*»;

3) мебели: *ruck-zuck* «быстрое и/или интенсивное событие, действие и т. п.» > «*Möbel RuckZuck Qualität zu günstigen Preisen!*»;

4) средств массовой информации: *bums* «звук глухого удара» > реклама газеты *Bild am Sonntag* «*Die neue BamS hat mehr Bums*»;

5) бытовой техники: *knipsen* «целкать» > фотоаппарат *Kodak* «*Ihre Kindheit lebt weiter ... weil jemand knipste*»;

6) автомобилей: *puff* «звук вырывающейся струи воздуха, пара»; *Auspuff* «выхлоп» > реклама автомобиля *Jetex* «*Auspuff mit dem guten Ton*»;

7) фотоуслуг: *schnapp* «звук удара, стук, целк»; *Schnappschuss* «моментальный снимок»; *Schnäppchen* «выгодный по цене товар, услуга и т.п.» > реклама фотомастерской «*Ihre Schnappschüsse für ein Schnäppchen*»;

8) онлайн-услуг: *glotzen* «выпучить глаза, пялиться», *фам.* «уставиться в «ящик», *schnacken* «болтать, трещать», *surfen* «заниматься серфингом»; «*gucken* «глядеть на что-л. с любопытством» > реклама интернет-провайдера в Кёльне «*glotzundschnackundsurfundguckundschnell*» и др.

В русском рекламном дискурсе ономотопеи встречаются не только реже, но и стремятся мимикрировать под иноязычное слово. Употребление ономотопеи в русскоязычной рекламе является, скорее, исклю-

чением, нежели нормой:

- в прагматонимах: торговая марка «*Рыжий Ап*»;
- в эргонимах: журнал «*Ах*»; телепередачи «*Фигли-мигли*», «*Оба-на*»;
- в рекламных слоганах: бульонные кубики «*Галина бланка. Буль-буль*», *М-м-м .. Магги*»; лимонад «*Ш-ш-ш-ш-ш-вепс*», корм для кошек «*Ваша киска купила бы Вискас*»; продукция мясокомбината Микоян «*Ням-ням-ням-ням, покупайте Микоян*», инсектицидное средство «*Рубит. Не жууж-жи*»; *Кху-кху, кхе-кхе, кхо-кхо, кха-кха, кхэ-кхэ* (средство от кашля «Бромгексин») и др.

Немногочисленные примеры ономотопеи в рекламном дискурсе позволяют выявить две тенденции: 1) недолговечность существования (уход с рынка) бренда или торговой марки: торговая марка «*Рыжий Ап*»; журнал «*Ах*»; телепередачи «*Фигли-мигли*», «*Оба-на*»; 2) мимикрия под звучание иноязычной торговой марки.

В слогане «*Галина бланка. Буль-буль*» ономотоп *буль* (звук движения жидкости) гармонично сочетается с *Gallina blanca* за счет аллитерации *Б* и *Л*. Копирайтеры в данном слогане удачно воспользовались испанским *Gallina blanca*, что в переводе означает *кураца белая*.

Можно полагать, что ономотопея *м-м-м* в слогане «*М-м-м .. Магги*» успешно «перекочевала» из известного французского слогана «*М-м-м .. Данон*».

Нетрудно заметить, что «*Ш-ш-ш-ш-ш-вепс*» представляет собой «мимикрию» немецкого названия напитка под русское звукоподражание. Ср. нем. *schwipp* «звук удара по упругому (о воде и т.п.)», нем. *schwippen* «колыхаться, плескаться (о жидкости)». Аллитерация *Ш* и *С* в *Ш-ш-ш-ш-ш-вепс* воспроизводит шипение пузырьков газа, которое усиливается сочетанием *пс* в конце слова. Аналогичные русские ономотопеи *п-ш*, *ш-ш* едва ли годятся для названия напитка.

Таким образом, лишь некоторые русские слоганы с использованием ономотопеи относятся к рекламным «долгожителями»: *Ваша киска купила бы Вискас*, *Галина бланка. Буль-буль*.

Введение в русский дискурс иноязычных ономотопей и звуковых жестов у рекламистов также вызывают большие трудности. Так, в 2007 году Hyundai USA запустил кампанию в поддержку традиционных для конца лета сезонных скидок на автомобили. Кампания, проводимая агентством *Goodby, Silverstein & Partners*, носила название *The Big Duh Sale* (сленговое американское *Duh* используется в речи как язвительный ответ на очевидное высказывание; особую популярность приобрело с выходом мультсериала про Симпсонов: одно из любимых высказываний Гомера Симпсона).

По мнению копирайтеров, *Duh* притягивает внимание, иронизирует над регулярным сэйлом в американском автопроме, который каждый раз подается, как что-то невообразимо новое и доселе невиданное, и придает кампании «забавную изюминку». Кроме того, ключевое слово *Duh* использовалось вместо *ля-ля-ля* в саундтреке к роликам и на промо-сайте. На восемь известнейших композиций («Пятая симфония» Бетховена, «Так говорил Заратустра» Штрауса, «Полет валькирий» Вагнера, увертюра к «Вильгельму Теллю», к «1812», темы из «Розовой Пантеры» и «Миссия: Невыполнима») были сделаны ремейки: хор выступает как оркестр, исполняя голосом инструментальную музыку, используя *duh* как главный и единственный звук. Таким образом, звуковой жест *duh* являлся базовым компонентом этой рекламной кампании.

Русским специалистам по рекламе было предложено адаптировать слоган *The Big Duh Sale* на русский язык [Как российские креаторы... 2007]. В итоге было получено 11 вариантов адаптации и объяснения множества проблем адаптации звукового жеста *duh*:

С. Хачатрян, копирайтер TWIGA:

1) **Фигасе распродажа!** Главная проблема – *duh*. *Duh* – это то же, что наше *пффф*, *кхм* (*хм*, *гм*), но *пффф* получается несколько пренебрежительно, типа *да ладно, что за фигня*, также как и *кхм*. *Вау* мы говорим, но оно не наше. Очевидные *Хм...* или *Гм распродажа* получаются излишне ироничными.

Гомер Симпсон говорит *d'oooh*; его этот *d'oooh* в Штатах все любят, а у нас, уже сколько сезонов идет мультик, не перевели, в фильме тоже не перевели, вербализовав в нечленораздельное мычание. Если исходить из того, что *duh* дух-дух-дух делает машина при зажигании, то стоило бы сказать по-ладовски *дрынь-дрынь-дрынь*, что тоже глупо, потому что *duh-duh-duh* заводятся их автомобили, а наши только *дрынькают*. Машины чаще ассоциируются со звуками типа *двввв*, *бьдъжжжъ*, *вуи*, *вуи*, *вуи*. Поэтому я старался понять *duh* в позитивистском духе *етить-колотить*, *чё творят*, *а!*, или *ба-а-а-тюшки!*, или, как сейчас принято, *жгут сектанты!*...

Вариант **Фигасе!** (*ни фигу себе*, для танкистов) выбран по нескольким соображениям: 1) звучит по-корейски (или -японски, или -китайски), непонятно, в общем, звучит первоначально; 2) звучит также сленгово, как и *duh*; 3) можно поставить на аранжировку тем из «Розовых пантер» и прочих бетховеновских сонат: основной темой берется *гас* (который напеваается вообще круто, как *газ*), а *фи* и *се* будут использоваться по мере необходимости заполнения цезур.

С. Чайкин, копирайтер PRIOR:

2) **Вау, какая большая распродажа!** (*Вау* от коммерческого междометия *wow!*). У гитаристов есть такая примочка, называется «ква-кушка». Она отвечает за то, чтобы гитара издавала звуки, подобные воплям кота <...>. Этим гитарист заметно обогащает звучание своей шестиструнной подруги и, как следствие, становится более востребованным и популярным. А именно этого мы и хотим добиться в нашей истории с Hyundai. Хотя в России будет сложно. Посудите сами. Такого масштабного и регулярного сейла у нас нет, а если что-то похожее и имеется, то это пока еще не достойно иронии. Разве что мизерные скидки вызывают усмешку. Другими словами, нам просто бессовестно меняют условия задачи, но ответ просят получить тот же. Поэтому без лишних реверансов и без тени иронии мы говорим *Вау, какая большая распродажа!*. Слово DUN безболезненно меняем на ВАУ (магия трех букв сохраняется) и преспокойно напеваем себе хочешь «невыполнимую миссию», хочешь «полет валькирий». Получается не хуже. А еще ВАУ можно расшифровать... ну, например, как *Великая Автомобильная Удача*, намекая на удачность покупки машины Hyundai как таковой и на ее сниженную цену. Внимание притягивает, фан кампании придает, а иронию оставим отечественному автопрому *Wow-wow-wow!*

И. Гусевская, старший копирайтер G2:

3) **Большая „да ну“ распродажа** или **Большая „ну да“ распродажа**. Когда мы удивлены или относимся к чему-то с недоверием, то в разговорной речи произносим «ну да» или «да ну». Так что обе версии имеют право на существование. К тому же, вариант «да ну» дает возможность озвучить ролик с широко известным в России цыганским мотивом «*А да ну, да ну, да най, дра да ну да най*».

О. Дюдина, копирайтер G2:

4) **Большая Распродажа Без Ну Да Же**. Поскольку в русском языке нет ничего похожего на DUN (в его лаконичности и однозначной считываемости его смыслов носителями языка), компромисс может быть найден именно в совмещении всех схожих эмоциональных определений подряд. «Ну да», большая, «без всяких там...», большая, «даже ни тени сомнения», какая большая – одновременная игра с несколькими междометиями и частицами. Само звуковое наслоение довольно ритмично, почти рифмуется и легко запоминается, плюс сохранен формальный прием неожиданного внедрения разговорной стилистики.

5) **Большая Распродажа Без Дураков!** Сленговое выражение *без дураков*, как и надо, иронически эффектно передает смысл неоспоримой крутости события и одновременно открывает поле для игры в дальнейшей коммуникации, хотя и довольно жесткой. Могут появиться сопровождающие лайны (и +\)- активности на самой распродаже)

типа *Дуракам вход воспрещен, Убей двух дураков одной покупкой* и т.п. Музыкальная адаптация ролика будет уже неизбежно сложнее – не повторение одного звука, но положенные на музыку какие-то псевдопафосные тексты про дураков и недураков.

6) ***Распродажа куда же больше!*** Просто кажется эмоционально забавным. Хорошо считываемая двойственность – наглое утверждение и явная ирония.

7) ***Большая Распродажа БиБи.*** Абсолютно неадекватный по смыслу вариант, однако работающий на том же формальном приеме. Свободная вариация на тему привлечения внимания за счет неожиданного фонетического акцента – использования детского звукоподражания автомобилю. Идея неоспоримой потрясности и очевидности может быть решена в дополнительной коммуникации, вроде *знают даже дети*. Яркий контраст серьезного события и детского определения создают ироническую огласовку концепции. Простота БИБИ позволит легко использовать его в музыкальной адаптации ролика. Плюс, в этом варианте уже само название раскрывает суть события – автомобильную тему.

Ю. Архангородская, копирайтер G2:

8) ***Большая распродажа! Кто бы мог подумать?***

9) ***Хотите верить, хотите нет. Большая распродажа!***

Нет ничего более невероятного, чем распродажа. Особенно большая. Верить этому смелому заявлению или нет – дело каждого.

10) ***Большая распродажа. Вот это новость!***

11) ***Большие распродажи. Даже не верится!***

Этот эксперимент показал, что естественный для американской рекламной кампании звуковой жест *duh* вызывает невероятное сопротивление русского языка. Все предложенные варианты нельзя назвать удачными и хоть в какой-то степени отражающими задуманную идею кампании *The Big Duh Sale*.

Стилистические нормы русского языка не способствуют использованию ономастических терминов в терминологическом и рекламном дискурсах, тогда как в немецком языке звукоподражания удачно вписываются в терминосистемы и коммерческие названия. Некоторые ономастические термины в немецком языке относятся к стилистически нейтральной лексике (*plitsch-platsch, brumm* и др.), тогда как звукоподражания в русском языке характеризуются ярко выраженной разговорной окраской (*ж-ж, плюх, бултых* и др.). Русские ономастические термины типа *плюх, бултых, хлоп* едва ли возможны в терминах, эргонимах и прагматонимах.

Частотное употребление ономастических терминов в немецких терминологии, эргонимах и прагматонимах можно объяснить их чрезвычайной слово-

образовательной активностью: ср. *schnapp* «звук удара, стук, *целк*»; *Schnappkupplung* «периодически включаемая муфта» *Schnappschuss* «моментальный снимок»; *Schnäppchen* «выгодный по цене товар, услуга и т.п.». Немецкие ономотопеи также легко комбинируются с существительными в начале (*Plitsch Platsch Sanitärtechnik GmbH*), в середине (*Möbel RuckZuck Qualität zu günstigen Preisen!*), в конце (*Schwimmschule Plitsch-Platsch*) названия/текста. Иногда даже графически являются одним словом: *glotzundschnackundsurfundguckundschnell*.

Таким образом, лингвокреативный потенциал ономотопей в немецком языке является нормой, в русском языке – непродуктивным механизмом образования терминов и коммерческих названий.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко Е.В. Стереотипное и окказиональное в лексике современной немецкой рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.

Веревкина Ю.О. Немецкие рекламные поликодовые тексты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2010.

Голованова Е.И. Немецкие заимствования в горнозаводской терминологии Урала (XVIII в.) // Гуманитарный вектор. – 2011. № 4 (28).

Емельянова А.В. Темпоральные частицы в немецкоязычной рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2007.

Как российские креаторы локализуют слоган Hyundai «The Big Duh Sales Event». 2007. URL: <http://www.adme.ru/lokalizaciya/kak-rossijskie-kreatory-lokalizuyut-slogan-hyundai-the-big-duh-sales-event-19945/>

Кириченко Н.В. Экспрессивные средства звучащего рекламного текста: на материале немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007.

Матасова О.В. Звукоподражательные междометия немецкого языка. Фоносемантический и семантико-диахронический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2006.

Нуруллова А.А., Арсентьева Е.Ф. Особенности функционирования ономотопэтических единиц в английском, русском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. URL: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/41.html

Сомова Е.Г. Звуковой параллелизм в радиорекламе // Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Журналистика и медиаобразование в XXI веке. – Белгород, 2006.

Тишина Е.В. Русская ономотопея: диахронный и синхронный аспекты изучения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010.

Филимоненко С.А. Звукоизобразительная лексика в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2008.

Шестакова О.В. Функции ономотопеи в немецкой рекламе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. № 5. Ч. 2.

Шестакова О.В. Универсальное и специфическое в ономотопее: дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь: ПГГПУ, 2013.

Шляхова С.С. Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. – Пермь: ПГПУ, 2004.

Шляхова С.С. «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики. – Пермь: ПГТУ, 2005.

Шляхова С.С., Шестакова О.В. Иконизм немецкой терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. – Вып. 84, № 31(322).

Шляхова С.С., Шестакова О.В. Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. – Пермь: ПНИПУ, 2011.

Dürscheid Ch. Syntaktische Tendenzen im heutigen Deutsch // Zeitschrift für germanistische Linguistik, 2003, Nr. 31.

Nübling D. Die prototypische Interjektion: Ein Definitionsvorschlag // Zeitschrift für Semiotik, Band 26, Heft 1-2/2004.

Schmauks D. Die Visualisierung von Interjektionen in Werbung und Comic // Zeitschrift für Semiotik, Band 26, Heft 1-2/2004.

© Шляхова С.С., 2014
© Шестакова О.В., 2014

А.А. ЮНАКОВСКАЯ

(Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
г. Омск, Россия)

УДК 81.161.1'373/2
ББК Ш141.12-316

ФУНКЦИИ ГОРОДСКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ Г. ОМСКА)

Аннотация: В статье рассматриваются способы образования единиц, употребляемых жителями г. Омска. Материалом для исследования служат собранные в границах города производные слова. Основная цель исследования – выделить словообразовательные функции, используемые массовым носителем языка города, и средства, употребляемые для их проявления. Рассмотрение производных позволяет выделить основные тенденции словообразовательной деятельности жителей города.

Ключевые слова: «язык города», разговорное городское словообразование, словообразовательные функции и средства, словообразовательная деятельность жителей города.

Собираемый в границах г. Омска в течение 25 лет разговорный материал позволяет сделать некоторые наблюдения над реализацией общерусского словообразовательного фонда в устных разновидностях городской речи, социолектах конца XX – начала XXI вв.

В результате *коллективной номинации* (т-н Е.А. Земской) окружающей человека городской действительности «проявляются» словообразовательные предпочтения, отражающие закономерности речевой деятельности жителей конкретного города. В ней представлены *словообразовательные функции* (т-н Е.А. Земской). Это:

Собственно номинативное словообразование, в результате которого «производное создается для наименования реалии, часто новой, или для переименования старой – предмета, действия, признака» [Земская 2007: 8].

В городской разговорной речи для него характерно:

I. Образование производных слов на основе использования словообразовательных средств. Это:

1. Создание имен существительных от глаголов с помощью

а) суффиксов – *ив(о)*, *-ев(о)*, *-ив(о)/-и(л)ов(о)* (а) *гоніво* 'ложь, обман' (мол.) (от мол. *гнать* 'обманывать'), *то́чиво* 'пища' (мол.) (от мол. *точить* 'есть') и т.п., б) *лечево* 'ложь, обман' (мол.) (от мол. *лечить* 'обманывать'), *палёво* 'неудача' (мол.) (от угол. *спалиться* 'попа-

сться') и т.п. в) *винтілово* 'массовое задержание' (мол.) (от *винтити* 'убегать'), *горбілово* 'работа' (воров.) (от *горбатиться* 'заниматься тяжелым трудом') и т.п.);

б) суффикса *-л(о)* (*буділо* 'будильник' (мол.) (от *будить*), *долбіло* 'программа-прозвонщик' (комп.) (от прост. *долбить*), *грызло* 'рот' (от *грызть*) (воров.), *пихло* 'двигатель автомобиля' (автожарг.) (от разг. *пихнуть*), *пыжло* 'человека атлетического сложения' (мол.) (от разг. *пыжиться* 'стараться изо всех сил сделать что-либо');

в) суффикса *-л(а)* (*водила* (прост., автожарг. (от *водить*)), *руліла* 'водитель' (автожарг. (от *рулить*), *кидала* 'мошенник' (воров. (от *кидать* 'обманывать')), *лепіла* 'врач' (воров.), *недріла* 'непорядочный человек' (мол.) и т.п. (ср. общеупотр. *подпéвала* 'тот, кто поддерживает к.-л. из корыстных соображений' от *подпевать*) и т.п.).

2. Активизация использования суффикса *-ня* при обозначении помещения (*карпóвня* 'место сбора опустившихся людей' (от *карп* 'опустившийся человек, бомж'), *козля́тня*, *ментáрня* 'отделение милиции (от *мент*)', *понча́рня* 'место приема пончиков' и т.п. (от имен)), *еда́льня* 'место приема пищи (еды)', *стира́льня* 'место для стирки' и т.п. (от глаголов) и т.п.) (ср. *кофе́йня* 'кафе', *харчевня* 'столовая, кафе, ресторан, закусочная' от *харч* 'еда').

3. Образование рядов имен существительных по существующей модели (а) *корефа́н* 'близкий друг' (воров.) – *дружба́н*, *калифа́н*, *братáн* и т.п. 'друг' (мол.), б) *обща́га* 'общежитие' (прост., мол.) – *барага* 'общежитие' (мол.), *профила́га* 'профилакторий' (мол.), *распола́га* 'жилое расположение' (воен.), *уча́га* 'учебное заведение' и т.п.) и т.п.

4. Сложение слов как из русских (*блат-хата* 'место сбора или проведения определенных мероприятий', *гон-компания* 'объединение людей по интересам', *драп-хохотунчик* 'немодное пальто, не согревающее владельца' (прост.) и т.п.), так и заимствованных составляющих (*бой-френд* (*бойфренд*) 'молодой человек для проведения времени', 'мужчина, временно исполняющий обязанности мужа' (*boy* 'молодой человек', *friend* 'друг, приятель'), *герл-френд* (*герлфренд*) 'подруга, возлюбленная, с которой юноша или мужчина находится в дружеских, сексуальных отношениях, не вступая в брак' (*girl* 'девушка') (ср. русск. *бой-баба*, *бой-девка*) и т.п.).

Анализ собранного материала позволил выделить ряд моделей и суффиксов, используемый при образовании единиц городской речи. Это малопродуктивные и непродуктивные суффиксы общерусского языка при обозначении тех или иных показателей человека. Мертвым назван суффикс *-в(о)* с его вариантами *-ив(о)*, *-ев(о)*, *-ов(о)* со значением объекта и орудия действия, реже продукта действия подает «слабые

признаки жизни» [Виноградов 1972: 108], вымирающим является суффикс *-н(я)* с собирательным значением и для обозначения помещения [Виноградов 1972: 111] и т.п. В случае образования происходит «актуализация словообразовательной структуры» (т-н Е.А. Земской [2007: 167]), становятся востребованными «исконно русские суффиксы», которые раскрывают «нереализованные потенциалы русского языка» [Араева 2009: 94].

При образовании «новых» разговорных единиц прежде всего наблюдается: а) объединение «несовмещаемых» в литературном языке по тем или иным причинам элементов русского языка (*Бабáстая* 'глупая женщина' (ср. *грудастая, носастая, ушастая* и т.п.), *чатлáне* 'общающиеся в *чате*' + (л)ан(е) (ср. *земляне* 'жители земли', *братчáне* 'жители Братска', *куряне* 'жители Курска') и т.п.), б) создание неожиданного значения у производной единицы (*ёльник* 'рот', *подкидьши* 'тот, кто подвозит пассажиров, подкидывает' и т.п.), в) междусловное наложение (т-н Е.А. Земской) (*бáбсы* 'доллары' (*бабки* + *баксы*), *лох-мандéй* 'хитрый человек с внешностью простака' (*лох*+*ман*/мэн+ *прохиндей*) и т.п., г) слияние на основе словосочетаний (*гусегóн* 'обманщик' (от *Гнать гусей* 'обманывать'), *жаргóн* 'аспирин' (от *Жар гнать*) и т.п.).

В разговорной сфере также происходит «освоение» заимствованных единиц в городской речи: *А́нкл-бе́нс* 'негр', *поп-ко́рн* 'популярная музыка' (муз.), *фазéнда* 'дачный участок', *бо́йзы* 'мальчики', *герла́* 'девочка, девушка', *лаки* 'везунчик, удачливый человек', *па́ти* 'вечеринка', *шу́зы* 'обувь, ботинки, туфли' и т.п. Заимствования помимо сохранения исконной формы также попадают под влияние русского разговорного словообразования (*захóлдить* 'оставить файл для адресата' (от англ. *hold* 'хранить'), *ко́ка-ко́листый* 'самый модный', *формат-ну́ть* 'отформатировать', *ха́кнуть* 'сломать компьютерную программу' (от англ. *hack* 'разрубить'), *чу́па-чу́пный* 'простой' и т.п.).

Наблюдается в т.ч. создание производных с помощью совмещения а) русских корней и *вымышленных* или *нерусских* суффиксов (*бандо́с* 'бандит', *бредо́то* 'бред', *досвидо́с* 'до свидания', *попадо́с* 'неприятное положение' (от *попасть* 'оказаться в неприятной ситуации'), *каба́нчо* 'столовая' (ср. *каба́к* → *кабачи́на* 'ресторан'), б) русского и иноязычного корней (*кобелье́ро* 'любитель женщин' (от *кобель* + *кабалье́ро* (исп. *caballero* 'всадник', 'рыцарь' и т.п.).

II. Наполнения «старых» слов новой семантикой (т-н Л.А. Араевой [2009]). Это: *Единицы-реликты*, а) формирующие новые смыслы (*га́чи* 'обувь' (← *гачи* 'брюки' ← *гачи* 'ляжки' (диал.)), *кузово́к* 'сумка' (← *кузовок* 'короб из лыка или бересты'), *фря́* 'человек, думающий преж-

де всего о своей внешности' (← *фря* 'важная особа' и т.п.), б) развивающих традиционные понятия (*ассигна́ции* 'деньги' (← *ассигнация* 'бумажный денежный билет' с 1704 г.), *букли* 'волосы' (← *букли* 'локны' (устар.)), *графьё* 'состоятельные люди' (← *граф* 'дворянский титул'), *империа́л* '15 рублей' (← *империа́л* 'русская золотая монета в 10 рублей, с 1897 г. – в 15 рублей'), *институ́тка* 'студентка вуза' (← *институтка* 'воспитанница, ученица закрытого женского среднего учебного заведения для детей дворян'), *Ка́тенька*, *Ка́тька* '100 рублей' (← царские сторублевые купюры с портретом Екатерины II), *мастеровой* 'хороший работник, руководитель в рабочем коллективе' (← *мастеровой* 'фабрично-заводской работник, ремесленник'), *мешо́чник* 'продавец вещей на оптовом рынке, занимающийся их перевозкой' (← *мешочник* 'человек, занимающийся скупкой, перевозкой и перепродажей продуктов питания' (после революции 1917 г.)), *ура́дник* 'милиционер' (← *урядник* 'в царской России: нижний чин уездной полиции'), *ямщи́чить* 'заниматься частным извозом' (← *ямщик* 'кучер на ямских лошадях') и т.п.

Компрессивное словообразование, которое «служит целям сокращения уже имеющихся в языке номинативных единиц. Оно включает разного рода сокращенные номинации» [Земская 2007: 9]. Они образуются с помощью усечения и грамматического оформления (*би́жа* 'бижутерия' (дизайнер.), *ефр* 'ефрейтор' (воен.), *коменда* 'женщина-комендант в общежитии', *комп* 'компьютер', *ко́нса* 'консерватория' (мол.), *и́нфа* 'информация' (мол.), *сига* 'сигарета' (мол.), *сюр* 'нечто необычное' и т.п.), сложносокращенного способа (*автострада* 'площадка для построения солдат, центральный проход в казарме, коридор' (воен.), *жмуркоманда* 'оркестр, играющий на похоронах' (муз.), *межгород* 'междугородняя телефонная связь', *сисадмин* 'системный администратор' и т.п.), аббревиации (*БИЧ* 'бывший интеллигентный человек', *БОМЖ* '(человек) без определенного места жительства', *ЖД* 'железнодорожный вокзал', *КБ* 'голова' (от *КБ* 'конструкторское бюро') (мол.) и т.п.)

Экспрессивное словообразование, при использовании которого «производное создается для выражения субъективного отношения говорящего, его оценки по отношению к тому, что именуется, или к адресу речи, его микромиру...» [Земская 2007: 9].

В разговорном городском фонде помимо номинаций окружающей действительности представлены антропообразования, в которых отражается восприятие человеком «другого». При этом для разговорных городских разновидностей характерна экспрессивная оценочность, которая формируется в словообразовательными средствами для пере-

дачи субъективно-группового отношения.

При проявлении данной функции возможно использование уже существующих в речи номинаций для усиления существующего значения, который происходит за счет а) присоединения экспрессивного суффикса (*ментя́га* 'милиционер' (от *мент*), *фашистю́га* 'злобный, агрессивный человек', 'сторонник правых взглядов' (от *фаши́ст*) и т.п., б) замены нейтрального суффикса на экспрессивный (*аферю́га* 'юрист, адвокат' (от *аферист* 'человек, занимающийся аферами'), *журналю́га* 'недобросовестный, беспринципный журналист').

При данном «взгляде» на «другого» наблюдается преобладание отрицательных характеристик человека. Основанием для порицания чаще всего является отнесение его к зоне «чужой»: объектом оценки становятся нравственные, умственные и профессиональные и т.п. качества человека.

В «общем» корпусе эмоционально-оценочных единиц, отражающих представление человека о себе и других, существует а) «технический» подход (*диск Д*, *системный блок* 'голова', *монитор* 'лицо', *фа́ры* 'глаза', *рубильник* 'нос', *локáторы*, *нау́шники* 'уши', *кува́лда* 'большой кулак', *колёса*, *поршни* 'ноги', *разва́л схождения* 'кривые ноги' и т.п.), б) «природный» взгляд (*ко́ряга*, *пенёк*, *пе́рец* 'человек', *ранетка*, *ты́ква* 'голова', *ботва́* 'волосы', *ду́пло* 'рот', *быве́нь*, *клык* 'зуб', *клюв* 'нос', *грибы́* 'губы', *лопухи́* 'уши', *кочеры́жки*, *крыло́*, *пру́тики* 'руки', *ла́сты* 'ноги' и т.п.) и т.п. При этом как в «старых» единицах, так и вновь образованных наблюдается метафоризация с внесением дополнительного оценочного значения. Ее источником являются реалии окружающей человека действительности и хорошо ему известные предметы. Наблюдается персонификация/олицетворение окружающей человека действительности с использованием моделей «явления природы → части тела человека», «технические предметы и их части → части тела человека».

«Игровое» словообразование (термин Е.А. Земской [2007: 186]), которое ведет к возникновению номинаций особого типа с использованием различных словообразовательных средств для создания речевых эффектов. Для формирования слоя номинаций, совпадающих фонетически или близких к уже существующим единицам, но имеющих «свое» разговорное значение, используется несколько приемов «переименования» и «переделки». Это: а) дисфемизм (замена эмоционально и стилистически нейтрального значения более грубым, пренебрежительным [ЛЭС 1990: 590]) (*ба́ня*, *деканáт*, *Кремль*, *мавзоле́й*, *о́фис* 'общественный туалет', *кишка́* 'любитель поесть' и т.п.) (происходит пейоративное переименование), б) гиперболизация (любое чрезмерное преувели-

чение) (*амбар* 'рот' (мол.), *бівень* 'зуб' (мол.), *бомбово́з* 'муха' (прост.), *ведро́* 'желудок' (мол.), *вертолёт* 'комар' (мол.), *мартён* 'газовая или электрическая плита', *мустанг* 'блоха, вошь' и т.п.) (представлена «перевернутость» окружающего человека реального мира), в) гротескно-комическое «переименование» исходного образа (т.н. травести) (*дворя́нн* 'бродяга, бомж, живущий во дворах', *коммуни́ст* 'плохой человек', *косто́рв* 'драчун', *нобелевский тупи́к* 'плохо сообщающий человек' и т.п.), г) использование известных фамилий по фонетической ассоциации (т.н. М.А. Кронгауза [2009: 111]) в оценочно-нарицательном смысле (*Борма́н* 'хитрый человек', *Достоёвский* 'надоедливый человек', (*погоня́ть Чайко́вского* 'пригласить на чай' и т.п.), д) придание словам формы фамилий (с помощью типичных суффиксов или иных стандартных компонентов фамилий, созданных на основе какого-л. признака) (термин М.А. Кронгауза [2009: 111]) (*Гото́вченко*, *Кривко́* 'пьяный человек', *Кобринский* 'человек с плохим характером', *Панико́вич* 'человек, легко поддающийся панике', (*дави́ть*) *Храпа́вицкого* 'спать, храпеть' и т.п.), е) намеренное понижение своего статуса в полуофициальных ситуациях (*команди́р*, *шеф* 'водитель такси', *дире́ктор* 'кондуктор' и т.п.) и т.п. Данный пласт вторичных номинаций обладает такими показателями, как *конкретизация* и *эмоциональная окрашенность* [Кронгауз 2009: 112], которые создаются на основе «перевода» в свою социально-групповую сферу номинации и понятия, стоящего за ним.

Итак, анализируя речь жителей города, можно говорить как о сохранении ряда первичных понятий, так о пересмотре фрагментов городской картины мира и их переименовании. При активном «социальном словообразовании» (т.н. Е.А. Земской) наблюдается использование периферийных словообразовательных элементов из упорядоченной устойчивой системы русского словообразования, которые не характерны для ряда моделей. В результате формируется номинация, которая выглядит как случайная аномалия, противостоящая аналогии «нормативного» языка. Происходит также процесс «возврата» единиц из разных исторических периодов в существующую в настоящее время речевую практику, наполнение «старых» слов с новой семантикой, обыгрывание уже существующих единиц.

Таким образом, можно говорить о том, что исследование «языка города» как результата речевой деятельности жителей города возможно со словообразовательной точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

Араева Л.А. Деривационная система повседневности XXI века: хаос – или ассоциативный взрыв устоявшихся стереотипов // Славянские языки и культу-

ры в современном мире. – М.: МГУ, 2009. – С. 93-94.

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М., 1972.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря: В 4-х т. – М.: ТЕРРА, 1994 (СлД).

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина. – М., 2007. – С. 186-193.

Кронгауз М.А. Игровой механизм выбора вторичной номинации // Славянские языки и культуры в современном мире. – М.: МГУ, 2009. – С. 111-112.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990 (ЛЭС).

© Юнаковская А.А., 2014

ТВОРЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Т.В. ГОГОЛИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'23
ББК Ш100.6

КОММУНИКЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОМНИТЕЛЬНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, происходящие в группе коммуникем со значением сомнительности, как проявление лингвокреативной деятельности говорящего. Автор анализирует результаты, полученные им в ходе проведения серии психолингвистических экспериментов на данном материале.

Ключевые слова: Коммуникема, семантика сомнительности, психолингвистический эксперимент, лингвокреативная деятельность говорящего.

В данной статье мы рассматриваем коммуникемы со значением сомнительности, функционирующие в диалогических единствах разговорной речи в качестве ответных реплик-реакций. Под коммуникемой мы вслед за В.Ю. Меликяном понимаем «коммуникативную непредикативную единицу синтаксиса, представляющую собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимую, характеризующуюся наличием модусной пропозиции, нерасчленённо выражающую определённое непонятное смысловое содержание, не воспроизводящую структурных схем предложения и не являющуюся их регулярной реализацией, лексически непроницаемую и нераспространяемую, по особым правилам сочетающуюся с другими высказываниями в тексте и выполняющую в тексте реактивную, волюнтаривную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции» [Меликян 2001а: 80].

Основное значение анализируемых нами коммуникем – значение сомнительности, может осложняться дополнительными семантическими оттенками или эмоциональной реакцией говорящего на слова собеседника. Содержание коммуникем сводится к выражению определённого значения в конкретном контексте, поэтому их коммуникативная значимость проявляется, как правило, только на фоне соответствующих предложений, составляющих речевой контекст:

– *Это комплимент?*

– **Вряд ли.** Ср.: **Едва ли; Вроде бы; Может быть, но...** и т.д.

Для выражения значения сомнительности используются как нейтральные по эмоциональному тону и отбору языковых средств коммуникемы типа *Вряд ли, Едва ли, Может быть, Нужно подумать, Как знать* и др., так и более экспрессивные типа *Нифига, Обломно, Бог знает, Вот еще, Не-а, Ну и что...* и т.д. и т.п.

В диалогических единствах ответные реплики-коммуникемы, образованные модальными частицами (*вроде, вряд ли, едва ли, разве, ну-жели* и др.), вводно-модальными словами (*наверное, маловероятно, может быть* и др.), междометиями (*эм-м, хм-м, ой-ли* и др.), фразеологизированными сочетаниями (*чёрт знает, как бы не так, как сказать* и др.), передающие в диалоговых единствах различные оттенки семантики сомнительности замещают собой целые высказывания – развёрнутые членовые предложения – с их семантикой и эмоциональной окраской и являются специфической формулой ответа, выражающей сомнение говорящего в том, о чём он говорит. Подобные конструкции отличаются наличием эмоционально-семантических оттенков, обозначающихся с помощью выразительных лексических компонентов, контекста и интонации, и способствуют усилению экспрессивности анализируемого нами значения:

Я застонал. Марков приподнялся:

– *Ты жив?* – *спросил он.*

– **Да вроде бы.** *А ты?*

– *Состояние – иду на грозу!... (С. Довлатов).*

По нашему мнению, на фоне соответствующего контекста большинство лексико-грамматических и фразеологических средств со значением сомнительности может стать основой коммуникем, их состав с указанной семантикой за счёт маркёров может быть расширен:

– *Это ваш окончательный ответ?*

– **Едва ли!** (Ср.: *Вроде!; Разве?!; Может быть!; Наверное! Бог знает; Бабушка ещё на двое сказала* и др.).

В словаре В.Ю. Меликяна «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи» [Меликян 2001б] представлен круг коммуникем со значением сомнительности и спектр выражаемых ими семантических оттенков:

БОГ ЗНАЕТ!; БОГ [ГОСПОДЬ, АЛЛАХ, ЧЁРТ, БЕС, ШУТ, ЛЕШИЙ, ПЁС, ХРЕН, ФИГ, ВРАГ, ...] ЕГО [ТЕБЯ, ВАС, ЕЁ, ИХ] ЗНАЕТ [ВЕДАЕТ]; БОГ ВЕСТЬ! Выражение сомнения, неопределённого ответа между утверждением и отрицанием, согласием и несогласием. – *Одно худо: говорят, её муж – чёрт знает, язык не поворачивается на это слово, - говорят, Инсаров кровью кашляет* (Тургенев).

БУДТО! Выражение нерешительного несогласия с оттенком сомнения, неуверенности. – *Опять идёт снег? – Будто.*

ВРЯД ЛИ! Выражение сомнения, нерешительного, мягкого несогласия, отрицания, опровержения. – *Так в Персию?.. А когда вернёшься?.. Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: **Вряд ли!** Да и незачем!* (Лермонтов).

ГМ-М! Выражение сомнения, недоверия, иронии. *Николай Петрович сказал ему, что брат сам себя поранил по неосторожности, на что доктор отвечал: «Гм!»* (Тургенев).

ЕДВА ЛИ! Выражение сомнения в возможности, допустимости чего-л.; – *Завтра придет? – Едва ли,* - сказал Нехлюдов... (Л. Толстой).

ЕЙ-ЕЙ-ЕЙ!; ЕЙ-ЖЕ-ЕЙ! Выражение сомнения в сочетании с иронией, недоверием: «неужели», «разве». – *Неужели ты всё сам это сделал?! Ей-же-ей!*

ЗНАЕМ МЫ ВАС! Прост. Выражение несогласия в сочетании с сомнением, иронией, недоверием к словам говорящего. – *Знаем мы вас, как вы плохо играете!* – сказал Ноздрёв, выступая иашкой (Гоголь).

КАК СКАЗАТЬ! Выражение сомнения, нерешительности; поиск адекватной формулировки. – *Так вы согласны со мной? – Как сказать! Я, скорей, имею свой взгляд на эту проблему.*

НЕУЖЕЛИ! Ирон. Выражение саркастического отрицания, несогласия. – *Я не поеду с тобой! – Неужели! Марш быстро собираться!*

ОЙ ЛИ!; ОЙ-ЛИ-ЛИ! Прост. Выражение сомнения, недоверия, вежливого несогласия. [*Мелания:*] *Притворяется ли он сумасшедшим. Притворяется... [Ксения:] Ой ли?!* (Горький).

РАЗВЕ?! Выражение скептического отрицания, несогласия, сомнения. – *Ты сделал глупость! – Разве?! А не ты ли мне подсказал?*

Реализация коммуникем в речи основывается на выборе между экспрессивной и эмоционально нейтральной структурами. При этом предпочтение отдается конструкции, наиболее точно выражающей замысел говорящего в конкретной речевой ситуации. Если общение неформальное, то приоритетными могут стать экспрессивные коммуникемы (*Чушь! Бред! Бесперспективняк! Не факт! Как карта ляжет* и др.). Их можно отнести к единицам, которые несут основную коммуникативную, в отличие от номинативной, нагрузку текста, и их целесообразно рассматривать как построения, максимально ответственные за успешность или не успешность коммуникативного акта.

Нами проведена серия направленных ассоциативных экспериментов в молодёжной среде, в качестве испытуемых в них выступили школьники старших классов, студенты гуманитарных и негуманитарных специальностей. Данные эксперименты направлены на восприятие респондентами коммуникем с семантикой сомнительности (подробнее см.: [Гоголина 2013]).

В ходе анализа экспериментальных данных мы установили, что

1) состав коммуникем постоянно пополняется, а некоторые из них приобретают дополнительные значения; 2) модели коммуникем остаются прежними, а их лексический состав обновляется, образуются их семантические варианты; 3) пополнение состава коммуникем можно объяснить стремлением говорящего более полно и точно передать информацию и сделать это ярко, оригинально, необычно.

В разговорной речи употребляются коммуникемы со значением сомнительности, не зафиксированные в словаре В.Ю. Меликяна: *пятьдесят на пятьдесят, фифти-фифти, бла-бла-бла, дооо..., нууу..., не знаю, надеюсь, не факт, бывает, думаешь?, да ладно?, реально?* и др. Пополнение коммуникем происходит по моделям, закреплённым в языке, созданных на основании лексико-грамматических средств выражения сомнительности.

Появление некоторых новых коммуникем и изменение значения существующих связано с развитием интернет-языка и активным общением молодёжи в ай-си-кью, социальных сетях, где стремление к экономии речевых усилий проявляется особенно ярко. В речи студентов и школьников используются коммуникемы-аббревиатуры, призванные как сэкономить речевые усилия и время говорящего типа *ДНК* (Ср.: *Да нет конечно*), так и завуалировать бранный характер выражения типа *X3*. При расшифровке этой фразы испытуемые предлагают различные варианты: *кто знает, хрен знает* и др.

Существенно расширяется репертуар междометий, оформляющих коммуникемы, передающих семантику сомнительности, наряду с традиционными, зафиксированными в словарях типа *гм-м, хм-м* и *ой-ли*, активно используются *дооо..., нууу..., бла-бла-бла, ой-ой-ой, но-но, ха-ха-ха, опа-на* и др., что позволяет в краткой и эмоциональной форме подобной коммуникемы передать максимум содержания.

В речи студентов и школьников существует определенное количество коммуникем, при употреблении которых особую роль играют интонация и характер их произношения: *да?, ага?, конечно, но-но, дооо..., нууу...* Коммуникемы со значением уверенности, подтверждения, согласия могут сменить значение на противоположное, если произнести их с соответствующей интонацией в определённом контексте.

Особого интереса заслуживают коммуникемы типа *Аха! Конэшно! Чё-ё-ё!! Щас-с-с! Щаз!* и подобные им, не только произносящиеся, но и пишущиеся так, чтобы полностью имитировать специфику их произношения в разговорной речи, приблизить письменный вариант к устному. Коммуникемы заимствуются из других языков *may be, I don't know, wa-da-da-dan* и активно используются в молодёжной речи.

Употребление коммуникем соответствует принципу экономии ре-

чевых усилий. Благодаря краткости и в то же время содержательной ёмкости и эмоциональности коммуникем, можно с их помощью максимально сократить длинное членимое предложение, при этом коммуникема обычно содержит рему высказывания вне зависимости от своего структурного оформления:

1) – *Ты правильно решил контрольную?*

– **Вряд ли.**

2) – *В какой аудитории у нас пары?*

– **Черт знает!**

3) – *Ты со мной согласен?*

– **Ну...**

Коммуникема является важным компонентом процесса общения, благодаря своей креативной направленности и особой функциональной нагрузке, которая заключается 1) в восполнении отсутствующих (недостающих) языковых средств общения; 2) в придании речевому акту большей экспрессивности по сравнению с членимым высказыванием, которое она замещает; 3) в линейном и временном сокращении речевого акта благодаря замещению обычного, достаточно длинного в силу своей семантической, морфологической и синтаксической расчлененности высказывания или нескольких высказываний одной краткой репликой.

ЛИТЕРАТУРА

Гоголина Т.В. Грамматические явления в психолингвистическом аспекте. – Екатеринбург: УрГПУ, 2013.

Гридина Т.А., Ваулина И.А. ОбьЕГЭреть: новые феномены сознания современного российского социума // Политическая лингвистика. 2013. № 3. – С. 22-27.

Меликян В.Ю. Об основных типах нечленимых предложений в русском языке. // Филологические науки. – 2001. – № 6. – С. 79-89.

Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта: Наука, 2001.

© Гоголина Т.В., 2014

Е.Н. ИВАНОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81.161.1'27+81.161.1'04
ББК Ш141.12-6+Ш105.552

КРЕАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА В ДЕЛОВЫХ ПИСЬМАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются способы формулировки приказов в деловых письмах XVIII в. Анализируются особенности реализации воздействующей потребности личности в тексте.

Ключевые слова: прецедентный текст, деловая письменность, нормы официально-делового стиля, языковая личность.

Современные документы (приказы, распоряжения, должностные инструкции, служебные письма и пр.) совсем не располагают адресанта к какой бы то ни было креативной практике при их создании. Более того это противоречит нормам официально-делового стиля. Однако состояние деловой письменности XVIII в. имеет принципиальное отличие от требований стиля: пишущий в XVIII столетии руководствовался предшествующей письменной традицией, он имел общие представления о том, как должен быть составлен тот или иной документ. В отсутствие нормы у личности существует возможность самовыражения в тексте [Караулов 1987], которая обладает некоторым творческим потенциалом.

Материалом для статьи послужили деловые письма к приказчикам уральского заводовладельца Акинфия Никитича Демидова (1678-1745). Специфика этих документов заключается в следующем: поскольку текст писем надиктовывался писцу, в них, в первую очередь, отражена устная речь не только в лексическом плане, но и в грамматическом (ассоциативный порядок слов в предложении, эллиптические конструкции). В задачи писца не входила ни лексическая, ни грамматическая трансформация писем, особенно к нижестоящим адресатам, коими являлись приказчики.

Отметим некоторые особенности коммуникативной ситуации, участниками которой являлись заводовладелец и приказчики: во-первых, общение протекало опосредованно во времени и пространстве, во-вторых, в письменной форме, в-третьих, максимально эффективное содержание писем было обусловлено неязыковой, производственной, деятельностью. Пишущий мог использовать разнообразные язы-

ковые средства для дистанционного воздействия на адресата своего сообщения. У А.Н. Демидова было достаточно заводов: к концу жизни он весьма успешно управлял 18 предприятиями [Юркин 1998: 70].

Письма А.Н. Демидова наиболее ярко демонстрируют реализацию воздействующей коммуникативной потребности личности (о коммуникативных потребностях как единицах мотивационного уровня языковой личности говорил Ю.Н. Караулов [1987: 221]), языковыми маркерами которой часто выступают глагольные формы 2 л. ед. и мн. ч. и/или инфинитив для выражения императива:

*...и о том им **скажете**, чтоб они про то знали и неведением не отговаривались, и о исполнении и о получении сего **прислать** в Невьянскую н[а]шу кантору репорт (т.е. рапорт), а коров чтоб пасли пешком, а не на конях⁸ (26.04.1741).* Для А.Н. Демидова эти средства выражения приказа наиболее типичны.

Однако среди писем обнаруживаются тексты, фиксирующие проявление вербальной агрессии в отношении подчиненных ему людей. В документе представлен вербальноагрессивный акт угрозы с соответствующим сниженным лексическим наполнением [Сидорова 2009: 30]:

*...а хто мазилку изломает или потеряет, с такими поступат, как дело покажет, а ежели увидишь у которого сторожа у работника или у своего брата прикащика и у нарядчика старую мазилку, и за то таких **оною мазилкою, обмача в деготь, рожу мазать, покуда она суха будет, и потом бросить ея в огонь или в воду и спокуда вам дехтем плотину уливать. И о получении сего и о исполнении репортовать** (10.04.1739).*

Этот способ оформления распоряжений отмечается в текстах А.Н. Демидова значительно реже нейтральных приказов, хотя прямое указание на степень вины человека и назначаемое Демидовым ему наказание (часто телесное) в письмах возникает в силу того, что факты физической расправы с крепостными были обычным делом для описываемого периода истории России.

Описанными выше двумя способами влияния на адресата – нейтральным приказом и вербальноагрессивным распоряжением – А.Н. Демидов не ограничивался. В письмах рассматриваемой нами исторической языковой личности обнаруживается еще один прием воздействия на приказчиков, который совершенно не согласуется с нормами современного официально-делового стиля и потому «выглядит» наи-

⁸ Здесь и далее в примерах сохранено большинство графических особенностей писем, за исключением буквы «**ять**», которая заменена на **е**, а также, удалены «**ь**» в конце слов; пунктуация современная.

более отчетливо. Речь идет об обращении пишущего к прецедентным высказываниям или текстам в основном для побуждения адресата к действию.

Рассмотрим подробнее функциональное назначение прецедентных текстов в деловых письмах и распоряжениях А.Н. Демидова, для чего необходимо проанализировать контекстное окружение (расширенный контекст) данных лексических единиц и определить, с какой целью заводовладелец использует их в письменной коммуникации.

Одним из источников прецедентных текстов для А.Н. Демидова служит фольклор. Прецедентность как черта индивидуального стиля представляется нам ярким показателем творческого начала личности.

Используемые им пословицы, поговорки и крылатые выражения могут выражать **эмоциональную оценку реального факта (1)**. Оценка может быть позитивной: *Ласковой теленок и чужую мать сосет (02.03.1724); Надобно руду равно давать как Ереме так Фоле (15.02.1732).*

*Прежде сего требовал ты от нас резолюции о добыче на мелничной анбар лесу в какую меру добыт. А н[ы]не требуешь позволения и о строении ево и объявляешь что за лесомъ в деле остановки не будетъ. **И ты не сули намъ жаравля в небе, но дай синицу в руки (28.04.1738).***

Оценка того или иного события может быть и негативной: *Ездил от тебя ни пошто и привез ничего [т.е. зря] (10.04.1739).*

*Веревок и рогож по преждепосланному от меня х тебе писму в Кольванской завод, как возможно, пошли промыслить, тако ж понадобится лычных веревок с три тысячи для отпуску на пристани на Шайтанку, на Утку и на Ревду, и ты для б[о]га оного в забвение **и в долгой ящик не положи (14.02.1739).***

В примере оценка дается Демидовым через противопоставление хорошо – плохо: *...Чтоб она [дорога] починена была хорошенько, **а не по конец рук (03.06.1741).***

Кроме того, А.Н. Демидов, видимо, и сам не чуждался спонтанно создавать крылатые выражения: *Подшипник сгорит в такое время, что **не успеешь и завтракать сходить** [т.е. очень быстро] (16.09.1740).*

2. Устойчивые выражения вводятся Демидовым в текст для **эмоциональной оценки или характеристики человека**, что создает своеобразный «творческий» колорит письма:

*...кабы ты велел Алексею Черемному убавит их в них добраго нет кроме пакости и вашего порицания, да и наши **кузнецы** того же смотрят **как волки в лес (31.01.1739).***

Письмо твое декабра 9-г дня получено, которым ты выправляешь Алексея Черемнова в недаче ярлыков о меди напрасно, якобы извоицики по ярлык не бывали ... И извоицики поискавши ево и нехотя товарищев, отстать так и поехали. Все они и с того хорошии животы. Да ты полно напрасно за него заступаешь: надобно за ними по присловице: глаза да и глазенца (10.12.1738).

Среди этой группы примеров также отмечается собственное творчество А.Н. Демидова: *При семь послан к вам Харлам Мартынов, которого по прибытии к вам определить ево к литью гранат и за работу давать ему по дести копейк на день. Толко надобно у него работы смотрет, ибо он одышку переводить горазд [т.е. прохлаждаться] (09.03.1739).*

Осипъ Перезолов отпросился здесь для своих нуждъ домой н[e]д[e]ли на две дома ему погленулос житье поживаетъ два м[e]с[я]ца с лишком, и живетъ онъ у вас в забытье льетъ дома персни да кресты [т.е. бездельничает], а кучки у вас ни одной не ламывал, и уголя ни одного сухарка [емкость для возки угля] не приваживал, особливая ему от вашего здоровья м[и]л[о]сть, когда вы ево нарядить стыдитесь или боитес, пожалуйста пришлите ево к нам, ево здоровью у нас дело сыщется (27.09.1738).

Оценка человека может быть выражена сравнительным оборотом:

Ныне при сем послал к тебе модель, чем печатат кулаки на молоотовыя меховыя валы, и доску, чем розмеривать поля, чтобы полю поля шире и ўже не было, и ты призвав зайдя, и скажи ему, чтобы он печатал их не с ветру розмеривал [т.е. точно по размерам] бы, ровненко, а лукошко шире бы не было кулака и кулак бы не шире бы был лукошка и чтоб бы печатал ровненко... а как оныя вылиты будут, вели их перемерят Веденею или Каше, чтоб между кулаками поля все равны были, то и меха равно будут ходить, а ежели, хоша на вершек один одного почуще, будет то как пьяной мужик с непьяным будет говорить так будут меха ходит (11.11.1738).

В документах отмечается развернутое переложение некоторых песен Кирши Данилова, которые позднее вошли в его «Сборник»⁹. Вовлекая в свои письма истории К. Данилова, А.Н. Демидов также продемонстрировал определенную степень восприимчивости к устному народному творчеству и возможность использования свернутого преце-

⁹ Напомним, что сборник Кирши Данилова впервые был опубликован в 1804 году. А в 40-х гг. XVIII в. Акинфий Никитич сам слушал эти истории, и, более того, сам автор (Кирша Данилов) жил на заводах А. Демидова. Взаимоотношения К. Данилова и А.Н. Демидова специально исследовались историками [Байдин 2001: 73-110].

дентного текста в качестве эффективного средства воздействия на приказчиков: *Я слышал в истории у Кириллы Даниловича: звал зять тещу к себе в гости к празднику ко Христову дни [март-апрель], а она к нему приехала к Петрову дни [конец июня], а между тем все собиралась да наряжалась, а ныне приличествует к тому и ваше здоровье к часовой колокольни наряжается копать ямы после Семенова дни [сентябрь], а я вам о том наряд отдал прежде Христова дни...* (07.05.1741).

Кроме фольклорной традиции, источником прецедентных высказываний для А.Н. Демидова были и христианские богослужебные книги, которые были в его личной библиотеке, например: библия, минеи служебные, псалтирь, «Служебник» [Пирогова 2000: 6-7].

Если обратиться к анализу расширенного контекста писем Демидова, то можно выявить функциональные особенности такого прецедентного высказывания: автором дается подробная диспозиция, потом вводится само высказывание и, наконец, следует собственно распоряжение адресату письма.

Да при нем же за ним посмотри, не курит ли он вина, и не шинкует ли им, о всем том наведайся исправно, и в приезд свой вели тагилския наши хоромы топит, а ко мне об оном немедленно пиши. А ежели усмотришь его во всем исправно, то подтвердит ему словами, чтоб он в том себя предостерегал, за ним толко и дела, и ввел его б[о]г в землю обетованную, а оттуда съезди на Лаю для твоего познания. И увидишь: в казенной избе печь немного осела, ты ее вели сделат з земмли на буту и пол в ней перемостит (28.01.1738).

В некоторых случаях он указывает первоисточник, правда, в обобщенном виде: *В пророческих книгах напечатано: «Не прелагайте предел, яже положиши отцы ваши».* А вы откуда взяли такую премудрость и для какой выгоды затеваете (13.11.1741). В этом примере после цитаты возникает приказание «ничего не делать по-своему», выраженное автором письма в форме риторического вопроса.

В следующем фрагменте распоряжение предшествует прецедентному высказыванию, а в заключении письма представлено критическое замечание Демидова в свой адрес:

Тебе мочно ведат, как мы пришли в котельную избу: изба топится, а людей в ней никово нет, и им скажи, ежели вперед вами усмотрено за ними будет, то без наказания никово не оставляй, и не учи их безчеловечными быть, можете вы чувствуют: б[о]гъ наказует малым, а чувствуют велит и в бошем. Ежели б я в бытность свою у вас не попустил им за згорения первой бани, то б и другая цела была (30.01.1738).

Обращение А.Н. Демидова к христианским книгам как источникам прецедентных высказываний демонстрирует, скорее, его установку воздействовать на адресата сообщения с точки зрения морали и нравственности, а использование фольклорных прецедентных текстов позволяет ему эмоционально воздействовать на приказчиков.

Таким образом, тексты распоряжений и приказов А.Н. Демидова обладают индивидуально-творческими особенностями в плане отражения воздействующей потребности личности, которая реализуется, главным образом, путем использования прецедентных высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

Байдин В.И. «Последний скоморох» Кирша Данилов на Урале и в Невьянске. О времени и месте создания сборника «Древние российские стихотворения» // Очерки истории культуры и быта старого Невьянска: Люди, памятники, документы. – Екатеринбург, 2001.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Пирогова Е.П. Библиотеки Демидовых: Книги и судьбы. – Екатеринбург, 2000.

Сидорова Е.Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 319.

Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. – М.; Тула, 1998.

© Иванова Е.Н., 2014

И.В. КИРИЛОВА

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'23
ББК Ш100.6

МЕХАНИЗМЫ НОМИНАЦИИ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация. Статья содержит описание психолингвистического эксперимента по выявлению восприятия демонологической лексики современными носителями языка.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, демонологема, принцип номинации, ассоциативное поле, языковое сознание.

Интерес к языку как отражению культуры этноса заставляет современных лингвистов «открывать» все новые номинативные сферы, выражающие духовные устремления носителей языка, связанные с образом жизни, национальными традициями, верованиями того или иного народа. Названия нечистой силы как нельзя лучше свидетельствуют об этнокультурной маркированности народного мировидения, поскольку, наряду с универсалиями, содержат уникальные для каждого этноса номинации [Коновалова 2006, 2012].

Для выявления психологической реальности демонологем мы провели свободный ассоциативный эксперимент. По мнению А.А. Залевской «методики такого рода позволяют не только обнаружить сформировавшиеся в прошлом опыте человека системы связей, но и разграничивать «ядро» и «периферию» отдельной системы, измерять степень семантической близости между ее элементами, проследивать динамику связей внутри исследуемой системы» [Залевская 1990: 9]. В эксперименте участвовали 40 студентов-филологов Уральского государственного педагогического университета.

В качестве стимулов испытуемым были предложены 6 демонологем: *корёнци́к, полудница, обменок, зыбочник, волхитка, куляш*. Отбор материала определялся с учетом следующих критериев:

1) демонологемы не должны были относиться к числу самых известных носителям языка названий нечистой силы. Мы не включали в эксперимент номинации *домовой, водяной, кикимора, леший* и подобные им, т.к. данные персонажи являются наиболее распространенными и знакомыми испытуемым, поскольку обусловлены социокультурным опытом;

2) слова-стимулы должны иметь разную степень затемненности

внутренней формы: 2 демонологемы имели прозрачную внутреннюю форму (*корéнци́к* ← корень, *полудни́ца* ← полдень); 2 – затемненную с синхронной точки зрения, но прозрачную с диахронной (*волхíтка* ← волховать (колдовать), *кулáш* ← куль (черт, злой дух); 5 номинаций представляют промежуточный вариант, когда внутренняя форма еще до конца не затемнена, но и прозрачной уже названа быть не может (*обмёнок* ← обмен, *зы́бочник* ← зыбка);

3) демонологемы должны иметь разные принципы номинации.

Проводя свободный ассоциативный эксперимент, мы ставили перед собой **исследовательскую задачу** определить, насколько значим для носителей языка мотивировочный признак, связанный с принципами номинации, увидеть основные направления ассоциирования на слова-стимулы с разной внутренней формой, а также попытаться установить причины расхождений или перекрещиваний ассоциативных характеристик информантов. Испытуемым было дано задание записать первые две-три ассоциации, возникшие на слова-стимулы. **Гипотеза эксперимента** заключалась в нашем предположении, что мотивировочный признак, закрепленный во внутренней форме демонологемы, будет составлять ядро ассоциативного поля.

Получив реакции от испытуемых на слова-стимулы, мы выстроили ассоциативное поле. В ядро вошли реакции, которые оказались самыми частотными. Зоны ближней и дальней периферии сформировались в зависимости от индекса частотности реакций. Единичные ассоциации помещались в зону крайней периферии.

Коренщи́к – колдун, колдующий на корнях растений [СРНГ, т. 14: 332]. Всего получено 120 реакций.

Ядро (15-20%): корень (24), коренья (18). **Ближняя периферия** (8-10 %): земля (11), дерево (10), растение (8). **Дальняя периферия** (2-3%): садовод (3), профессия (2), человек (2), злой (2), кора (2). **Крайняя периферия**: поленщик, поставщик, каменщик, ямщик, лекарь, травник, фармацевт, врач, знахарь, зелья, лес, корь, землянка, земледелие, ботаник, работник, биология, метла, фуфайка, комбинезон, лопата, ножницы, мужчина, работа, совок, рабочий, злой, лицо, пахарь, старый, леший, коренной житель, пень, корчить, филолог, картофель, инструмент, солист группы «Корни».

Мотивировочный признак *корень*, закрепленный в прозрачной внутренней форме, представлен в ядре ассоциативного поля. Зону ближней и дальней периферии образуют номинации, связанные с растениями и растениеводством. Особый интерес представляют индивидуальные ассоциации. В зоне крайней периферии можно выделить основные направления ассоциирования: 1) виды профессий (ср. *ка-*

менищик, ящик, поставщик и т.п.) – в данном случае оказывает влияние суффикс *-щик-* со значением лица по роду деятельности. Также можно привести пример языковой игры: коренщик – *солист группы «Корни»* – в данном случае испытуемый сознательно соотносит слово-стимул с названием музыкальной группы; 2) врачевание (ср. *зелья, знахарь, врач, травник, лекарь*) – ассоциации обусловлены использованием корней для лечения; 3) атрибуты, связанные с растениеводством: одежда (ср. *фуфайка, комбинезон*) и орудия труда (ср. *лопата, совок, ножницы*).

Полудница – существо, живущее в поле во ржи и появляющееся обычно в полдень (в образе молодой, с распущенными волосами женщины, прижигающей колосья раскаленной сковородой [СРНГ, т. 29: 144]. Всего получено 108 реакций.

Ядро (20 %): полдень (21). **Ближняя периферия** (13 %): день (13). **Дальняя периферия** (2-4 %): блудница (4), солнце (4), еда (4), бабочка (4), обед (4), девушка (4), время суток (3), ночь (3), женщина (3), полдник (2), половина (2), праздник (2). **Крайняя периферия**: блудить, послеобеденное чаепитие, дневной, птица, лень, сон, дрема, кофе, доярка, утро, изба, супница, невеста, богиня, прозрачная, небо, тепло, луна, темнота, темница, рассвет, светло, белый, зенит солнца, прогульщица, гулёна, роса, сельское хозяйство, страда, деревня, огород, Баба Яга, болезнь, лихорадка, трава.

Мотивировочный признак *полдень*, закрепленный в прозрачной внутренней форме, представлен в ядре ассоциативного поля. В зоне ближней периферии располагается номинация также указывающая на время – *день*. В зонах дальней и крайней периферии выделяются следующие типы реакций: 1) паронимы: *полудница – блудница, супница, темница*; 2) лексемы, указывающие на время суток: *утро, дневной, рассвет*; 3) лексемы, связанные с едой и приемом пищи: *еда, обед, полдник, послеобеденное чаепитие, кофе*; 4) лексемы со значением состояния: *лень, сон, дрема*; 5) слова, обозначающие небесные тела: *солнце, небо, луна*; 6) лексемы, связанные с крестьянским бытом: *деревня, огород, страда, сельское хозяйство, изба, доярка*; 7) лексемы с сакральным компонентом значения: *богиня, Баба Яга*. Для процесса ассоциирования значимой является и словообразовательная структура слова. Выделение суффикса *-иц-* со значением лица женского пола обуславливает такие реакции как *женщина, девушка*.

Обмёнок – по поверьям – ребенок, подмененный чертом [СРГСУ, т. 3: 23]. Всего получено 90 реакций.

Ядро (27 %): обмен (24). **Ближняя периферия** (19 %): маленький (17). **Дальняя периферия** (2-4 %): менять (4), теленок (4), деньги (3),

масленок (2), детеныш (2), ребенок (2), подкидыш (2). **Крайняя периферия**: чертенок, опенок, ягненок, жеребенок, сладкоежка, мал, недолго, валюта, замена, зверюшка, бартер, пенек, смешной, глупый, толстый, пушистый, мягкий, детский, веник, изба, деревянный, с пеленок, дитя, младенец, объем, житель, задорный мальчуган, мокнуть, домой, гриб, обман.

Мотивировочный признак *обмен*, закрепленный в прозрачной внутренней форме, представлен в ядре ассоциативного поля. Также в данном примере значимой является словообразовательная структура слова: наличие суффикса -енок- со значением лица или животного, характеризующегося детскостью, невзрослостью обуславливает реакцию *маленький* в зоне ближней периферии.

В зонах дальней и крайней периферии представлены следующие типы реакций: 1) лексемы со значением невзрослого лица: *детеныш, ребенок, подкидыш, дитя, младенец, мальчуган*; 2) лексемы, содержащие общий словообразовательный суффикс -енок-: *теленок, масленок, опенок, жеребенок, ягненок, чертенок*; 3) лексемы со значением признака: *смешной, глупый, толстый, пушистый, мягкий, детский, деревянный*; 4) лексемы со значением 'обмен': *менять, валюта, деньги, бартер, замена*.

Зыбочник – по народному поверью – леший, который живет в лесах и качается на деревьях [СРНГ, т. 12: 32], как в зыбке. Всего получено 119 реакций.

Ядро (16-19 %): зыбь (21), зыбкий (17), песок (16). **Ближняя периферия** (9%): болото (11). **Дальняя периферия** (2-3%): бочка (4), рябь (3), вода (2), злой (2), человек (2), мужчина (2). **Крайняя периферия**: неопределенный, неустойчивый, неясность, вязкость, люлька, колыбелька, знобящий, озябший, трава, водоем, ветер, водяной, зубной, зуб, юбочник, море, зубило, зубной врач, зубочистка, лодка, утро, удочка, сапоги, сон, полутьма, дрема, хмурый, тина, зеленый цвет, сито, песочный, засасывание, глина, могильщик, паромщик-старик, птица.

Ядро ассоциативного поля представлено тремя лексемами, две из которых (*зыбь* и *зыбкий*) являются однокоренными и отражают мотивировочный признак, закрепленный во внутренней форме 'качать' [ЭСФ, т. 2: 109]. Реакция *песок* обусловлена, на наш взгляд влиянием устойчивого выражения *зыбучий песок*. Также с этим выражением связаны периферийные реакции: вязкость, засасывание, глина. Зона ближней периферии, включающая в себя реакцию *болото* также может быть обусловлена признаком неустойчивости, ненадежности.

Зоны дальней и крайней периферии представлены следующими типами реакций: 1) лексемы с признаковым значением, ориентированные

на лексическое значение мотиватора: *неопределенный, неустойчивый, смурый, больной*; 2) лексемы, связанные с водой как с местом обитания: *рябь, море, лодка, водоем, удочка*; 3) лексемы, созвучные со словом-стимулом и их производные: *юбочник, бочка, зуб, зубочистка, зубной врач*; 4) лексемы, обозначающие приспособления для качания ребенка: *люлька, колыбелька*.

Волхитка – колдунья, знахарка, ворожейка [СРНГ, т. 5: 77]. Всего получено 78 реакций.

Ядро (18 %): волхв (14). **Ближняя периферия** (11 %): волокита (9). **Дальняя периферия** (2-3 %): накидка (3), гора (3), кибитка (2), волчиха (2), волк (2), волхонка (2). **Крайняя периферия**: волочащаяся вещь, лес, пень, растение, тележка, малютка, щетка, гадания, растишка, палатка, улитка, медленный, одежда, Сибирь, женщина, калитка, крутящийся, колеса, быстро, стог, трава, шкатулка, изумрудный камень, название, красиво, возвышенность, жилище, ворох, старина, волнистый, гриб, житель местности, волшебная палочка, легкомысленная, болезнь, шапка, одежда без рукавов, хит, шаманка, накидка на вола.

Мотивировочный признак *волхв*, закрепленный во внутренней форме, представлен в ядре ассоциативного поля. В зоне ближней периферии находится реакция *волокита*, обусловленная созвучием со словом-стимулом. Отметим, что значительная часть полученных реакций связана со звуковой оболочкой слова. Зоны дальней и крайней периферии представлены следующими паронимами: *волхитка – накидка, кибитка, улитка, калитка*. Ассоциации, связанные с топографическими реалиями (например, *гора Волчиха*), с культурными организациями (театр *Волхонка*). Также можно привести пример языковой игры: *накидка на вола* – в данном случае испытуемый выделяет в слове-стимуле звуковой комплекс *вол* и подбирает к оставшейся части *хитка* созвучную лексему.

Куляш – в суеверных представлениях – чертенок [СРНГ, т. 16: 78]. Всего получено 89 реакций.

Ядро (20 %): гуляш (18). **Ближняя периферия** (10-11 %): еда (10), мясо (9). **Дальняя периферия** (2-3 %): пирог (3), вкусно (3), беляш (3), кулак (3), кулич (3), хлеб (2), пирожок (2), кукиш (2), муляж (2), блюдо (2), куль (2), кулек (2). **Крайняя периферия**: пицца, кулебяка, огонь, кутить, мешок, серый, тесто, запах, съедобное, сдобное, маленькое, тепло, Украина, выпечка, булка, стряпня, кушанье, сытный, каша, холодец, кличка, разбитной парень.

Внутренняя форма данного слова-стимула с синхронной точки зрения является затемненной. Этимологический анализ показывает, что слово *куляш* образовано от *куль* ‘черт, злой дух’ (заимствовано из коми

kul' 'злой дух' [ЭСФ: т. 2, 413]) + *-яш-*. Поскольку мотивировочный признак, закрепленный во внутренней форме, не известен испытуемым, в своих реакциях они опирались прежде всего на звуковую оболочку слова. Поэтому ядро ассоциативного поля представлено паронимом *гуляш*. Зону ближней периферии образуют реакции, которые в обобщенном виде раскрывают признаки ядерной ассоциации: *еда и мясо*. Отметим, что подавляющее большинство полученных реакций связано с образом еды: *пирог, вкусно, кулич, хлеб, блюдо, пицца, кулебяка, тесто, сдобное, съедобное, выпечка, булка и пр.* Единичные реакции *каша* и *Украина*, на наш взгляд, могут быть обусловлены ассоциацией с названием национального украинского блюда *кулеш* 'жидкая каша, размазня, похлебка, сваренная из пшена, какой-л. другой крупы или муки с салом' [МАС, т. 2: 147]. Также присутствуют реакции, обусловленные созвучием со словом-стимулом: *куляш – беляш, муляж, кукиш*. Небольшое количество реакций связано с выделением в словестимуле звукового комплекса *куль* 'большой рогожный мешок' [МАС, т. 2: 148]: *кулек, мешок, серый*. В результате проведенного эксперимента можно сделать следующие выводы:

Мотивировочный признак, закрепленный в прозрачной внутренней форме слова-стимула, составляет ядро ассоциативного поля.

В тех случаях, когда внутренняя форма слова-стимула затемнена, испытуемые ориентируются на звуковую оболочку и словообразовательную структуру. Как правило, при «прояснении» внутренней формы наименования имеет место ложная этимологизация.

В ассоциативном поле слов-стимулов с затемненной внутренней формой значительно расширяются зоны дальней и крайней периферии.

Результаты статистической обработки данных позволяют определить границы ассоциативных полей в процентном соотношении: ядро ассоциативного поля представлено 17-27% реакций, зона ближней периферии – 10-12% реакций, зона дальней периферии – 2-3%.

ЛИТЕРАТУРА

- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – М., 2000.
Коновалова Н.И. Традиционная народная культура в зеркале языка // Филологический класс. 2012. № 3. – С. 5-11.

СЛОВАРИ

- МАС* – Словарь русского языка: В 4-х т. / *под ред.* А.П. Евгеньевой. – М., 1999.
СРГСУ – Словарь русских говоров среднего Урала в 7-ми тт. – Свердловск, 1964-1988.
СРНГ – Словарь русских народных говоров / *под ред.* Ф.П. Филина. – М.: Л., 1965-1998.
ЭСФ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х т. – М, 1986.

© Кирилова И.В., 2014

М.А. ЛАППО

(Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия)

УДК 81.161.1'23
ББК Ш141.12-006

**ТВОРЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ УЧАСТНИКОВ ДИАЛОГА:
КОММУНИКАТИВНЫЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕСЕД В.Д. ДУВАКИНА И
М.М. БАХТИНА)¹⁰**

Аннотация: В статье анализируется речевое поведение М.М. Бахтина, дающего интервью В.Д. Дувакину. Доказывается идея особой роли частичного или полного лексико-грамматического повтора в ответной реплике как маркера короткой дистанции с собеседником и внимания к его слову, а также стремления динамизировать процесс диалога.

Ключевые слова: диалог, коммуникативная стратегия, лексико-грамматический повтор, вербальный прайминг, элитарная языковая личность, Бахтин.

Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается.

М.М. Бахтин.

Проблемы поэтики Достоевского

В данной статье анализируется речевое поведение М.М. Бахтина в диалоге как пример реализации «полнофункционального типа речевой культуры» (термин О.Б. Сиротининой, В.Е. Гольдина). Обращение к теме элитарной языковой личности не теряет своей актуальности как по причине активных изменений в пространстве русского языка, так и в связи с обострившимся кризисом речевой культуры: мир стал не только более «тесным», доступным и открытым, но и более примитивным, полярным и прагматичным. Дискурсивные практики духовной элиты, культурного ядра социума обладают ресурсом актуализировать те или иные экзистенциальные смыслы, давать пример адекватного поведения и, как следствие, определять развитие общества на десятки лет вперед. Безусловно, все указанные способности можно отнести к

¹⁰ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 14-54-00005.

творческому потенциалу языковой личности, умеющей, как минимум, произвести впечатление на адресата, а как максимум – оказать мощное влияние на его поведение и картину мира.

Речь М.М. Бахтина в беседе с В.Д. Дувакиным характеризуется основными признаками носителя элитарной речевой культуры, описываемыми в трудах русистов, а именно: а) владеет всеми литературными нормами русского языка, а отступление от нормы использует намеренно, как языковую игру; б) способен порождать и понимать тексты разной сложности; в) ему свойственна свобода в использовании разностилевых ресурсов русского языка; г) относится к куртуазной и/или рационально-эвристической языковой личности (по К.Ф. Седову); д) владеет целым рядом психологических навыков – самоконтроль, отсутствие самоуверенности, уважение к собеседнику, вообще к людям, тяга к знаниям.

Для анализа речевого поведения М.М. Бахтина были использованы материалы опубликованных шести устных бесед В.Д. Дувакина и М.М. Бахтина¹¹. В них Бахтин отвечает на вопросы о жизни, годах учебы и профессионального становления, работе, встречах с известными людьми. Эти беседы имеют особую ценность вследствие того, что Бахтин совершенно сознательно не оставил своих воспоминаний или мемуаров.

Материал ценен и тем, что, как известно, в теоретических концепциях М.М. Бахтина диалог занимает одну из самых важных позиций. Анализируя полифонический характер романа Ф.М. Достоевского, он пишет: «Диалог здесь не преддверие к действию, а само действие. Он и не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека; нет, здесь человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть, повторяем, – не только для других, но и для себя самого» [Бахтин 1979: 294]. В бахтинской концепции диалога, «один голос ничего не решает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [там же]. Речь участников бесед будем анализировать в контексте именно этих установок.

В разговорах с Дувакиным Бахтин занимает позицию «второго» собеседника, то есть того участника диалога, к которому направлен вопрос и который имеет возможность оказать «поддерживание» или

¹¹ В 1973 году беседы были записаны на магнитофонную пленку. Их публикация состоялась в трех вариантах: а) в журнале «Человек»; б) в издании «Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным» (М.: Изд. группа «Прогресс», 1996); в) в издании «М.М. Бахтин: беседы с В.Д. Дувакиным» (М.: Изд-во «Согласие», 2002). В данной работе цитируется последнее издание.

«придерживание» речевой инициативы первого собеседника [Матвеева 2004]. Бахтин чаще всего пользуется возможностью поддержать тему разговора, предложенную Дувакиным, развивая и углубляя заданный им вопрос. В единичных случаях Бахтин проявляет инициативу («я хотел бы еще сказать относительно...») и сам задает вопросы Дувакину.

Другая стилистическая особенность поведения Бахтина как «второго» участника диалога – это частичный или полный повтор реплики «первого» участника диалога, его интервьюера Дувакина. Названную черту речевого поведения невозможно не заметить, вот как о ней говорит В. Махлин: «Бахтин, отвечая на вопрос, *обычно повторяет* за собеседником как бы механически его ударное слово; такое *поддакивание*, видимо, нужно ему как точка опоры; *повторив чужие слова*¹², он, как правило, сразу делает оговорку или даже высказывает прямо противоположное утверждение» [Махлин 2004: 10]. Обратим здесь внимание на то, что «механистичность» (непроизвольность) повтора кажущаяся, ведь Бахтин, повторив чужие слова, «сразу делает оговорку».

В когнитивной психологии такое воспроизведение синтаксической или лексической структуры, сходной со структурой фразы-прайма, при порождении речевого высказывания, относится к праймингу вербальной формы [Фаликман, Койфман 2005: 83] и описывается именно как непроизвольное действие.

О.В. Федорова, исследователь синтаксического прайминга в экспериментальных условиях, указывает, что «в современной психолингвистике существует много свидетельств того, что в ходе диалога его участники координируют свои реплики, осознанно или неосознанно подстраиваясь друг под друга» [Федорова 2002: 581]. Как мы увидим ниже в примерах, Бахтин чаще всего повторяет фразу целиком, то есть использует как лексический, так и синтаксический прайм собеседника. Иными словами, в речи Бахтина очевидна лексико-синтаксическая координация с предшествующими высказываниями.

О.В. Федорова также отмечает, что существуют «прайминг-зависимые» коммуниканты (согласующие свою реплику с воспринятой ранее синтаксическую конструкцией), прайминг-независимые (игнорирующие синтаксическую форму реплики собеседника) и коммуниканты «себе на уме» (руководствующиеся прагматическим принципом) [там же]. Поскольку в репликах Бахтина то увеличивается, то уменьшается коэффициент лексико-синтаксических повторов, его можно назвать собеседником «себе на уме» (коэффициент повторов

¹² Курсив мой. – М.Л.

уменьшается, если Бахтин говорит о чем-то очень личном, как бы «уходя в себя»).

Лексико-синтаксический повтор используется Бахтиным максимально широко и разнообразно: а) в качестве эхо-повторов, б) в качестве уточняющих вопросов, в) в качестве вербального материала своего ответа. Рассмотрим эти функции подробнее.

А. Повторение элемента вопроса (эхо-повторы):

(1)

*Д: ... Значит, **точная** Ваша дата рождения?*

*Б: **Точная**... 1985 год... по старому стилю 4 ноября, 17-го по новому стилю.*

(2)

Б: Преподавался польский язык.

*Д: Польский язык? А не **преследовался**?*

*Б: Не-е-ет. Ну, это все же страшные преувеличения. **Преследовался**... Он не был обязательным.*

(3)

*Д: Вот, охарактеризуйте историко-филологический факультет Петербургского университета в 1916 году. Да? 15-й, 16-й и **17-й**.*

*Б: ...и **17-й**, да. Ну, что же могу сказать? Я бы сказал, что тогда все-таки был, по-моему, расцвет как раз факультета.*

Повторный элемент может быть дистанцирован от фразы-прайма (примеры 1, 2), в этом случае, как думается, повторяется ключевой для Бахтина элемент исходной фразы. Если повторяющийся элемент расположен в непосредственной от него близости от фразы собеседника (пример 3), то он относится к повтору как *рессорной реплике*, который является средством связи реплики одного коммуниканта с высказыванием другого (об этом виде повтора см. в работе А.В. Плотниковой [Плотникова 2007: 12]).

Б. Повтор вопроса (или его части) как уточнение:

(4)

*Д: А **семью** не тронули?*

*Б: **Семью**? Нет, не тронули.*

(5)

*Д: А **лингвистические кафедры** там были?*

*Б: **Лингвистическая кафедра**? Конечно!*

А.В. Плотниковой также был выделен подобный тип повтора – повтор-переспрос, который заставляет собеседника подтвердить либо опровергнуть заданный вопрос [там же]. Чаще всего, как в диалогах 4 и 5, Бахтин не дожидается подтверждения Дувакина и сокращенно отвечает на его вопрос, экономя речевые усилия, то есть используя в

повтор-переспрос как рему для своего ответа.

В. Ответ словами интервьюера:

(6)

Д: И носил его имя? Нет?

Б: Носил его имя. Значит, вот... имени Бахтина Орловский кадетский корпус.

(7)

Д: Но уж... отец Ваш имел уже профессию?

Б: Отец имел уже профессию.

(8)

Д: Надо его [Кожина] спросить. Правда, он мне теперь не звонит.

Б: Но, правда, вот тут он продолжал свои исследования в этом направлении.. .

В примерах 6 и 7 полностью повторяется исходный вопрос интервьюера, в примере 8 мы видим повтор незначительных слов (вводных элементов).

Во фрагментах 9-11 Бахтин повторяет слово Дувакина, но с существенными для себя уточнениями, дополнениями:

(9)

Д: То есть это была большая сумма.

Б: Да, это большая, огромная сумма.

(10)

Д: Это прадед?

Б: Это прапрадед.

(11)

Д: Они [Мережковский, Гиппиус и др.] считали себя революционерами?

Б: Да, считали себя революционерами, только революционерами, не признающими насилия.

Следующий пример (12) демонстрирует словообразовательную связь слова-прайма и слова-повтора:

(12)

Д: Кошмар какой!

Б: Была ужасная, кошмарная история.

В отдельных случаях встречается изменение синтаксической конструкции (при сохранении лексического состава вопроса), например:

(13)

Д: Так, значит... Театр. Музыка. Ну, а поэты?

Б: Поэтов? Поэтов... я знал.

Здесь форма уточняющего вопроса предвосхищает структуру отве-

та Бахтина (то есть он уже строит свой ответ, но все равно предпочитает повторить использованное собеседником слово).

Важно обратить внимание на то, что даже поправляя или уточняя Дувакина, Бахтин в основном соглашается:

(14)

*Д: И учились в **Вильнюсской** гимназии?*

*Б: В **Виленской** гимназии учился, да.*

(15)

Б: Под искусственным раем он [Бодлер] понимал...

*Д: **Опьянение.***

*Б: **Состояние наркоза, да.***

В примерах 16 и 17 Бахтин использует чужое слово в своем ответе, косвенно или прямо комментируя его:

(16)

Б: Преподаватель математики, Янкович, мне тоже очень нравился, и всем очень нравился. Он был сухой, несколько сухой, но чрезвычайно такой... ну...

*Д: **Точный.***

*Б: **Логичный, точный. Главное – логичный.***

(17)

*Д: Я и заговорил об этом, потому что рассказ Виктора Борисовича [Шкловского] об университете у меня вызвал какое-то недоверие. Какое-то уж очень такое... **пристрастное**... у него...*

*Б: Да. То есть... может, **не столько пристрастное**... не знаю, как это сказать...*

В случае, если Дувакин встраивает свою реплику в развернутый монолог Бахтина (по сути, прерывая его), Бахтин все равно использует слово собеседника, пусть вначале и завершив свой план речи:

(18)

Б: И вообще, его сейчас считают одним из величайших мыслителей нового времени – Серен Киррегор. А при жизни его ни во что не ставили.

*Д: У нас его не **переводили**?*

Б: Он был большой ученый... **Переводили.** Очень мало, и не лучшее, не лучшее.

Итак, фрагменты 6-18 демонстрируют наиболее распространенный способ лексико-грамматического повтора реплик интервьюера в ответных репликах Бахтина – ответ, в котором используется вербальный материал задающего вопрос. Этот способ, с одной стороны, позволяет в целом гармонизировать взаимоотношения собеседников, становится сигналом внимательного слушания и интерпретации чужого слова, с

другой стороны, экономит речевые усилия «второго» собеседника, динамизирует процесс разговора.

К особой разновидности повтора (без его материальной выраженности) относится *имплицитный повтор*. Это такие случаи, когда вопрос и ответ становятся единым синтаксически завершенным элементом. Вопрос можно отнести к подлежащему (теме), а ответ – к сказуемому (реме) в примере 19:

(19)

Д: А кафедра русской и европейской литературы?

Б: Меня очень мало интересовала.

В следующем диалоге видим подхватывание, завершение реплики Дувакина:

(20)

Д: Собственно, «литературоведение» – теперешний термин – тогда вообще не бытовал. Были филологи по разделам: классики, индоевропейцы...

Б: ...романогерманисты... и слависты были.

Отмеченная манера беседы оказывает влияние и на «первого» собеседника, на Дувакина. Приблизительно со второй половины каждого разговора у Дувакина также появляется тенденция к полному или частичному лексико-синтаксическому повтору высказываний Бахтина (в репликах-рессорах и в уточняющих вопросах-повторах) и тенденция завершать фразы за Бахтина, например:

(21)

Б: ...Ну, одним словом, в этом отношении это и сам Блок – таков вот он был, вот, я говорю, был Блок и был «над Блоком».

Д: Ну, а вот «над Блоком»... Вы что, считает, что, скажем, первый том – «над Блоком»...?

*Б: Нужно сказать, что потом уже, конечно, когда и состав изменился и особенно когда этот театр [Московский художественный театр] ... канонизировали, провозгласили его, так сказать, эталоном для всех других театров, он **выродился совершенно**.*

*Д: **Выродился совершенно?***

Б: Выродился, да-да.

(22)

*Б: И вот Художественный театр московский я знаю не по Москве. Прежде всего в Одессе я видел. И там был весь старый состав. И, конечно, **приезжал туда...***

*Д: **Константин Сергеевич?***

Б: Константин Сергеевич.

В примере 21 Дувакин использует выражение Бахтина «над Бло-

ком» как повтор-размышление, а в примере 22 завершает начатое Бахтиным предложение, правда, в форме уточняющего вопроса, требующего подтверждения. Подобное продолжение начатой собеседником фразы характерно для бесед (при общей кооперативной направленности) очень близких людей, «с полуслова понимающих друг друга», этот феномен можно отнести к разновидности эмпатического слушания.

Речевое поведение Дувакина, подстраивающегося, хотя и не вдруг, под манеру Бахтина, позволяет точнее определить функции повтора в ответной фразе собеседника. Т.И. Попова, анализируя повтор в официальном публичном диалоге, приходит к выводу о том, что «при равноправии партнеров диалога прямой повтор реплики собеседника служит сигналом когнитивной рассогласованности их речевых действий. Повтор (лексический) реплики собеседника с изменением синтаксической структуры высказывания сигнализирует, напротив, о когнитивном согласовании речевых действий участников диалога» [Попова 2006: 442]. Анализ устного официального диалога мемуарного характера не дает таких выводов. Повторение прайм-реплик занимает важное место в структуре рассматриваемых бесед, являясь почти обязательным его компонентом именно в репликах М.М. Бахтина, и выполняет следующие коммуникативные и содержательные функции: координация реплик, динамизация беседы, создание плавности речи, актуализация ключевых смыслов, выражение эмпатии к собеседнику, знак короткой дистанции, снятие конфликтности в диалоге. В речи Бахтина уменьшение лексико-синтаксических повторов сигнализирует об определенном отстранении от собеседника и погружении в значимую для него тему. Однако это уменьшение вербального прайминга является незначительным в пространстве рассмотренного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
- Матвеева Т.В.* Управление собеседником в диалогическом речевом общении // Проблемы речевой коммуникации. – Вып. 4. «Власть и речь». Саратов, 2004. – С. 152-165.
- Махлин В.* Тоже разговор // Вопросы литературы. – 2004. – № 3. – С. 3–45. – (Филология в лицах). – Рец. на кн.: Бахтин М.М. Беседы с В.Д. Дувакиным.
- Плотникова А.В.* Диалогический повтор как средство организации речевого взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2007.
- Попова Т.И.* Повтор как средство координации речевого поведения собеседников в официальном публичном диалоге // Труды международной конференции «Диалог'2006». – М., 2006. – С. 440-444.
- Фаликман М.В., Койфман А.Я.* Виды прайминга в исследованиях воспри-

ятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Серия «Психология». – 2005. – № 4. – С. 81-90.

Федорова О.В. Синтаксическая координация в диалоге: миф или реальность? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2002». – Т.1. – М., 2002. – С. 581-587.

© Лаппо М.А., 2014

И.Л. МУЛЬ

(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)

УДК 398.2+81.161.42
ББК Ш23(2)-418

ТЕХНИКИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННОЙ СКОРОГОВОРКЕ, ИЛИ НОВЫЙ НАРЯД СТАРОЙ ЗНАКОМОЙ

Аннотация: В статье анализируются игровые параметры современной скороговорки в аспекте её сопоставления с традиционной скороговоркой; имитативный принцип языковой игры признаётся ведущим при моделировании современных скороговорочных текстов.

Ключевые слова: механизмы языковой игры, медиадискурс, имитативный принцип языковой игры.

Лингвокреативная природа традиционной скороговорки не раз оказывалась в фокусе нашего исследовательского интереса, результатом чего стало понимание скороговорки как игрового фольклорного жанра, имеющего гедонистическую и трениговую функции и представляющего собой сконструированный лингвистический объект, форма которого нестандартна с точки зрения стереотипных требований нормативности. Привлечение внимания играющего к занимательной (необычной) и труднопроизносимой форме речи, какой является традиционный скороговорочный текст, осуществляется, по сути, двумя путями: действием *морфо-деривационных* механизмов языковой игры (далее – ЯИ) и активизацией речетворческих механизмов, использующих *фонетический* потенциал языкового знака [Муль 2000].

Различные приёмы морфо-деривационной игры в традиционных скороговорках направлены на сближение в лаконичном пространстве комплексов однокоренных узуальных и/или неузуальных производных (ср.: *Проросли ростки, повыросли, ростом ростки расхвастались // Всех скороговорок не перескороговоришь, не перевыскороговоришь // Полпуховика и полполувыпуховика, цельный пуховик и полполувыпуховик и т.п.*). При этом актуализируются различные стороны словообразовательного механизма языковой системы. Неузуальные дериваты, будучи подчёркнуто игровыми, нестандартными, являются доминантами скороговорочного текста и выступают «приметами» народной смеховой культуры, «смехового мира», который должен быть странным, нелепым, подчёркнуто выдуманым, чтобы оставаться смешным [Лихачёв 1987].

Фонетические приёмы ЯИ, направленные на конструирование труднопроизносимого формального хода скороговорки, обнаруживают

тенденцию насыщения лаконичного текста минимально различающимися в фонетическом плане лексическими единицами. Скороговорка может строиться на метаграммной игре (ср.: *Во двор вела вола, за рога вола вела, в хлев вела вола, а вол в огород меня завёл // У зайки Бубы заболели зубы // Колотил Клим клин и т.п.), на игре анаграммными единицами (ср.: *Купи киту ник // Вкусная халва – мастеру хвала и т.п.*). Наиболее распространенным приемом фонетической игры в скороговорке является намеренное сближение паронимов (ср.: *Променяла Парасковья карася на три пары чернобурых поросят, побежали поросята по росе, простудились поросята, да не все // Не диковина полубрату сказать про Поликарпа и т.п.*).*

Взаимодействие (субдоминантность) отмеченных механизмов ЯИ, а также актуализация дополнительных приемов продуцирования игрового эффекта скороговорки (к ним относим прямой повтор лексем, игровые ложноэтимологические сближения, приемы утрированной звукописи и т.д.) приводят к созданию лингвистически нестереотипного объекта – скороговорочного текста, реализующего канонические жанровые установки и эксплицирующего стереотипное ситуативное содержание (ср., например, традиционные скороговорочные тексты, в которых речетворческие приемы «поддерживают» друг друга, рождая игровую структуру: *Свинья тупорыла весь двор перерыла, вырыла полрыла, до норы не дорыла // Горкой, горкой, горочкой шел маленький Егорочка, протоптал Егорочка тропочку до горочки // Враль клал в ларь, а Вралья брала из ларя и т.п.*) [Муль 2000].

Предпринятое в данной статье обращение к скороговорке «сегодняшней» отнюдь не случайно: фольклорный жанр, тяготеющий (в отличие, например, от динамичной и эмоциональной частушки) к «закостенению» и стабильности, эволюционирует на наших глазах, переживает второе рождение, обретая новые выразительные черты и меняя функционально-прагматические ориентиры. Пространством скороговорочного креатива стали средства масс-медиа, которые в наше время, по меткому выражению В.В. Химика, «составляют главную речевую сферу обитания многих носителей языка» [Химик 2000: 249]. Очевидно, что лидерство в этой сфере принадлежит сети Интернет, пользователи которой, отдавая предпочтение общению в виртуальном коммуникативном пространстве, реализуют свой речетворческий потенциал. Благодаря их стараниям, «фонд» скороговорочных текстов стремительно пополняется, в результате чего на соответствующих сайтах появляются рубрики – классификаторы: скороговорки для взрослых, скороговорки для детей, скороговорки для развития дикции, скороговорки короткие и простые, скороговорки сложные и длинные, скороговорки

смешные и прикольные, видео-скороговорки, скороговорки с картинками и т.д.

Представляется важным заметить, что еще лет десять-пятнадцать назад мысль об «искусственности» традиционной скороговорки могла вызывать полемику, тогда как сегодня смоделированный характер скороговорочных «конструктов» типа *Кто не работает, тот не ест то, что ест тот, кто работает* или *Терминатору термометр не требуется – у терминатора температура субфебрильная* не может вызывать сомнений. На главных страницах сайтов размещаются инструкции (алгоритмы), четкое следование которым может помочь пользователю стать автором «самого трудного и смешного» скороговорочного текста. Кроме того, творческая инициатива авторов стимулируется конкурсами, выявляющими самого креативного создателя скороговорки.

Популярность жанра возрастает и благодаря тому, что в искусстве безошибочного произнесения скороговорок (обязательно смешных и подчеркнуто парадоксальных) состязаются известные в нашей стране личности: журналисты, шоумены, поп-исполнители (достаточно вспомнить видеоролики с участием телеведущих, которые поражают артикуляционным мастерством, произнося известный скороговорочный «макротекст» под названием «Лигурия»).

Примечательно, что в ситуации игры с современной скороговоркой в равной степени значительными и состязательными оказываются две коммуникативные стратегии: речетворческое поведение автора, стремящегося создать самый затейливый, смешной и труднопроизносимый (а в идеале – «непроизносимый») скороговорочный комплекс, и попытки произносящего скороговорочную фразу безошибочно преодолеть все артикуляционные «ловушки», мастерски подстроенные создателем скороговорки.

Не вызывает сомнений, что притягательная сила скороговорки как жанра, ориентированного на деятельностное отношение к нему со стороны играющего, объясняется не только обязательным «смеховым» сопровождением попыток произнести скороговорку, но и занимательностью (нетривиальностью) её лингвистического кода, являющегося продуктом творческого мышления игрока – автора.

Далее выскажем некоторые соображения, касающиеся нашего понимания лингвокреативной природы современной скороговорки, не претендуя на исчерпывающее описание её функционирования в медиадискурсе.

Даже поверхностный взгляд на современные контексты типа *От топота копыт сосед в соседней комнате не спит* (ср. также: *Модератор модерировал, модерировал, да не вымодерировал // Ухитрился*

проспать возможность переспать // Дима Билан Дана Балана баловал бананом – болван // Самый бесперспективный бесперспективняк из всех бесперспективных бесперспективняков // Муж мужественно жмурится возле рожаящей роженицы и т.д.) позволяет заметить, что ведущим принципом моделирования игрового текстового поля современной скороговорки является имитативный принцип языковой игры. Имитация как конструктивный принцип ЯИ предполагает отталкивание от конкретного образца, окказиональную реализацию какой-либо языковой модели, стереотипной языковой схемы [Гридина 2008: 40]. Действие данного принципа ЯИ при конструировании текста современной скороговорки проявляется, по-видимому, в том, что за её подчеркнута игровой языковой формой «высвечивается», распознается прототипическая основа, образец. Таким образом – прототипом, как правило, служит:

а) текст конкретной традиционной скороговорки, выступающий как структурно-семантическая модель, стереотипная схема, игровым образом трансформированная;

б) традиционный для моделирования труднопроизносимого звуко-ряда скороговорки игровой инструментарий, как-то: окказиональные дериваты, тавтологически сближенные труднопроизносимые лексические единицы, параномастические комплексы, инверсированные конструкции и т.д.

Примерами современных скороговорок, сконструированных по первому типу, могут служить следующие тексты: *Переписчики переписывали, переписывали, да не выпереписали // Программисты программировали, программировали, да не выпрограммировали // Тридцать три депутата закон лоббировали, лоббировали, да не вылоббировали // Эксгуматор труп эксгумировал, эксгумировал, да так и не выэксгумировал и т.п.* Эти и подобные им контексты содержат аллюзивную отсылку к прецеденту (ср.: *Корабли лавировали, лавировали, да не вылавирировали // Самолет пикировал, пикировал, да не выпикировал*), и комический эффект их восприятия усиливается за счет узнавания прототипа и осознания парадоксальности «осовремененного» содержания имитируемой формы. Представленные контексты организуются традиционным для жанра скороговорки приемом тавтологического «нанизывания» однокоренных лексем и акцентуацией глагольного деривата с префиксом вы-. Выступая символами продолжительного, но безрезультатного действия, скороговорки содержат его экспрессивно-ироническую оценку.

Развитие сюжетных линий традиционных скороговорок и их формально-семантическое преобразование наблюдается в контекстах типа

Карл у Клары украл «Ленд Крузер», а Клара у Карла украла «Крайслер» // Карл у Клары украл доллары, а Клара у Карла – кварталный отчет // На дворе дрова, на дровах братва, у братвы трава, вся братва в дрова // Рассердившаяся вдова убирала со двора дрова // Варя варила ревеня и ревелы, что Валера не верен // Высишие эшелоны подшофе шествовали к подшефным по шоссе и т.д. Традиционная скороговорка в таких случаях выступает как лингвокультурный прецедент, событийная основа которого «приспосабливается» к реалиям нового времени и подвергается оценочной (смеховой, шутливо-иронической) интерпретации.

Другой тип современных скороговорок представлен текстами, у которых отсутствует какой-либо определенный образец, но тем не менее приемы создания игровой формы текста оказываются типичными для жанра скороговорки. Так, насыщение («перегруженность») текстового поля однородными словами, находящимися на разных ступенях производности, наблюдается в скороговорках типа *Бессмысленно осмысливать смысл неосмысленными мыслями // Флюорографист флюорографировал флюорографистку // Прирабатываясь к работе, работник нарабатывает наработки, заработок зарабатывает от работы, а приработок – от переработки // Шедеврзация шедевра шедеврует шедевратора и т.д.* За парадоксальной вычурностью подобных контекстов нередко прослеживается стремление автора скороговорки к афористичности.

Инверсированное построение контекста и тавтологичность, как уже отмечалось, являются типичными приемами ЯИ в традиционных и новых скороговорках (ср., например: *У ежа в гостях ужата, у ужа в гостях ежата...* и *У прокурора на вора компромат, а у вора компромат на прокурора // Не тот, товарищи, товарищу товарищ, кто при товарищах товарищу товарищ, а тот, товарищи, товарищу товарищ, кто без товарищей товарищу товарищ // У того, кто не банкрот, полон банкомат банкнот, у того же, кто банкрот, в банкомате нет банкнот и т.д.*

По нашим наблюдениям, игровая многоплановость, взаимодействие нескольких приемов ЯИ является характерной чертой всех скороговорочных конструктов. В то же время нельзя не заметить, что главным действующим персонажем современной скороговорки является человек в его разных социальных ролях (профессионально-служебной, семейной, творческой и т.д.). Наиболее яркими в этом смысле являются тексты, обыгрывающие ситуацию (нередко – скандальную), в центре которой публичная персона, например: *Ради любимого Радимова нарядилась Буланова в коня буланого // Снял Филипп клип, с клипом Филипп влип // Дайте Киркорову кирку корки откалывать // Свято-*

слав Ещенко пародировал Льва Леценко, не вышел Леценко у Ещенко, теперь в «Анилагае» трецинка // Загрызли гризли Грызлова // У Брежнева брови выбрили // Рамазотти заработал на «Мазерати», а Глызин гречкой грезит и т.д. Ключевым звеном многоуровневого игрового контекста становится в подобных текстах антропоним, в «поле тяготения» которого попадают созвучные лексемы, что приводит к шутливой ложной этимологизации имени собственного и критическому осмыслению эксплицированной ситуации.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что ЯИ в современной скороговорке имеет аллюзивно-имитативный характер, и это, на наш взгляд, может служить проявлением «памяти жанра» традиционной культуры в новых условиях коммуникации [Гридина 2014: 375]. Антропоцентрически и аксиологически ориентированная современная скороговорка становится продуктом творческой рефлексии автора, удовлетворяя потребностям экспрессивного словесного самовыражения, что дает возможность лингвистам по достоинству оценить творческие возможности носителя живой русской речи.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: Монография. – Екатеринбург, 2008.

Гридина Т.А. Трансформация игровых жанров традиционной культуры в современном медиадискурсе: приколы «Русского радио» // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18-21 марта 2014 г.): Труды и материалы. – М.: 2014. – С. 374-375.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Языковая игра в русских народных приметах // Политическая лингвистика. 2002. № 8. – С. 97.

Лихачёв Д.С. Смех в Древней Руси // Избранные работы: В 2 т. – Т.2. – Л.: 1987. – С. 343-417.

Муль И.Л. Механизмы языковой игры в малых фольклорных жанрах (на материале скороговорки и частушки). – Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000.

Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000.

ИСТОЧНИКИ

<http://www.skorogovor.ru/>

<http://umopit.ru/jokes/tonguetwist.htm>

<http://skazanul.ru/>

<http://nologic.ru/category/adult>

© Муль И.Л., 2014

О.Ю. НИКОЛЕНКО

(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)

УДК 81.161.1'37
ББК Ш141.12-31

СЕМАНТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА КАК ОСНОВА МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Аннотация: В статье рассматриваются текстовые математические задачи, содержащие термины родства. Структура организации семантического поля терминологии родства и семантические свойства каждого термина позволяют использовать их в качестве материала для логического анализа.

Ключевые слова: термины родства, семантика, сема, компонентный анализ.

Лексическое наполнение математических задач представляется важным только в отношении соответствия реалиям окружающего мира и научным знаниям об этом окружающем мире. Так, невозможно условие задачи, при котором в ответе получается $3\frac{1}{4}$ яйца или 1,5 землекопа (как в известном произведении Л. Гераскиной «В стране невыученных уроков»), поездам пока недоступна скорость 900 км/ч, а возраст человека не может быть равен 200 годам. Если же несколько объектов действительности имеют одинаковые с точки зрения математики параметры, то, в принципе, совершенно не важно, какая конкретно употреблена лексема, что складывать и делить: конфеты или яблоки (один предмет делится на части), марки или цветы (один предмет не делится на части). Однако использование слов некоторых лексических групп в математических задачах основано именно на знании конкретной семантики слова и знании его лексических отношений с другими словами этой группы. К таким лексемам относятся названия денежных единиц: *рубль, полтинник, гривенник, копейка* и т.д. или *доллар, цент* и т.д., отрезков времени: *век, год, месяц, час, минута, секунда* и т.д., а также единицы некоторых других лексико-семантических групп. Но если фиксированное математическое употребление названных лексем объясняется их непосредственным или опосредованным отношением к метрическим системам (наряду с единицами длины, объема, площади, массы и др.), то употребление терминов родства в математических задачах основано только на их строго определенном лексическом значении, которое не имеет ни малейшего отношения к метрическим системам.

Речь, конечно, не идёт о задачах, в которых термины родства ис-

пользуются в качестве имён собственных или являются синонимами слов *человек, мальчик, девочка* и т.д., типа «Мама купила килограмм яблок и разделила между детьми...», «Два брата возвращались из школы с разницей в полчаса...», «Отец выше сына на 60 см ...» и др. Интерес представляют задачи математического или логического характера, основанные на точном понимании значения термина родства. Анализируемые далее задачи взяты из пособий по математике, материалов для олимпиад [Источники].

Термины родства потому условно и называются терминами, что системная организация данной лексико-семантической группы сходна с организацией истинного терминологического поля: каждый член группы занимает определённое место в иерархии и связан с другими членами группы однозначной связью. В пределах поля все термины родства моносемичны (за пределами могут образовывать семантические дериваты типа *отец* «основатель чего-либо»). Структура значения одного термина строго упорядочена и ограничена набором сем, с помощью которых данный термин противопоставляется другим (набор выявляется комбинаторной методикой, напр. *отец* 1) мужской пол; 2) родитель; 3) кровный; 4) по прямой; 5) в первом поколении или *сноха* 1) женский пол; 2) рождённая; 3) по браку сына; 4) по прямой; 5) в первом поколении). Для полного освоения значения необходимо также учитывать общие семантические свойства терминов родства, важнейшими из которых являются относительность (релятивность) и встречная соотносительность [Николенко 2008].

Лицо, названное тем или иным термином, является таковым не вообще, а только по отношению к каким-либо другим, в каждом конкретном случае вполне определённым лицам. Напр.: *отец* – мужчина по отношению к своим детям; *бабушка* – женщина по отношению к своим внукам; *тёща* – женщина по отношению к мужу своей дочери. Каждому термину, называющему какое-либо лицо по его отношению к другим лицам, соответствует строго определённый термин, обозначающий тех лиц в их отношении к данному лицу. Напр.: если какое-либо лицо по отношению к другим лицам является *дядей*, то эти другие лица по отношению к нему будут являться *племянниками*.

В силу относительности лицо может быть названо по-разному: *отцом, сыном, дедом, дядей, братом, внуком, правнуком, тестем, свёгром, зятем, шурином, деверем* и т.д. – в зависимости от того, по отношению к кому это лицо определяется. На этом принципе основаны известные логические задачи:

1. В семье 2 сына, 2 отца и внук с дедом. Сколько их всего? (трое)
2. В семье 7 братьев, у каждого по одной сестре. Сколько детей в

семье? (8)

3. У мальчика братьев нет, а у его сестры столько же братьев, сколько и сестёр. Сколько в этой семье братьев и сколько сестёр? (один и две)

4. Одного человека спросили, сколько у него детей. Он ответил: «У меня сыновей столько, сколько дочерей, а у каждого сына по три сестры». Сколько же у него детей? (6)

5. Шли тёща с зятем, да муж с женою, да бабка с внучкой, да мать с дочкой, да дочь с отцом. А всего сколь? (четверо)

Семантический принцип релятивности является достаточно сложным для речевого освоения, что подтверждается исследованиями в области онтолингвистики (Г.Р. Доброва, Ж. Пиаже). Существует противоречие: термины родства, относясь к числу самых первых слов в лексиконе ребенка, не скоро усваиваются во всей полноте их значения (обычно полностью усваиваются лишь к 8-12 годам), и связано это с релятивностью их значений. Ребёнок в своём речевом развитии должен пройти несколько стадий освоения терминов родства:

1) «ярлыковую», восприятие терминов родства как личных имен, жестко привязанных к конкретному человеку: *мама* для ребенка – это личное имя его матери, как *Катя* – личное имя сестры;

2) эгоцентричную, восприятие терминов родства только с точки отсчёта «от себя»: *бабушка* – это *мама моей мамы* или *моего папы*;

3) собственно релятивную, восприятие терминов родства с любой точки отсчёта: *брат* – это каждый из сыновей родителей по отношению к другим детям этих же родителей.

Заметим, что показателем «неполного освоения» термина родства является необходимость постановки себя на место объекта, по отношению к которому описывается родство. Так, сталкиваясь с необходимостью дать определение слову *шурин*, информанты рассуждали: «Если у меня есть жена, а у неё брат, то он мне шурин». Иногда в рассуждениях информанты преодолевали все стадии освоения термина: «Сания называет Мишу шурином (ярлык). Миша – брат жены Сани(смещённый эгоцентризм, подмена *я – кто-либо*). Значит, шурин – это брат жены (полное освоение)».

Нормальное полное освоение относительности и соотносительности семантики терминов родства происходит в среднем школьном возрасте, о чём свидетельствует задача для 5-6 класса «Разглядывая семейный альбом, Ванечка обнаружил, что у него 4 прабабушки и 4 прадедушки. А сколько прабабушек и прадедушек имели его прабабушки и прадедушки вместе? (64)» Кроме математического подсчёта, задача требует понимания относительности самих терминов *прабабушка* и

прадедушка. Приведём примеры задач на относительность и соотносительность терминов родства разной степени сложности:

1. Сын отца моего, а мне не брат? (я сам)
2. Меня зовут Толя. У моей сестры только один брат. Как зовут брата моей сестры? (Толя)
3. У девочки столько сестер, сколько братьев. А ее брат сказал, что у него 3 сестры. Сколько детей в семье? (5)
4. У мальчика столько же сестёр, сколько и братьев, а у его сестры вдвое меньше сестёр, чем братьев. Сколько в этой семье братьев и сколько сестёр? (4 брата и 3 сестры)
5. Шел муж с женой да брат с сестрой. 3 яблока они поделили поровну. Сколько досталось каждому? (по 1)
6. Иван Федорович – отец Марины Ивановны, а Коля – сын Марины Ивановны. Кем Коля приходится Ивану Федоровичу? (внуком)
7. Взрослый и ребенок сели в лодку и отправились ловить рыбу. Взрослый говорит ребенку: «Ты мне сын, но я тебе не отец». Кем приходится взрослый ребенку? (матерью)
8. Двое отцов подарили сыновьям деньги. Один дал своему сыну 150 рублей, а другой своему – 100 рублей. Оказалось, однако, что оба сына вместе увеличили свои капиталы только на 150 рублей. Чем это объяснить? (Один из отцов приходится другому сыном, т.е. всего их было не четверо, а трое: дед, сын и внук. Дед лал сыну 150, а тот отдал 100 внуку, т.е. своему сыну.)
9. Сергей приехал в гости к своей сестре Кате. Гуляя по городу, они остановились у больницы. «Я навещу своего больного племянника», – сказал Сергей. «Хорошо, – сказала Катя. – У меня тут нет племянника, да и я уже сегодня проводывала его, поэтому я пойду в магазин». Каковы родственные отношения Кати и больного племянника Сергея? (мать и сын)
10. Человек разглядывает портрет. «Чей это портрет?» – спрашивают у него, и человек отвечает: «В семье я рос один, как перст один. И все ж отец того, кто на портрете, – сын моего отца (вы не ослышались, все верно – сын!)». Чей портрет разглядывает человек? (своего сына)

Принципы относительности и соотносительности являются основой для создания описательных наименований, компонентами которых являются максимально известные и обобщённые термины: *жена деверя* (или даже *жена брата мужа*) вместо *ятровка*, *брат мужа* «деверь», *сестра мужа* «золовка», *отец жены* «тесть» и т.д.

Тем самым устраняется неясность какого-либо термина, возникающая в условиях распада больших семей. Описательный термин может

состоять более чем из двух компонентов: *дочь сестры жены* «племянница по жене, племянница», встречный соотносительный термин – *муж сестры матери* «муж тёти, дядя».

Описательными наименованиями можно обозначать любые родственные отношения, однако они таят в себе определённую опасность. Если двучленные наименования воспринимаются легко и их значение более прозрачно, чем у нерасчлённых (ср.: *сестра жены* – *свояченица*), то при нанизывании трёх и более слов в описательной конструкции может произойти затуманивание смысла: *дочь двоюродной сестры мужа моей тётки по матери*. Такие конструкции громоздки, требуют длительной расшифровки и могут использоваться как логические задачи. Напр.: задание для 9-10 кл.: «Ваня рассматривает генеалогическое дерево, где отмечены одни мужчины (приведена схема). Как звали сына брата деда брата отца Вани?». Другие примеры:

1. Шуринов племянник как зятю родня? (сын)
2. У моего отца один ребёнок. Сын родителей жены сына моего отца мне кто? (шурин)
3. Его мать моей матери одним одна дочь. Кто он? (сын самой спрашивающей)

Ещё одна группа задач с терминами родства связана с семантикой возраста. Сема «возраст» не является дифференцирующей для терминов родства. Однако она частично связана с семами «свойство родителя/рождённого» и «поколение», то есть предполагается, что имеющий свойство родителя должен быть старше имеющего свойство рождённого, родственник второго поколения отличаться по возрасту от объекта больше, чем родственник первого поколения. Но прямой зависимости нет: в реальности племянник может быть старше дяди, дядя (сводный) старше бабушки, жена отца младше его дочери, тёща младше зятя и т.д. Например, у В.И. Даля: «Сын – дед самому себе. (Сорокалетняя женщина вышла за двадцатилетнего мужчину, отец которого женился на дочери первой: рождённый от первой четы сын – дед самому себе). Поэтому сема «возраст» относительно терминов родства понимается как типичный возраст человека, имеющего эти родственные отношения. С другой стороны, один и тот же человек одновременно находится в родственных отношениях разного типа: он и сын, и отец, и муж, и дядя, и деверь и т.д. Поэтому в семантической структуре термина родства фиксируется типичный возраст, когда эти отношения являются основными: *в детстве – сын, в среднем возрасте – отец, в пожилом – дед* (аналогично *дочь, мать, бабушка*), причём точкой отсчёта для определения отношений является самый младший член семьи (так проявляется детоцентричность):

1. Возраст бабушки выражается наименьшим трёхзначным числом, которое записывается разными цифрами. Сколько лет деду? (102)

2. В большой и дружной семье все мужчины носят одну фамилию и разница в возрасте между любым отцом и сыном составляет 22 года. Правнука зовут Игорь Петрович. Его деда зовут Митрофан Тимофеевич. Как звали в детстве главу семьи и сколько ему было лет, если Серёже, сыну Игоря, исполнилось 3 года? Сколько лет Петру Митрофановичу?

3. Внучке столько месяцев, сколько бабушке лет. Вместе им 91 год. Сколько лет внучке и сколько лет бабушке? (7 и 84)

4. Когда отцу было 37 лет, то сыну было 3 года, а сейчас сыну в три раза меньше лет, чем отцу. Сколько сейчас лет отцу? (51 год)

Оригинальна задача с фактически точным материалом, представляющая нетипичный возраст:

Яношу Ровену из венгерской деревни Страндова и его жене Сарре в год их смерти (1825 г.) было вместе 336 лет. Яношу с сыном 288 лет, а Сарре с сыном 280 лет. Сколько лет в 1825 г. было каждому члену семьи? (172, 164, 116 лет)

Таким образом, использование терминов родства в качестве материала для логических и математических задач прямо определяется их особыми семантическими свойствами.

ИСТОЧНИКИ

Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1984.

Дышинский Е.А. Игротека математического кружка. – М., 1972.

Задания международного математического конкурса «Кенгуру» (5-11 кл.) (2002-2005 гг.).

Кордемский Б.А. Математическая смекалка. – М., 1957.

Перельман Я.И. Живая математика. – М., 1959.

Петерсон Л.Г. Математика. 1-4 класс. – М., 2012;

Петерсон Л.Г. Игралочка. М., 2012;

Смаллиан Р. Как же называется эта книга? – М., 2007.

Фарков А.В. Математические олимпиады (5-6 класс). – М., 2006

ЛИТЕРАТУРА

Николенко О.Ю. Современные тенденции развития лексико-семантической группы наименований родства: Монография. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008 г.

© Николенко О.Ю., 2014

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Галина Анатольевна – к. филол. н., доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил, Россия.

E-mail: vadimg92@mail.ru

Борейко Татьяна Степановна – к. филол. н., доцент Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия.

E-mail: tboreyko@mail.ru

Вакуленко Диана Александровна – ассистент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: diana-vakulenko@yandex.ru

Ваулина Ирина Александровна – аспирант Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: irinkakakakaka@mail.ru

Вепрева Ирина Трофимовна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: irina_vepreva@mail.ru

Виданов Евгений Юрьевич – к. филол. н., доцент Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия.

E-mail: vidanovv@yandex.ru

Воробьева Наталья Александровна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: vorobyevanat@mail.ru

Гейко Елена Васильевна – к. филол. н., доцент Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия.

E-mail: elenageiko@mail.ru

Герасимчук Мария Сергеевна – аспирант Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия.

E-mail: liberal90@bk.ru

Гоголина Татьяна Владимировна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: gogolinatv@yandex.ru

Головачева Ольга Алексеевна – к. филол. н., доцент Брянского государственного университета, г. Брянск, Россия.

E-mail: golovacheva-olga@mail.ru

Зуева Татьяна Алексеевна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: zta51@yandex.ru

Иванова Евгения Николаевна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: z3411828@yandex.ru

Кирилова Ирина Владимировна – к. филол. н., ст. преп. Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: irishakuz@yandex.ru

Коровенкова Александра Андреевна – магистрант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: fasmert@yandex.ru

Кошкарлова Наталья Николаевна – к. филол. н., доцент Южноуральского государственного университета, г. Челябинск, Россия.

E-mail: nkoshka@rambler.ru

Кузина Юлия Викторовна – аспирант Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: kuzina85@mail.ru

Лаппо Марина Александровна – к. филол. н., доцент Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, Россия.

E-mail: lapro2000@mail.ru

Михайлова Юлия Николаевна – к. филол. н., доцент Уральского

института экономики, управления и права, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: JMikhailova@yandex.ru

Муль Ирина Леонидовна – к. филол. н., доцент Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия.
E-mail: mul.alex@mail.ru

Николенко Ольга Юрьевна – к. филол. н., доцент Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия.
E-mail: nikolenkoolga@mail.ru

Павлова Наталия Павловна – к. филол. н., доцент Череповецкого государственного университета, г. Череповец, Россия.
E-mail: npp55@mail.ru

Петкау Александра Юрьевна – аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: vpetkau@yandex.ru

Питолин Данил Викторович – ассистент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: danilpitolin@gmail.com

Рябушкина Светлана Васильевна – к. филол. н., доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия.
E-mail: svetigor@bk.ru

Сальникова Ольга Сергеевна – аспирант Череповецкого государственного университета, г. Череповец, Россия.
E-mail: salnikovaos@yandex.ru

Самигулина Фанира Габдулловна – к. филол. н., доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: fanira@mail.ru

Соковнина Вероника Владимировна – соискатель Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: tugamy@yandex.ru

Тонкова Елена Георгиевна – к. филол. н., доцент Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия.

E-mail: eltonkova@yandex.ru

Цыпьякова Ксения Олеговна – магистрант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: fasmert@yandex.ru

Шебалов Роман Юрьевич – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: shebalov@uspu.ru

Шестакова Ольга Валентиновна – ст. преп. Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, Россия.

E-mail: shestakova64@mail.ru

Шляхова Светлана Сергеевна – д. филол. н., профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия.

E-mail: shlyahova@mail.ru

Юнаковская Алла Анатольевна – к. филол. н., доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия.

E-mail: a.yunakovskaja@mail.ru

SUMMARY

CHILDREN'S SPEECH AS SPACE OF LANGUAGE CREATIVE IDEA

Pavlova Natalya. Orthographic personality of a child

Annotation: The observation of the process, which helps schoolchildren to master spelling, confirms assumption, that children have some periods, which are alike periods of mastering of spoken language. The most expressive evidence of it are spontaneous child's texts. The choice of the strategy of spelling (the use of rules, remembering of spelling of the concrete word, orthographic intuition, or all these factors) in this case isn't actual.

Keywords: Lingual personality, transcriptional spelling, morphological spelling, rule, intuition spelling, mastering of literacy.

Salnikova Olga. Without rules but correctly: normative writing preschool children.

Annotation: The article considers the features of the writing preschool children from the point of view of the impact of language intuition. The author analyzes the normative morphological writing preschool children like the manifestation of a spontaneous assimilation morphological character of Russian orthography.

Keywords: writing children of preschool age, language intuition, morphological writing, natural writing.

Samigulina Fanira. Word-making innovations in children's discourse on the basis of the specificity of the perception in the ontogenesis of perceptually ambiguous words.

Annotation: Special features of a projection of specificity of the children's thinking onto the speech and thinking activity of a child are examined in the article. There is indicated the necessity of an analyze of a children's discourse because of the peculiarities of children's cognitive growth. The article points out the significance to take into account the specificity of the organization of children's brain activity when researching the ontogenesis of a speech, particularly researching children's word creation.

Keywords: ontogenesis of a speech, children's discourse, interhemispheric asymmetry of the brain, graphic and imaginative thinking, perception, children's innovations.

LITERARY TEXT AS A SPHERE OF CREATIVITY IN LANGUAGE ACTIVITY

Avdeeva Galina. Onomastic play as the implementation of a word play allusive principle in a fiction text: a case study of 'An uyezd town of N' by M. Naumenko.

Annotation: The usage of onomastic play technique in lyrics of a song «An uyezd town of N» by M. Naumenko is analyzed in the article. The author draws attention to the fact that the combination of various onyms in one context is of «collage», illogical and ironical character and demonstrates breaking the myths and stereotypes.

Keywords: word play, onomastic play, intertextuality, collage (pastiche), precedent name.

Vorobieva Natalia. Modelling of virtual reality in mysticism of A. Pogorelskiy

Annotation: Analysis of Pogorelsky's short story «Posetitel magika» is undertaken in the report with the purpose to reveal the features of reflection magic and ritual practices of traditional folk culture in a literary work. Stereotypes of the «virtual» reality in the author's fiction projection are analyzed.

Keywords: traditional culture, literary text, ritual.

Gerasimchuk Mariya. Object-situation in the cognitive model of visual perception in the stories of Boris Yekimov (cycles «Memory of Summer» and «The worldly stories»)

Annotation: This paper examines the components of the visual perception of the situation relating to the characteristics of the object of perception, in a literary text. The visual perception of a character is holistic in nature. The language units affirms that. Emphasis within the object placed in the situation according to the author's creative installation.

Keywords: object-situation, observer, cognitive model, the subject of visual perception, the context of perception.

Golovacheva Olga. Realization of category of an okkazionalnost in early publicism of N.S. Leskov

Annotation: In article occasional units, eksplitsirovanny in N.S. Leskov's early articles are analyzed. Owing to an expressional and semantic saturation composites and the usual lexemes which have undergone semantic transformation act as an effective remedy of impact on the reader

Keywords: N.S. Leskov, early journalism, nonce words.

Kuzina Yulia. The Wizard of Oz's artistic image as a representation of archetypes the Spirit and the Trickster

Annotation: The article presents the results of elicitation of metaconcepts the Spirit and the Trickster obtained within the comparative lingvocultural research of artistic images in the fairy story by L.F. Baum «The Wonderful Wizard of Oz», its translation into Russian by S. Belov and the literary interpretation by A.M. Volkov.

Keywords: archetype, metaconcept, the Sage, the Trickster, lexemes' definition analysis.

Mikhaylova Julia. Character's pluralism of speech manner as a feature of author's creativity

Annotation: The article analyses the speech peculiarities of the character from S. Minaev's novel «Дyxless», reveals character's heteroglossia, which is specified by social environment and communication aims.

Keywords: heteroglossia, speech culture, sublanguage, foreign lexis.

Korovyonkova Aleksandra. On the comic potential of proper name Kuz'ka in the novell of Strugatsky brothers «Tale of the Troika»

Annotation: A try to detect comic potential of proper name Kuz'ka, which refers to the fantastic character – pterodactyl – in the novell of Strugatsky brothers «Tale of the Troika». The author advances an idea, that perception of the proper name and its referent as comic is based on their discrepancy.

Keywords: proper name in the literary text, literary proper name, poetonim, comism, comics.

Pitolin Danil. Metaphorical modeling of the concept «alien» within the dichotomy «one's own-alien» in the short story collection «Drown» by J. Díaz

Annotation: In this article the matter of metaphorical modeling of the concept «alien» in the short story collection «Drown» by J. Díaz is considered.

Keywords: conceptual metaphor, dichotomy «own-alien», Spanglish, literature in Spanglish

Shebalov Roman. Proper Names' Semantics in Short Stories by A. Chekhov

Annotation: Some issues of play on proper names in A. Chekhov's short stories are observed.

Keywords: proper name, semantics, play on words, A. Chekhov.

Vidanov Evgeny. Semantic and derivative potential of the epoch key-word, or passion for the Olympics.

Annotation: The article discusses speech neologisms, which got active dissemination in the media language and Internet discourse in connection with the Winter Olympics in Sochi. The word Olympics, having received status of the epoch key-word, became the basis for the implementation of speakers` lingua creative opportunities.

Keywords: epoch key-word, semantic potential, derivation, estimation, the Olympics.

Koshkarova Natalya. Foreign mass-media about Sochi`s opening ceremony: speech creativity and politics viewpoint

Annotation: The paper is devoted to the analysis of speech influence means in foreign mass-media while covering Sochi`s opening ceremony. The author comes to the conclusion that speech creativity in mass-media is closely connected with the geopolitical world situation.

Keywords: the Olympic Games, speech creativity, geopolitical world situation

Sokovnina Veronika. Lingua-creativity of the adult world: games on the «social network»

Annotation: The article is dedicated to the concept of the «game» and the role of it in the realms of the adult culture. Author analyzes the origins and development of the internet meme poetical pieces as the variatons of the lingua-creative activity of the adult; one also tries to display it`s psychological and social functions.

Keywords: lingua-creative activity, linguistic game, nonsensical literature, meme poetry, the linguistic joke mechanism

Tonkova Elena. New words with the root *mono-* in the language of the press

Annotation: The article is devoted to analysis of the new words with the root *mono-* in the language of the contemporary Russian press. The author tries to explain the reasons of activity of this rood in Russian word-formation.

Keywords: word-formation, the language of the press, new words.

Tsyplyakova Ksenia. Typology of language play in XX century periodicals

Annotation: the article analyses the facts of language games in the media of the twentieth century. Material in the periodical press of the three

periods (1900-1920, 1930-1950 and 1960-1980) maps to the private allocation of constructive principle, the Foundation of the Association and operational mechanism of YaI.

Keywords: language game, constructive principle, operational mechanism, the associative context, journalism of the 20th century.

MECHANISMS OF SPEECH CREATIVITY: NORM AND ANOMALY

Boreyko Tatiana. Realization of different types of metaphorical transfer on a material of the adjectives designating signs of tactile perception

Annotation: In article various ways of emergence of figurative senses of the adjectives characterizing process of tactile perception are considered. The directions of metaphorical transfers, ways of updating of language metaphors in texts of the Russian speech are analyzed.

Keywords: ways of emergence of figurative senses, expansion of semantic compatibility.

Vakulenko Diana. About language status and speech properties of phraseoscheme «Чтоб + V finit (np.b.)!»

Annotation: This article is devoted to the description of phraseosyntactic schemes of modern Russian language with the compulsory component *чтоб* which are the linguistic units of the phraseological subsystem, characterized by the reproductiveness, stability, structural and semantic integrity, idiomacity and expressiveness. These phraseosyntactic schemes possess an unchangeable structure which helps to create other sentences-utterances with the same meaning. They can express both subjective and evaluative shades of meaning. The use of these phraseoschemes in the colloquial speech makes the communication better and add the unconstrained character to the communication process.

Keywords: Syntactical phraseology; fixed phrase scheme; phraseological subsystem; stability; Russian language.

Vaulina Irina. Phonosematic projections in the perception lexical meaning *ekspressemj*

Annotation: In article experimentally verified the semantic content of the phonetic shape *zvukosimvolicheskoy ekspressemj* in the aspect of its ability to model the conceptual content of the token and call attendant, not audio sensations of different modalities of perception.

Keywords: expressiveness, *zvukosimvolicheskoe* word, psycholinguistic experiment, linguistic consciousness.

Vepreva Irina, Petkau Alexandra. The concept *Health* through the prism of zoomorphic metaphor

Annotation: The article presents the results of the directional associative experiment held among the native Russian-speaking people with the intention of identifying and describing of the concept *Health* metaphorical zoomorphic image.

Keywords: concept, health, associative experiment, metaphor, linguistic consciousness, zoomorphic image.

Geyko Elena. Metaphorical potential pro-position components olfactory perception

Annotation: In article possibilities of compensation of poverty of lexicon of olfactory perception through the metaphorical potential of all components of a pro-position of olfactory perception on a material of the statements containing information on smells are considered.

Keywords: pro-position, basic components of a pro-position, smell source, subject of olfactory perception, process of perception of a smell, parametrical / categorial word, metaphorical reconsideration.

Zoueva Tatiana. Lingual Creative Potential of Unofficial Urbanonyms of Ekaterinburg: From *Bush* to the *Tortoise*

Annotation: The article describes creative techniques of nomination of unofficial Urbanonyms of Ekaterinburg.

Keywords: an unofficial Urbanonyms, creative techniques of nomination, the play of words.

Ryabushkina Svetlana. About the Stylistically Marked Usage of Russian Collective Numerals

Annotation: In modern Russian literary language collective numerals are a small number of lexical units, within the first tens. Speech yields collective numerals for larger numbers as a realization of the word-building potential of the numeral system (*odinnadtsatero*, *dvadtsatero*, etc.); their usage is stylistically marked. Wider combinability of collective numerals also provokes stylistic effects, in particular, in cases of personification, for aesthetic purposes (examples deal with combinations of collective numerals with animals).

Keywords: the Numeral, stylistics, syntagmatics, category of animacy, category of person, active processes in Modern Russian.

Shlyahova Svenlana, Shestakova Olga. Lingvocreative potential of onomatopoeia in German and in Russian

Annotation: This article describes the linguocreative potential of onomatopoeia on a level of scientific terminology and advertising texts. In German presented mechanisms of linguocreation considered as the norm i, in the Russian language – as an anomaly.

Keywords: creativity in language activity, onomatopoeia, terminology, advertising, German, Russian

Yunakovskaja Alla. Functions of urban word-formation activity (on material of Omsk)

Annotation: In the article are examined the methods of formation of units, used habitants Omska. The derivatives collected within bounds of city serve as material for research. Primary purpose of research – to select the word-formation functions used by a mass native of city speaker, and facilities used for their display. Consideration of derivatives allows to select the basic tendencies of word-formation activity of habitants of city.

Keywords: «city language», colloquial city word-formation, word-formation functions and facilities, word-formation activity of habitants of city.

CREATIVE PRACTICES OF A LANGUAGE PERSON

Gogolina Tatiana. Communicams semantics of doubtfulness linguocreative activity of a speaker

Annotation: Changes which are happened in a group of *communicams* with the meanings of dubious (as a demonstration of linguocreative activities of a speaker) discussed in the article. The author analyzes the results that have been obtained by him in the course of a series of psycholinguistic experiments on this material.

Keywords: communicams, semantics of doubtfulness, psycholinguistic experiment, linguocreative activity of a speaker.

Ivanova Evgeniya. Creative methods of impact on the addressee in business letters of the historic language personality

Annotation: The article considers the methods of formulating orders in business letters 18th century Analyses the implementation of influencing a person's needs in the text.

Keywords: precedent text, business writing, the rules officially-business style, language personality.

Kirilova Irina. The notion of evil spirits in the minds of speakers

Annotation: The article contains a description of the psycholinguistic experiment to identify the perception demonological modern vocabulary

native speakers.

Keywords: psycholinguistic experiment demonologema principle nomination associative field, linguistic consciousness.

Lappo Marina. Creative resources of dialogue participants: communicative and meaningful aspects (based on conversations of V. D. Duvakin and M. M. Bakhtin)

Annotation: The article analyzes verbal behavior of Bakhtin, the interviewee of V.D. Duvakin. The author proves the idea that partial or complete lexical and grammatical repetition in responses plays some special role as a marker of a short distance with the person and attention to his words, as well as aspirations to dynamise dialogue process.

Keywords: dialogue, communicative strategy, verbal priming, elitist language personality, Bakhtin.

Mul Irina. The technics of language play in a modern tongue-twister, or a new outfit of an old acquaintance

Annotation: The article analyses playing features of a modern tongue-twister in the aspect of its comparison with the traditional tongue-twister; imitative principle of language play is recognized as a leading one in emulation of modern tongue-twister texts.

Keywords: mechanisms of language play, media discourse, imitative principle of language play.

Nikolenko Olga. Semantics of kinship terms as a basis of text math problems.

Annotation: The article deals with the text math problems containing kinship terms. The organization of the semantic field of kinship terminology and semantic features of a single term allow using them as material for logical analysis.

Keywords: terms of kinship, semantics, seme, component analysis.

Электронный журнал

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. 2014. № 2.

Серия

«ПСИХОЛИНГВИСТИКА В ОБРАЗОВАНИИ»

(вып. 3)

Издатель: ФГБОУ ВПО

«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес издателя и редакции:

620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 281.

E-mail: vorobyevanat@mail.ru

Тел.: (343) 235-76-64; (343) 235-76-41

Периодичность издания: 1 раз в квартал

Периодичность серии: 1 раз в год